538

И. П. Минаевъ.

ОЧЕРКИ
ЦЕЙЛОНА И ИНДІИ

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАМѢТОКЪ РУССКАГО

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Л. Ф. Пантелѣева.
1878.

Текстъ печатанъ въ тип. В. Лихачева и А. Суворина, Эртел. п., д. № 2/11.

ОЧЕРКИ ИНДІИ.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ).

III.

Въ Камаонѣ: Алмора и алморскіе пѣвцы.

I.

Въ концѣ мая жара въ Бенаресѣ становилась невыносимою, въ полномъ смыслѣ этого слова. Ни на минуту, ни днемъ, ни ночью, ни въ комнатѣ, ни на дворѣ нельзя было отыскать прохлады. Среди дня, выходить изъ дому не было никакой возможности; солнце палило и ослѣпляло своимъ блескомъ; отъ стѣнъ, отъ бѣлаго песку несло жаромъ; отъ отражающихся лучей становилось больно глазамъ. Вѣтеръ душилъ, обдавая облакомъ пыли. Даже утромъ, въ половинѣ шестого или въ шесть часовъ становилось жарко и душно; недолгая прогулка утомляла и разслабляла. Ни зонтикъ, ни индійскій шлемъ, ничто не спасало отъ вліянія лучей индійскаго солнца; изъ всѣхъ поръ точился потъ; и послѣ нѣсколькихъ шаговъ, мокрое платье липло къ разгоряченному тѣлу, тѣмъ самымъ связывая движеніе и вызывая во всемъ существѣ какое-то очень непріятное чувство не-по-себѣ. Черезъ двѣ-три мили утомленіе брало верхъ надъ любопытствомъ; на диковинки, на разновидные курьезы начинаешь тупо и безучастно смотрѣть; позываетъ къ себѣ, въ полутемный покой, гдѣ подъ вліяніемъ панка возможно было найдти

временный отдыхъ. До тѣхъ поръ, пока *панка* двигался, въ районѣ его вѣянія дышалось легко; но, лишь задремлетъ рабочій, погоняющій зефиръ, и панка остановится, мгновенно все тѣло, съ головы до ногъ, покрывалось обильною испариною; ночью, къ этому присоединялись миріады москитовъ. И откуда только они брались! Не успѣетъ панка остановиться, какъ они тутъ: жужжатъ и снуютъ, и кусаютъ и спать не даютъ. Но въ Индіи жара все-таки сноснѣе, нежели на Цейлонѣ; здѣсь всюду, во всѣхъ комнатахъ, водятся панка; всюду возможно отыскать чистую воду, а въ большихъ городахъ даже ледъ. Въ отеляхъ, въ Дакъ-бангалоу (т. е. казенныхъ постоялыхъ дворахъ), при каждой комнатѣ есть купальня. На Цейлонѣ всѣ эти удобства не всегда доступны; путешественникъ большею частью принужденъ жить среди болѣе первобытныхъ условій; не только ледъ, но и чистая вода тамъ рѣдкость; а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ центрѣ острова, и грязной воды не обильно. Въ Коломбо, въ лучшемъ отелѣ, на сотни живущихъ тамъ всего двѣ-три купальни; расположены онѣ въ дальнемъ разстояніи отъ комнатъ и за всякое купанье взимается шиллингъ, т. е. 35 копѣекъ.

Несмотря, однакоже, на обиліе воды въ даровой купальнѣ, на ледъ, на вѣяніе панка, въ Бенаресѣ было все-таки душно и несносно, и такъ каждый день, отъ полуночи до полуночи; казалось, что живешь въ постоянной банѣ. Трудно вообразить себѣ, до какихъ чудовищныхъ размѣровъ развивалась лѣнь, подъ вліяніемъ этой температуры; среди дня являлась возможность заснуть за книгой, полной новизны и интереса. Сонъ въ неурочный часъ не только не освѣжалъ, но еще болѣе располагалъ къ ничего-недѣланію; заставить себя написать нѣсколько строкъ стоило не малыхъ усилій. Туземцы чувствовали себя отлично въ эту погоду и предрекали, что въ іюнѣ будетъ потеплѣе. Я рѣшился ѣхать на

сѣверъ, въ Гималаи, не дожидаясь іюня, и въ концѣ мая, въ одинъ, дѣйствительно прекрасный, день бѣжалъ изъ священнаго града; утро, какъ-бы на зло, въ тотъ день было сравнительно съ прежними прохладно. Накрапывалъ небольшой дождь и не было вѣтра. Въ вагонѣ былъ панка, и какъ только поѣздъ двинулся по направленію къ Лакноу, явился рабочій двигать панка; при закрытыхъ окнахъ и вѣяніи панка внутри вагона не только было сносно, но даже пріятно послѣ бенаресской жары.

Къ сожалѣнію, все это продолжалось не долго; въ девять часовъ жаръ сталъ чувствителенъ; поднялся вѣтеръ, и столбы дыма, пыли врывались въ вагонъ, чрезъ жалузи. Отъ панка не было никакой прохлады, искусственный зефиръ обдавалъ путешественника горячимъ пескомъ и ѣдкимъ дымомъ. Поѣздъ двигался довольно быстро, но съ безпрестанными, продолжительными остановками; и такъ какъ въ это время года мало кто изъ европейцевъ ѣздитъ, то на всемъ пути отъ Бенареса до Лакноу нельзя было достать никакой ѣды. Кое-гдѣ, на станціяхъ чуть не совершенно нагіе мальчишки продавали полугнилые бананы, и необыкновенно великіе и аппетитные арбузы. Англичанинъ, житель Индіи, знаетъ какъ путешествовать по Индіи; на буфеты онъ не разсчитываетъ, а беретъ съ собою всякаго рода продовольствія и даже постель и подушки; ѣдетъ за нѣсколько миль съ своимъ домкомъ и двумя-тремя слугами разныхъ исповѣданій. Одного слугу,—мусульманина, англичанинъ беретъ за обѣдомъ служить, такъ какъ ни одинъ индійцъ не согласится подать ѣду европейцу или присутствовать за его обѣдомъ. То и другое оскверняетъ индійца и лишаетъ его касты. Другого—индійца, онъ беретъ въ должности valet; и, конечно, чѣмъ важнѣе англичанинъ, тѣмъ многочисленнѣе его свита; двое, трое слугъ всего чаще сопровождаютъ путешествующаго здѣсь англичанина. Слуги здѣсь, въ сѣверной Индіи, рѣдко

говорятъ по-англійски, но всѣ понимаютъ ломанный и коверканный урду европейцевъ. Это не мало, и по всей вѣроятности достигается ими не безъ нѣкотораго труда и навыка, такъ какъ извѣстно, что англичане не мастера изъясняться на иностранныхъ языкахъ. Не имѣвъ всѣхъ этихъ удобствъ при себѣ: ни слугъ, ни запасовъ, и проголодавъ въ продолженіи двѣнадцати часовъ, я былъ очень радъ, когда наконецъ мы добрались поздно вечеромъ до Лакноу; нашъ поѣздъ опоздалъ нѣсколькими часами по неизвѣстной мнѣ причинѣ.

Лакноу, какъ большинство городовъ Индіи, если безусловно вѣрить мѣстнымъ преданіямъ, существуетъ тысячи лѣтъ. Говорятъ, что городъ былъ выстроенъ Лакшманомъ, братомъ Рамы (воспѣтаго въ Рамаянѣ); увѣряютъ, что городъ стоитъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ шестьдесятъ тысячъ мудрецовъ подвизались въ лѣсу Наймиши. Вѣрно однакоже одно, съ 1775 года Лакноу сталъ столицею Ауда и всѣ наиболѣе замѣчательныя зданія города воздвигнуты были послѣ того. Въ настоящее время (и вѣроятно также было и прежде) городъ представляетъ странную смѣсь нищеты, грязи и тяжелой, безобразной роскоши. Городъ дворцовъ, мечетей, индусскихъ храмовъ, мавзолеевъ, величественныхъ воротъ, и въ то же время съ узенькими улицами, плохо вымощенными и грязными; въ срединѣ города попадаются полуразвалившіеся заборы, на бокъ покачнувшіяся хижины, крытыя соломою; европейская часть города т. е. *cantonments*, представляетъ, какъ и по всюду въ Индіи, разительный контрастъ съ туземнымъ городомъ: всюду широкія улицы, обиліе зелени, просторъ и чистота. Аудъ былъ присоединенъ къ британскимъ владѣніямъ въ 1856; послѣдній аудскій король до сихъ поръ живетъ около Калькутты. Его громадные дворцы, съ пространными садами, бросаются въ глаза при приближеніи къ Калькуттѣ; здѣсь падшій король проживаетъ ежегодно свои двѣнадцать лаковъ (т. е. сто

двадцать тысячъ фунтовъ), никогда не сводя концы съ концами и постоянно должая. Домены теперешняго ex-короля Ауда расположены на берегу Хугли; онѣ обнесены стѣною и этотъ маленькій городокъ поражаетъ путешественника своею чистотою и безобразною роскошью.

Не много нужно проницательности, чтобы понять, почему падшему величію не хватаетъ десяти тысячъ фунтовъ въ мѣсяцъ, и ex-король постоянно въ долгу. За этими стѣнами у него шесть тысячъ вѣрно - подданныхъ, готовыхъ постоять за него, но къ сожалѣнію только пятьдесятъ человѣкъ изъ нихъ вооружены. Его окружаетъ такой же многочисленный и раболѣпный дворъ, какъ въ старые годы въ Аудѣ. Число его женъ достигаетъ до полутораста, изъ нихъ двѣ жены считаются царицами; другія суть поставщицы дѣтей. Дѣтей у ex-короля пятьдесятъ шесть человѣкъ: тридцать одинъ сынъ и двадцать пять дочерей.

За этими стѣнами находится нѣсколько дворцовъ, въ которыхъ попеременно проживаетъ ex-король, а кругомъ дворцовъ въ садахъ расположенъ звѣринецъ несомнѣнно самый громадный во всемъ мірѣ. Въ немъ насчитываютъ болѣе двадцати тысячъ птицъ, звѣрей и змій. Въ центрѣ звѣринца находится обширный прудъ въ 300 ф. длины и 240 ф. ширины; здѣсь живутъ разнообразнѣйшія рыбы. Холмъ тридцати футовъ въ вышину, изрытый норами и ходами, служитъ мѣстопребываніемъ для разнообразныхъ и многочисленныхъ змііныхъ породъ. Болѣе опасные зміи, напр. *cobra* содержатся отдѣльно отсюда. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, ex-король выписалъ откуда-то тысячи различныхъ змій, но къ великому его огорченію, партія змій не достигла его звѣринца, а была перехвачена по приказанію британскаго правительства.

Ex-король рисуетъ и пишетъ стихи; пѣсни имъ сочиненныя распѣваются на всѣхъ *начахъ* по всей Индіи. Онъ со-

держитъ на свой счетъ танцовщицъ, пѣвицъ, музыкантовъ. Его садами завѣдываютъ болѣе трехъ-сотъ садовниковъ. На одинъ кормъ его звѣринца истрачивается въ мѣсяцъ болѣе пяти сотъ фунтовъ стерлинговъ, и никто не можетъ вычислить даже съ приблизительною точностью, что стоитъ содержаніе всѣхъ его дамъ.

Присоединеніе Ауда, какъ извѣстно, считается одною изъ главныхъ причинъ послѣдняго возстанія (1857), и осада Лакноу до сихъ поръ свѣжо помнится старожилами. Худо жилось аудцамъ при собственныхъ царяхъ, но быть присоединенными къ владѣніямъ остъ-индской компаніи имъ также не хотѣлось. По свидѣтельству правдивыхъ наблюдателей, народъ, когда ему говорили о присоединеніи къ владѣніямъ остъ-индской компаніи высказывали такъ: „мы несчастны, но да минуетъ насъ это большее изъ всѣхъ несчастій!“

Народъ, высшій и нисшій классы, не хотѣли присоединенія и какъ объясненіе своего нежеланія приводили одно: „тогда изчезнетъ самое имя Ауда, и мы перестанемъ существовать какъ отдѣльный народъ!“

Мнѣнія и нежеланія аудцевъ раздѣлялись многими внѣ Ауда. Аудская династія не была древнимъ царскимъ родомъ, но индусы вѣрили, что лакноускіе цари возсѣдаютъ на тронѣ самого Рамы.

Эта вѣра въ древность столицы Ауда окружала въ ихъ глазахъ особымъ поэтическимъ ореоломъ лакноускіе дворцы и сады. Но купцы и торгаши въ Leadenhall street Рамаяны не читали и такъ же какъ ихъ „великій проконсулъ“ въ Калькуттѣ были людьми не застѣнчивыми и не сентиментальными. Присоединеніе Ауда было выгодно, и въ февралѣ 1856 г. Лордъ Дальхаузи объявилъ, что королевство Аудъ не существуетъ болѣе: низложенъ былъ король и унижено его воинственное феодальное дворянство. Весь Аудъ былъ противъ

англичанъ и неудовольствіе также распространялось далеко за предѣлами присоединенной страны. Англичане замѣчали это тогда же, но не зная народа, они не могли разсчитать до какихъ ужасныхъ размѣровъ доростетъ народное негодованіе. Бунтъ засталъ англичанъ неприготовленными; они дорого поплатились за свое незнаніе народа, но, нужно отдать имъ справедливость, мужественно отстояли свои права. Въ Лакноу разыгрался одинъ изъ геройскихъ эпизодовъ этой кровавой драмы. Здѣсь, въ такъ-называемой резиденціи (т. е. въ домѣ, гдѣ жилъ британскій резидентъ до присоединенія Ауда) около тысячи англичанъ, солдатъ и женщинъ выдержали тяжелую осаду съ 30-го мая 1857 по 22 ноября того же года. „The Residency" самое любопытное мѣсто въ Лакноу; домъ былъ выстроенъ въ 1800 г., стоитъ на нѣкоторомъ возвышеніи и окруженъ большимъ садомъ, въ которомъ нѣсколько меньшихъ зданій; теперь зданія въ полуразвалившемся состояніи; вполнѣ сохранилось подземелье, въ которомъ прятались жены и дѣти осажденныхъ, да садъ, кругомъ зданій, поддерживается съ большимъ тщаніемъ.

Кромѣ резиденціи въ Лакноу, городѣ мусульманскомъ, есть нѣсколько другихъ примѣчательныхъ зданій: Имамбара, бывшая мечеть, а теперь мѣсто склада для пушекъ, ружей и т. д., Кайзеръ Багъ, дворецъ, выстроенный послѣднимъ королемъ, а нынѣ занимаемый англійскими солдатами и ихъ женами, множество другихъ дворцовъ и зданій съ громкими именами: „домъ солнца" „радость сердца" и т. д. Древнихъ зданій въ городѣ нѣтъ; стиль всѣхъ почти построекъ полуитальянскій съ примѣсью восточной тяжелой роскоши. Древнѣйшимъ образцомъ итальянской архитектуры здѣсь считается домъ, выстроенный французскимъ генераломъ Клодъ-Мартеномъ (Claude-Martin), и въ которомъ теперь помѣщается La Martinière College. Населеніе города (295 т.)

главнымъ образомъ мусульманское, и какъ мнѣ привелось услышать на мѣстѣ, не считается англичанами *„лояльнымъ“*: это не значитъ однакоже, чтобы лакноуцы подумывали о новомъ бунтѣ. Послѣ 1857 англичане стали гораздо предусмотрительнѣе и врядъ ли дадутъ себя захватить врасплохъ.

Я провелъ въ Лакноу нѣсколько дней: послѣ Бенареса, лакноуская жара казалась сносною. Безъ панка и здѣсь нельзя было жить, но по утрамъ бывало прохладно и около шести часовъ вечера жаръ значительно спадалъ.—Отъ Лакноу до Барелли продолжается та же линія желѣзной дороги (Oude and Rohilkund) и тѣ же порядки: безпрестанныя и продолжительныя остановки, станціи съ буфетами и безъ всякой ѣды. Въ Барелли желѣзная дорога кончается; далѣе, съ Ранибагомъ, у подошвы горъ, сообщеніе производится посредствомъ *Horse dak*. Отъ Барелли до Ранибага считается семьдесять-пять миль: за тридцать рупи (т. е. три фунта) путешественнику дается индійская карета и пара лошадей (мѣняющіяся чрезъ каждыя пять-шесть миль). Индійская карета (гари) наружно мало чѣмъ отличается отъ европейской; но въ гари можно только лежать, а не сидѣть, что̀ въ дорогѣ большое удобство. Ранибагъ въ гидахъ обозначается „at the foot of the hills“; на самомъ дѣлѣ нужно пройти около трехъ миль, и затѣмъ начинается подъемъ въ гору, къ Наини-Талу. Дорога не представляетъ ничего любопытнаго, но сама по себѣ замѣчательно хороша: гладкое широкое шоссе ведетъ вплоть до Наини-Тала (10 миль).

Наини-Талъ—небольшой городъ на высотѣ семи тысячъ футовъ, и его озеро, какъ круглое зеркало, положенное среди высокихъ горъ, грандіозно-красиво. Всюду по горамъ густая зелень, изъ-за которой выглядываютъ бѣлыя стѣны домовъ и домиковъ, разбросанныхъ по склонамъ. Къ каждому дому вьется подъ густою тѣнью дорожка, прекрасно вымощенная;

широкое шоссе огибаетъ все озеро. Климатъ на такой высотѣ совершенно какъ въ южной Европѣ: жары нѣтъ даже въ полдень: шапка, зонтикъ, шлемъ здѣсь не нужны: здѣсь бродить можно цѣлый день, не уставая и не въ потѣ лица. Вечеромъ, когда солнце начинаетъ заходить, на озеро, на ярко освѣщенныя вершины горы съ ихъ вѣковыми деревами нельзя достаточно налюбоваться. Предъ глазами—одна изъ тѣхъ величественныхъ картинъ, которыя такъ глубоко вліяли на развитіе индійскаго религіознаго міросозерцанія: живя среди такой природы, первобытный индійцъ, не разгадывая ея тайнъ, но глубоко чуя ея красоты, сталъ обожать гималайскія рѣки и озера. Въ этотъ часъ по озеру снуютъ лодки; изъ всѣхъ домиковъ показываются носилки (седаны, жампаны) съ дамами. Найни-Талъ, какъ всѣ такъ-называемыя hill-stations въ Индіи, мѣсто модное, начиная съ апрѣля до конца октября: на это время сюда пріѣзжаетъ губернаторъ сѣверо-западной провинціи, его штатъ,—всякій, кому посчастливилось получить отпускъ; множество военныхъ живутъ здѣсь въ это время. Вечеромъ, начиная съ пяти и до обѣда, словомъ—въ модные часы, шоссе около озера превращается въ Роттенъ-роу Гайдъ-парка. Такъ какъ въ экипажахъ здѣсь ѣздить нельзя, то дамы разносятся кругомъ озера въ седанахъ, жампанахъ, т. е. въ носилкахъ; толпы туземной прислуги окружаютъ каждый жампанъ; это восточное заимствованіе западнымъ человѣкомъ сначала, съ непривычки, кажется очень страннымъ. Около иного жампана, въ которомъ сидитъ щедущная англичанка, человѣкъ двадцать носильщиковъ; при этомъ иногда случается, что супругъ по болѣзни или старости не можетъ ѣздить верхомъ и сопровождаетъ супругу въ другомъ жампанѣ, съ такимъ же числомъ прислуги. Во все продолженіе сезона удовольствія не прекращаются; главнымъ образомъ крикэтъ и бадминтонъ зани-

маютъ публику; объ отличившихся въ этихъ играхъ да о boat race говорится неустанно, и почти-что ежедневно пишется въ газетахъ; но, кромѣ того, въ сезонъ здѣсь бываютъ любительскія драматическія представленія, балы, концерты и т. д. Здѣсь есть также библіотека, очень изрядная по количеству томовъ; странно однакоже, что большинство книгъ не относится до Индіи, и число выписываемыхъ индійскихъ газетъ въ сравненіи съ лондонскими ничтожно. Послѣднее отчасти понятно: большинству индійскія газеты нужны для того, чтобы слѣдить за производствами, перемѣщеніемъ оффиціальныхъ лицъ, и т. д.; для такой цѣли, конечно, достаточно одной, много двухъ газетъ. Въ такихъ мѣстахъ, какъ Найни-Таль, Симла и т. п., всего труднѣе видѣть настоящую, туземную Индію; колонія сагибовъ, пріѣзжающихъ сюда, старается по возможности забыть на время объ Индіи и окружить себя, насколько силъ хватаетъ, европейской обстановкой; мѣстный характеръ склада жизни, конечно, вполнѣ не исчезаетъ, и бросается въ глаза человѣку непривычному къ мѣстнымъ порядкамъ; но весь складъ англо-индійской жизни такъ мало интересенъ, что жить въ Найни-Талѣ для изученія этого было бы по меньшей мѣрѣ скучнымъ дѣломъ; къ тому же, дождливое время должно было скоро наступить, а потому, чрезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ, я пустился далѣе къ сѣверу, въ Алмору. Отъ Найни-Тала до Алморы считается по кратчайшей дорогѣ двадцатьдевять миль; дорога на всемъ протяженіи отличная, но такъ какъ она частью вьется въ гору, и къ тому же багажъ, а иногда и путешествующій вынужденъ передвигаться на плечахъ носильщиковъ, то переѣздъ изъ Найни-Тала до Алморы занимаетъ около двухъ дней. На полъ-пути, въ Кернѣ, выстроенъ просторный дакъ бангалоу. Первая половина пути до Керна самая легкая и пріятная, какъ только переберешься чрезъ горы, стѣною окружающія

Наини-Тальское озеро, во всю дорогу двигаешься подъ гору; до Керна то же обиліе зелени и тѣни, что и въ Наини-Талѣ; горы покрыты густымъ лѣсомъ; характеръ мѣстности вдоль рѣки Коси напоминаетъ долину рѣки Рапути, въ Непалѣ. Въ Кернѣ, въ продолженіи шести миль, тоже роскошная обстановка: ѣдешь вдоль шумливой рѣки (Коси) подъ тѣнистымъ сводомъ; по склону горъ, у самой дороги кое-гдѣ цвѣтутъ рододендроны, попадаются дубы, а у самой вершины виднѣется ель. Послѣ шестой мили дорога поворачиваетъ на востокъ; лѣсъ исчезаетъ; скудная трава и по временамъ совершенно обнаженные склоны горъ длятся во всю дорогу, вплоть до Алморы. Шоссе продолжается, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оно такъ узко, что двѣ лошади съ трудомъ могутъ разойтись. Мѣстность кругомъ, не густо населенная, кое-гдѣ виднѣются одиночные домики, и, кромѣ носильщиковъ съ чаемъ, никто по дорогѣ не встрѣчается.

Алмора, главный городъ провинціи Камаонъ, расположена на высотѣ 5340 ф. Городъ выстроенъ на вершинѣ кряжа, направляющагося отъ востока къ западу, и базаръ, главная улица города, растянутъ на цѣлую милю. Городъ населенъ исключительно туземцами; домы европейцевъ, всѣ безъ исключенія, внѣ города, и разсѣяны въ разныхъ мѣстахъ ближайшей окрестности по склонамъ горъ. Городъ не красивъ; но съ вершинъ нѣкоторыхъ ближайшихъ горъ открывается широкій видъ: вся страна кругомъ представляется перерѣзанною различными кряжами, безъ широкихъ долинъ; кряжи, взаимно другъ друга пересѣкая, вьются въ разныхъ направленіяхъ. Къ сѣверо-западу, въ ясное утро, послѣ дождя, обрисовываются отдаленныя снѣжныя вершины. Всѣ ближайшія горы, насколько онѣ видны изъ города, безъ лѣса, но въ обиліи покрыты травою; по склонамъ множество домовъ, туземныхъ и европейскихъ; какъ тѣ, такъ и другіе исключи-

тельно каменные и крыты каменными плитами; архитектура туземныхъ домовъ имѣетъ отдаленное сходство съ непальскою; но въ рѣдкихъ туземныхъ домахъ, кое-гдѣ, попадается рѣзьба, довольно грубая. Ни въ городѣ, ни въ окрестностяхъ нѣтъ ни замѣчательныхъ храмовъ или другихъ какихъ-либо зданій: нѣтъ также какихъ-либо памятниковъ глубокой древности: исторія Камаона извѣстна въ обрывкахъ, и начинается очень поздно (XII в.). У здѣшнихъ брахмановъ попадаются списки древнихъ царей, списки брахманскихъ семей, съ обозначеніемъ, кто откуда пришелъ и какими землями владѣлъ. Изъ этихъ немногочисленныхъ данныхъ можно вывести одно заключеніе: арійская колонизація этихъ гималайскихъ странъ шла съ юга, частью изъ Ражпутаны; Камаонъ, также какъ Гарвалъ, повидимому, никогда не принадлежалъ одной династіи, а былъ раздѣленъ между множествомъ мелкихъ владѣтелей; каждый такой ража владѣлъ своимъ клочкомъ земли, жилъ въ укрѣпленномъ замкѣ, разбойничалъ и воевалъ съ сосѣдями. Такъ продолжалось до конца прошлаго столѣтія (1790) или до завоеванія Камаона непальцами. Непальцы владѣли Камаономъ до 1816, и до этого года Камаонъ былъ совершенно неизвѣстенъ; въ Алмору англичанъ не пускали, здѣшній фортъ считался непальцами непокоримою твердынею. Въ 1815 г. между англичанами и Непаломъ возникли недоразумѣнія: переговоры не уладили затрудненій, а повели къ войнѣ. Непальцы дрались храбро, и въ началѣ кампаніи всюду били англичанъ, совершенно незнавшихъ горной страны, въ которой имъ пришлось дѣйствовать. Въ концѣ-концовъ, однакоже, умѣнье и искусство взяли верхъ надъ храбростью: непальцы были побѣждены и изгнаны изъ Камаона. Камаонъ вмѣстѣ съ Гарваломъ были присоединены къ британскимъ владѣніямъ; вмѣстѣ съ этимъ, конечно, исчезла всякая тѣнь камаонской самостоятельности: алморскій ража

былъ низложенъ и зажилъ какъ частный человѣкъ, получая пенсію отъ остъ-индской компаніи. Его внукъ до сихъ поръ живетъ въ Алморѣ: больной, развращенный и совершенный невѣжда. Бхимъ-Сенъ не имѣетъ никакого значенія и нисколько не опасенъ англичанамъ. Даже въ послѣднее возстаніе камаонцы остались вѣрными англичанамъ, и теперь никто изъ нихъ не думаетъ о возстановленіи старой, туземной династіи. Представитель этой династіи не богатъ и народъ почитаетъ его за полусумасшедшаго. Его бывшіе вѣрноподданные не оказываютъ ему даже наружнаго почтенія: при встрѣчѣ съ нимъ алморцы не кланяются такъ низко и подобострастно, какъ англійскому барасагибу (великому господину). Словомъ, Камаонъ можетъ считаться вѣрною провинціею британской короны и провинціею очень важною: здѣсь множество чайныхъ плантацій, и сѣверные предѣлы провинціи касаются Тибета. Изъ Камаона въ Тибетъ чрезъ Гималаи ведутъ нѣсколько проходовъ, хотя быть можетъ и не самыхъ удобныхъ или выгодныхъ для торговаго пути. Въ Тибетъ въ настоящее время европейцу ходу нѣтъ; но что такой порядокъ не будетъ продолжителенъ, есть основаніе предполагать. Въ 1873 г. нѣсколько туземцевъ топографовъ, по порученію англійскаго правительства, проникли до Тенгринора и частью обошли это озеро. Сотни спортсменовъ англичанъ ежегодно подходятъ къ самымъ границамъ Тибета, иногда иной предпріимчивый охотникъ добирается и до Манасаровара. Объ этихъ поѣздкахъ въ печати ничего неизвѣстно, онѣ затѣваются обыкновенно съ увеселительною цѣлью: отъ наблюденій большинства этихъ путешественниковъ наука не можетъ ожидать какихъ-либо новыхъ фактовъ; затѣваются эти поѣздки большею частью лицами военной профессіи; объ успѣхѣ какихъ бы то ни было знаній путешественники не заботятся; ихъ цѣль прі-

ятно провести свободное время, отдохнуть отъ жары индустанскихъ равнинъ; они пошныряютъ въ Гималаяхъ, постреляютъ, и послѣ временной отлучки вернутся опять къ своему посту, къ отправленію своихъ обычныхъ занятій. Сумма свѣдѣній, пріобрѣтаемыхъ въ эти поѣздки, не велика; но такъ какъ этими свѣдѣніями обладаетъ не одинъ и не два человѣка, а десятки и сотни, то практическое значеніе ихъ неоспоримо; такимъ образомъ, нельзя отрицать, что въ Англіи новое предпріятіе или новая идея объ открытіи новыхъ путей въ сердце Азіи, или объ открытіи новыхъ рынковъ застаютъ публику интересующеюся и отчасти подготовленною къ оцѣнкѣ всего этого. Значеніе англичанъ въ Азіи растетъ съ каждымъ годомъ, хотя сами англичане отрицаютъ это и въ газетахъ толкуютъ о противномъ, о какихъ-то происках и контрминахъ Россіи. Но неопровержимые факты разъясняютъ всего лучше настоящее положеніе предпріимчивой націи въ Азіи. До 1870 года въ Кашгарѣ не бывало англійскихъ торговыхъ людей. На послѣдней Кашгарской выставкѣ (въ 1875) въ Калькуттѣ, устроенной по возвращеніи изъ Кашгара сэра Д. Форсайта, большинство кашгарскихъ вещей, матеріи, было русскаго издѣлья. Теперь въ Кашгарѣ на время англійскій резидентъ, и неизвѣстно, послѣ новаго трактата съ Англіей, въ будущемъ русскіе товары найдутъ ли въ Кашгарѣ такой же сбытъ. Поговариваютъ, что и въ Кабулѣ скоро будетъ назначенъ англійскій резидентъ. Недоразумѣнія съ Бирмою покончены и открытію пути въ Юнань, чрезъ Бирму и Бамо, бирманскій король врядъ-ли посмѣетъ теперь противиться. Непалъ и Тибетъ пока закрыты: индійскій чай до сихъ поръ не ввозился въ Тибетъ, гдѣ, какъ извѣстно, потребленіе чая громадное. Новый переворотъ въ Непалѣ, который всѣми, кто знаетъ хорошо положеніе дѣлъ тамъ, признается неминуемымъ, откроетъ англичанамъ весь Непалъ, а съ этимъ

вмѣстѣ тѣсно связано и открытіе Тибета. Каково будетъ ихъ торговое значеніе въ Азіи послѣ того — не требуетъ никакихъ разъясненій. Но англичане, ревниво слѣдящіе за успѣхами Россіи въ Средней Азіи, въ душѣ убѣждены, что вся азіатская торговля должна быть въ ихъ рукахъ: они не хотятъ и не желаютъ понять, что другіе народы въ свою очередь могутъ сомнѣваться въ справедливости такихъ притязаній. Отсюда ропотъ и крики противъ всякаго кажущагося посягательства на англійскую прерогативу — всюду проникать, всюду заводить факторіи и т. д. Въ Индіи едва ли кто серьёзно боится или серьезно вѣритъ въ возможность проникновенія сюда русскаго войска; даже образованные туземцы подготовлены англійскою прессою смотрѣть на Россію враждебно. Россіи здѣсь, какъ и всюду, не знаютъ, и самый дикій слухъ, самое невѣроятное описаніе рускихъ порядковъ и людей считается за истину. Англичане очень хорошо знаютъ, что послѣ нихъ европейское господство здѣсь едва ли возможно, хотя-бы на короткое время; они знаютъ, или по крайней мѣрѣ толкуютъ о томъ, что ихъ владычество здѣсь, несмотря на то, что они сильнѣе въ Индіи, нежели всѣ прежніе завоеватели, далеко не прочно. Народъ ихъ не любитъ и не понимаетъ. *Nigger'a* (такъ бѣлый британецъ зоветъ чернаго индійца) англичане сильно не любятъ и мало знаютъ. Но, нелюбимые народомъ, мало знающіе его, англичане въ Индіи все-таки сильны; они сильны здѣсь не потому, чтобы опирались на массы войска; несильны они и народною любовью. Индіецъ не выноситъ иноземнаго господства. Онъ кое-какъ ладилъ съ мусульманами, и терпѣлъ ихъ, потому что побѣдители смѣшивались съ побѣжденными: развитіе магометанства въ Индіи и порожденіе такого страннаго языка, какъ „урду", доказываютъ неопровержимо, что между мусульманами-побѣдителями и индусами-побѣжденными была

возможна амальгамація, и при всемъ томъ это владычество не было мирное и никогда не охватывало всей Индіи. Сліяніе европейскихъ завоевателей-англичанъ съ индусами немыслимо; nigger молчитъ, но владычество христіанъ онъ ненавидитъ сильнѣе, нежели мусульманскихъ деспотовъ. Англичане сильны здѣсь, конечно, до поры до времени, своею упорною энергіею; сильны тѣмъ, что важность Индіи для Англіи отлично сознается не одними оффиціальными лицами, а всѣми англичанами вообще; англійское вліяніе въ сильной мѣрѣ распространяется частною предпріимчивостью, безъ всякаго содѣйствія правительственной иниціативы. И при всемъ томъ англичане въ Индіи не пустили глубокихъ корней; они здѣсь какъ-бы наносный элементъ. Много добра они сдѣлали Индіи, и, нужно надѣяться, успѣютъ сдѣлать еще болѣе; но здѣсь нѣтъ колонистовъ, здѣсь нѣтъ осѣдлыхъ англичанъ, третье поколѣніе англичанъ въ Индіи — рѣдкость. Совершенно отчужденное отъ туземцевъ, англійское общество здѣсь передвижное; нужда, исканіе наживы пригоняетъ сюда англичанина, и какъ только онъ нажился, онъ уходитъ домой.

2.

Въ Алморѣ я пожилъ нѣкоторое время; здѣсь нашлось дѣло и много любопытнаго для наблюденія. Въ Наини-Талѣ многое напоминаетъ Европу, нашу дачную жизнь или жизнь на германскихъ водахъ; въ Алморѣ, въ тридцати миляхъ оттуда, глушь и вмѣстѣ съ этимъ все разнообразіе диковинокъ индійскаго захолустья. Здѣсь живутъ многіе англійскіе чиновники съ ихъ семьями, стоитъ полкъ горкинцевъ, есть и миссіонерская школа и библіотека, но большинство тузем-

цевъ осталось не тронутымъ европейскою цивилизацiею; близкое сосѣдство съ европейскою колонiею не повлiяло глубоко даже на тѣхъ камаонцевъ, которые прошли чрезъ миссiонерскую школу; въ школѣ около сотни мальчиковъ, и едва ли одинъ христiанинъ. Какъ всѣ горцы, камаонцы народъ суевѣрный и поэтическiй. Ихъ устная литература необыкновенно богата и разнообразна; кромѣ сказокъ фантастическаго содержанiя и историческихъ пѣсенъ, здѣшнiй народъ выработалъ для лирической поэзiи нѣсколько совершенно оригинальныхъ формъ. Изъ всей этой массы народнаго творчества, пѣсни про старину наиболѣе любопытны; множество такихъ пѣсенъ знаютъ мѣстные мелкiе землевладѣльцы (заминдары). Во дни независимости Камаона, каждый раджа, сильный и менѣе значительный, имѣлъ своего пѣвца, *бхата*. Бхатъ пѣвалъ царямъ или про ихъ дѣдовъ, или вычислялъ ихъ предковъ; онъ былъ необходимымъ членомъ всякаго пиршества, всюду слѣдовалъ за царемъ, возвѣщая народу, какъ силенъ его господинъ и какъ славны предки владыки. Въ старинныхъ пѣсняхъ, древнiй бхатъ обыкновенно рисуется такъ: „перекинулъ онъ черезъ плечо дорогой платъ, въ руки взялъ остроконечный посохъ и запѣлъ про славу царскаго рода!“ Теперь раджи обѣднѣли, потеряли всякую независимость, и вмѣстѣ съ этимъ профессiя пѣвца стала неприбыльна. Бхатовъ здѣсь, въ настоящее время, немного, и почти всѣ они изъ низкой касты, *думъ*. Происхожденiе этой касты очень загадочно. Думы всѣ пѣвцы и барабанщики, во всѣхъ религiозныхъ процессiяхъ они бьютъ въ барабаны и распѣваютъ нѣкоторые гимны. Наружно они отличаются отъ остальныхъ жителей Камаона: ихъ цвѣтъ лица гораздо темнѣе и волосы курчавы. До прихода англичанъ сюда, думы были рабами, и происхожденiя этого рабства ни бывшiе рабы, ни ихъ бывшiе владѣтели не умѣютъ объяснить. Весьма возможно, что думы—остатки пер-

воначальнаго населенія этой части Гималаевъ, порабощеннаго арійскими пришельцами изъ равнинъ. Память въ началѣ этого порабощенія совершенно исчезла. Думы говорятъ тѣмъ же языкомъ, что̀ и остальные камаонцы, но это можетъ служить доказательствомъ только того, что арійское господство здѣсь очень древне и что языкъ думовъ вымеръ тѣмъ же процессомъ, какимъ вымираютъ въ настоящее время въ Гималаяхъ другіе не арійскіе языки, съ начала переполняясь чуждыми арійскими словами, но удерживая при этомъ свою грамматику, и наконецъ уподобляя свою грамматику арійской. Каждая такая ступень вымиранія можетъ быть пояснена примѣрами. Религія думовъ та же, что̀ и у остальныхъ камаонцевъ: индуизмъ и множество мѣстныхъ суевѣрій и чтимыхъ боговъ, которыхъ священныя индійскія книги не знаютъ. Трудно сказать, откуда все это взялось, и насколько это нужно считать слѣдствіемъ смѣшенія арійскаго и не арійскаго населенія. Одного изъ такихъ думовъ-пѣвцовъ мнѣ случилось часто видѣть въ Алморѣ: своимъ видомъ онъ не напоминалъ вѣщаго пѣвца. Онъ былъ малъ ростомъ, очень худъ и очень грязенъ, безъ дорогой шали чрезъ плечо и въ какихъ-то старыхъ отрепьяхъ. Грязное полотенце обвивало его голову и служило ему вмѣсто турбана. Онъ не былъ представителенъ, говорилъ сильно заикаясь, складъ рѣчи былъ восточный: почтительно-униженный. Въ этомъ отчасти сказывался придворный человѣкъ: пѣвецъ состоялъ на жалованьи у аскотскаго ражи: за пятнадцать рупи въ годъ (т. е. около 10 руб.) онъ обязанъ былъ пѣть въ праздники, передъ ражею. Жилъ онъ постоянно въ Аскотѣ (къ ю.-в. отъ Алморы), и въ Алмору явился искать суда на своего тестя. Изъ его несвязнаго разсказа можно было вывести, что тесть увелъ его жену и вмѣстѣ съ тѣмъ забралъ ея наряды: зять, т. е. пѣвецъ, пожаловался въ судъ, или кахчери, и выигралъ дѣло: жена верну-

лась къ нему, но безъ нарядовъ. Это послѣднее обстоятельство подало поводъ къ новымъ распрямъ между тестемъ и зятемъ, семейный разладъ длился три года и судъ до сихъ поръ не рѣшилъ, кто правъ, кто виноватъ. Пѣвецъ утверждаетъ, что тесть отобралъ всѣ наряды, что были у жены, и сказалъ ему: „ступай, жалуйся въ качхери!" Тесть же показываетъ, что онъ не давалъ за дочерью никакихъ нарядовъ, а потому, конечно, и не могъ ничего отобрать, такъ какъ зять его бѣднѣе факира, а слѣдовательно не въ состояніи покупать нарядовъ женѣ. Дѣло пѣвца до сихъ поръ въ качхери, и не рѣшено, но онъ сильно и настойчиво хлопочетъ, и грозится дойдти до коммисіонера, т. е. губернатора провинціи, и жалѣетъ, что спора нельзя рѣшить по старинному, посредствомъ воззванія къ богу, Вира-Ветала. Богъ этотъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ какой-то черный камень на вершинѣ одного холма у деревни Сироли, близъ Алморы. Исторію бога и самого бога пѣвецъ зналъ отлично, такъ какъ служеніе черному камню составляло его наслѣдственное занятіе.

„Вира-Ветала богъ,—говорилъ онъ,—великій судья! Когда сагибъ Тиліаръ (т. е. Traill) былъ здѣсь коммисіонеромъ, послалъ онъ разъ истца и отвѣтчика судиться туда къ богу, Вира-Веталу. Пришли они къ храму и стоятъ.

— Зачѣмъ пришли? спрашиваетъ ихъ богъ.

— Разсуди ты нашъ споръ! отвѣчаютъ оба вмѣстѣ.

Затрясся тутъ бѣснующій Калу-Силу, что богу служитъ и говоритъ:

— Если сагибъ Тиліаръ васъ прислалъ за рѣшеніемъ, то я, спросясь бога, дамъ рѣшеніе. Кто солжетъ, на того отмѣтку положу!

Разсказали они свой споръ, все какъ было.

Забили тогда въ барабаны. Пришелъ богъ. Трясся, трясся

Калу-Силу и началъ пить. Выпилъ онъ двадцать два горшка воды да горшекъ коровей урины.

И говоритъ онъ отвѣтчику:

— Ты лжешь!

А тотъ отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, не лгу!

— Смотри, говоритъ ему богъ, я тебя накажу!

А онъ отвѣчаетъ:

— Хорошо! пришелъ къ тебѣ судиться, такъ да будетъ твое рѣшеніе!"

И заболѣлъ у лжеца животъ. Потекла кровь и покрыла всю землю, кругомъ. Узналъ объ этомъ сагибъ Тиліаръ и наказалъ лжеца!

Тогда Богъ Вира-Ветала сталъ очень могучъ.

Тиліаръ былъ здѣсь коммисіонеромъ, вскорѣ послѣ присоединенія Камаона къ британскимъ владѣніямъ. Сомнительно, чтобы онъ посылалъ кого нибудь судиться такимъ первобытнымъ способомъ, но былъ этотъ сагибъ очень популяренъ здѣсь. Жилъ онъ по старинному, какъ англійскіе чиновники живали въ Индіи во дни остъ-индской компаніи, со всею восточною роскошью и придерживаясь нѣкоторыхъ восточныхъ обычаевъ. Алморскіе старики увѣряютъ, что у него былъ гаремъ: одна изъ его подругъ до сихъ поръ жива и пребываетъ въ Алморѣ.

Богъ Вира-Ветала имѣетъ многочисленныхъ поклонниковъ здѣсь, къ нему прибѣгаютъ для рѣшенія затруднительныхъ споровъ. Обыкновенно богъ изрекаетъ свои рѣшенія, вселяясь въ тѣло какого нибудь изъ своихъ служителей. Избранный начинаетъ трястись и громко вопить, иногда безсмыслицу, иногда какую нибудь молитву. Пѣвецъ утверждалъ, что разъ богъ вселился въ него; случилось это въ дни какого-то

праздника. Наитіе нашло на него вдругъ, онъ сталъ трястись, прыгать, бить въ барабанъ и вопилъ:

Богъ чистой горы, подай мнѣ даръ!
Хо! хо! подай мнѣ даръ!
Милліоны боговъ! подайте мнѣ даръ!
Хо! хо! подайте мнѣ даръ!

Служеніе этому богу очень просто: ему приносятъ въ жертву козъ, въ извѣстные дни, по ночамъ. Жертвоприношеніе совершается при закрытыхъ дверяхъ, и посторонція лица, а тѣмъ болѣе европейцы, не допускаются. Тутъ читаются нѣкоторыя молитвы. Одну изъ молитвъ къ богу Вира-Ветала пѣвецъ сообщилъ мнѣ, послѣ нѣкотораго колебанія и не безъ содѣйствія презрѣннаго серебра. Эту молитву не читаютъ однакоже при ночныхъ жертвоприношеніяхъ; ее произноситъ тотъ, кто пришелъ почтить бога и принесть ему нѣсколько мѣдныхъ монетъ или какую нибудь ѣду; при этомъ онъ говоритъ:

„Чудотворецъ-царь! Міръ ты вращаешь! Изъ суши зелень творишь! Изъ зелени сушь творишь! Пустошь наполняешь! Изобиліе въ пустошь обращаешь! Глину въ злато превращаешь. Изъ злата глину дѣлаешь! На землѣ живешь, и земли ты царь! Въ лѣсу живешь, и лѣса ты царь!“

Пѣть, бить въ барабанъ, всему этому бхатъ научился отъ отца или, вѣрнѣе, отъ отцовъ, ибо онъ помнилъ мать и говорилъ, что на ней были женаты два брата близнеца, т. е. его родители, одинъ дядя и другой отецъ, или оба дяди и оба отца. Пѣть, играть оба были, по его словамъ, великіе мастера: пѣсенъ, сказокъ знали болѣе нежели кто-либо въ настоящее время. До женитьбы на матери пѣвца, братья близнецы странствовали по свѣту, были въ Тибетѣ и въ такихъ странахъ, о которыхъ не упоминается ни въ одной европейской географіи: они были въ странѣ, гдѣ у жителей

такія длинныя уши, что на одномъ человѣкъ спалъ, а другимъ покрывался, видѣли людей съ лошадиными и собачьими мордами. Родились близнецы чудеснымъ образомъ. О дѣдѣ и бабкѣ пѣвецъ разсказывалъ слѣдующее: девять разъ рожала его бабка, и ни одинъ ребенокъ не оставался въ живыхъ. Родила она въ десятый разъ, и на двадцать второмъ днѣ ребенокъ померъ. Сказала она тогда мужу:" — „Не живутъ дѣти у того, кто чтитъ бога Ветала. Положу мертваго ребенка въ храмъ бога.

Взяла подъ мышку мертваго ребенка и пошла. Стала она подходить къ храму и въ четырехъ-пяти шагахъ оттуда заслышала голосъ.

— Читра! (имя бабки) меня ты хочешь осквернить! Не носи ко мнѣ мертваго ребенка! Дамъ тебѣ близнецовъ. Ступай домой, въ деревню: когда по дорогѣ, что за моимъ храмомъ, справа и слѣва выростетъ по дереву *devadaru* (Pinus devadaru), тогда родятся и твои близнецы! Ты сперва покропи молокомъ тѣ два дерева, и затѣмъ корми своихъ близнецовъ. И заплачутъ тогда твои близнецы!"

На десятый мѣсяцъ родила Читра близнецовъ.

Оставила ребятъ дома и побѣжала къ тѣмъ деревамъ. По дорогѣ сказалъ ей богъ Вира-Ветала:

— Слушай, Читра, покропи своимъ молокомъ съ начала правое дерево, и станетъ оно твоимъ старшимъ сыномъ, затѣмъ покропи лѣвое дерево, и будетъ оно твоимъ младшимъ сыномъ!

Читра такъ и сдѣлала: покропила своимъ молокомъ дерева и пришла домой. Правую грудь дала старшему сыну, лѣвую младшему.

Дѣдъ пѣвца былъ также барабанщикомъ при храмѣ бога Ветала. Какъ и внукъ, былъ онъ бѣднѣе факира, а потому

неожиданная милость бога, приращеніе семьи, заставила его задуматься. Но милости бога этимъ не покончились.

И вотъ, ночью видитъ онъ сонъ. Въ то время Камаономъ владѣлъ непальскій царь. Говорилъ дѣду богъ Ветала:

— Встань утромъ и иди къ рѣкѣ. Въ рѣкѣ найдешь вещицу!

Всталъ на утро дѣдъ, подумалъ о снѣ и пошелъ къ рѣкѣ. И случилось, что пришелъ въ тотъ день богатый горкинецъ въ рѣкѣ купаться. Снялъ онъ съ руки золотой перстень и уронилъ его въ рѣку. Вымылъ руки, лицо и ушелъ, забывъ о перстнѣ.

Дѣдъ все это видѣлъ. Нырнулъ въ рѣку, вытащилъ перстень и ушелъ къ себѣ. И была тому перстню цѣна шестьдесятъ рупи.

Таково было происхожденіе пѣвца и таковы обрывки его религіи. Пѣвалъ онъ про старое время не отлично, монотоннымъ речитативомъ подъ звуки маленькаго барабана; онъ разсказывалъ о томъ, какъ въ старинное время дрались цари, увозили красавицъ, пировали, были храбры и были богаты. Только эти черты старины сохранились въ народной памяти: войны царей и ихъ богатство. На вычисленіи этихъ богатствъ онъ любилъ останавливаться. Онъ при этомъ какъ будто воодушевлялся и, скромно опустивъ глаза, возвышалъ голосъ, и ускореннымъ речитативомъ перечислялъ что было у такого-то царя.

„Было у него двѣнадцать дюжинъ коровъ, да буйволовъ столько же.

„Принадлежали ему равнины Бильхари. Былъ у него буйволъ Чарува и буйволъ Багува.

„Были у него козлы съ четырьмя рогами и для двадцати дюжинъ козъ загонъ.

„Была у него лохматая собака и кошка пушистая

„Въ равнинахъ Бильхари висѣли колосья его рису.

„Были у него двѣ пары мельницъ, дичь въ горахъ и рыба въ рѣкахъ“ и т. д.

Нѣкоторыя изъ его пѣсенъ вѣроятно пѣвались предъ лицомъ старыхъ царей. Разсказъ прерывался послѣ каждаго стиха обращеніемъ къ слушателю: „о, славный мой герой!“ или: „о, другъ! матери доблестной сынъ! или просто, „о, отецъ!“ Но такихъ пѣсенъ онъ зналъ только двѣ. И вообще многое пѣвецъ перезабылъ; многое умѣлъ разсказать и не умѣлъ спѣть, и такихъ разсказовъ онъ зналъ достаточно. Зналъ онъ также множество различныхъ генеалогій, царскихъ и именитыхъ родовъ. Одна изъ любимѣйшихъ пѣсенъ въ Камаонѣ есть сказаніе о какомъ-то царѣ Малу-сан, похитившемъ красавицу изъ Тибета. Народъ здѣсь вѣритъ, что Тибетъ населенъ красавицами и серьёзно увѣряетъ, что бхотійцы притворились не-индусами, невѣрующими въ индійскихъ боговъ, съ цѣлью воспрепятствовать похищенію своихъ женъ и дочерей и ихъ браку съ индусами. Въ настоящее время бхотійцы считаются индусами за низшую касту. Ни одинъ индусъ не выпьетъ воды, поданной тибетцемъ. Въ старинной пѣснѣ царь Малу-сан и пилъ и ѣлъ съ тибетцами, и увезъ тибетскую красавицу. Пѣсня эта начинается такъ:

„Въ полночь отчего Малу-сан не спалъ?

„Стала мать ему говорить:—„ты не спишь? или семь царицъ не при тебѣ? или нѣтъ съ тобою дѣтей?

„У воротъ твоихъ не стоитъ ли голодный странникъ?

„Или твоего буйвола Чарува въ хлѣвѣ нѣтъ?

„Не одинъ ли ты у меня сынъ? не одинъ ли свѣтъ въ глазу? какая кручина у тебя?

— „И сказалъ бы я матери, да сказать стыдно?“.

„Нѣтъ стыда предъ матерью родною! какъ во чревѣ я носила тебя, не стыдился ты тогда! и какъ родился, не сты-

дился ты въ ту пору! десять мѣсяцевъ грудью поила тебя, и въ пеленкахъ цѣлый годъ берегла тебя, дорогой мой! дорогой мой, ты признайся мнѣ теперь!“.

— Мать! мать! въ полночь мнѣ приснилась Калу-саукели, изъ тибетской страны, дочь тибетца Калу. Съ горящимъ свѣтильникомъ въ одной рукѣ и чашею благоуханій въ другой чрезъ окно она взошла.

„Въ ногахъ, у ложа моего стояла Калу-саукели: пестро разряженная стояла у ложа моего.

„Отъ ногъ до головы и отъ головы до ногъ она вытерла меня благоуханіями. И страшно мнѣ стало; говорила она уходя:—„ты полюбишь меня, и придешь ко мнѣ, въ чудный Тибетъ, коль мужа ты сынъ. Въ домѣ будешь сидѣть, коль рабыни ты сынъ! слышишь мать, или нѣтъ!“.

За этимъ діалогомъ слѣдуютъ нѣжныя увѣщанія матери; они остались тщетными. Малу-саи отправился въ Тибетъ. Перерядившись факиромъ и захвативъ съ собой свирѣль, онъ явился въ домъ красавицы. Плѣненная его игрою, красавица сама научила возлюбленнаго, какъ похитить ее. Малу-саи вернулся домой, женился на тибеткѣ, устроилъ великое пиршество, одарилъ своихъ подданныхъ и жилъ счастливо.

3.

Хотя пѣвцовъ по профессіи въ Камаонѣ, около Алморы, немного, но народъ здѣшній знаетъ много пѣсенъ, любовныхъ, грустныхъ и т. д.; такія пѣсни творятся понынѣ, по образцу старинныхъ; въ нихъ мало поэзіи и нѣтъ смысла весьма часто; сочинитель подбираетъ риѳмы, не заботясь о содержаніи и связи одного стиха съ другимъ. Для каждаго рода старинныхъ пѣсенъ обычаи установилъ особое время, когда онѣ должны распѣваться. Такъ, есть пѣсни для извѣстныхъ праздниствъ, или во время полевыхъ работъ; есть

пѣсни, которыя поются мужчинами и женщинами вмѣстѣ: пѣвцы и пѣвицы, взявшись за руки, тихо двигаются стѣною и поютъ, нѣчто въ родѣ нашего хоровода. Въ іюнѣ, въ здѣшнихъ мѣстахъ оканчиваются полевыя работы; за этимъ слѣдуетъ праздникъ *Харьяли* (въ честь боговъ Кришны, Махадевы и богини Парвати), и неумолкаемое пѣніе слышится въ продолженіи нѣсколькихъ дней; большинство пѣсенъ имѣютъ какой-то грустный оттѣнокъ, и не лишены своего рода прелести, хотя содержаніе и бѣдно. Вотъ буквальный переводъ одной пѣсни; въ оригиналѣ каждый стихъ отдѣляется отъ слѣдующаго ничего незначащими слогами: *ве* или *хо*.

У дороги поле—ве!
Поросло поле травою—хо!
О, мой свекоръ!
Ужъ насталъ—ве!
Праздникъ Харьяли—хо!
О, мой свекоръ!
Пойду я свекоръ—ве!
Къ матушкѣ, домой—хо!
О, мой свекоръ!
Состарѣлись батюшка съ матушкой—ве!
Пойду я къ матушкѣ, домой, о, свекоръ—хо!
О! мой свекоръ!
Натаскай ты семь ведеръ воды, поставь ихъ—хо!
Сноха моя!
А потомъ ты иди, сноха!
Къ матушкѣ домой—хо!
Сноха моя!
Семь ведеръ сбей масла,
А потомъ ты иди, сноха!
Къ матушкѣ, домой—хо!
Сноха моя!
Семь ношъ травы ты нарѣжь,
А потомъ ты иди, сноха!
Къ матушкѣ, домой—хо!

Сноха моя!
Не ѣдятъ быки травки съ низен,
Не ѣдятъ телята травки съ верхняго поля,
Принеси, сноха, травки съ горъ!
Свѣтъ ушелъ за вершины горъ, свекоръ!
Уйду, свекоръ, къ матушкѣ, домой!
О, свекоръ мой!

Съ наступленіемъ холоднаго времени и длинныхъ вечеровъ камаонцы любятъ потѣшаться разсказываніемъ сказокъ и мѣстныхъ побывальщинъ. Толпа слушателей собирается или у кого нибудь въ домѣ, или же всего чаще на базарѣ, у какой-нибудь лавки. Купцы (банья) славятся здѣсь умѣньемъ разсказывать сказки комическаго содержанія и всякаго рода мѣстные скандалы. Цѣлыя ночи проводятся за такою потѣхою, если разсказчикъ съумѣетъ овладѣть вниманіемъ своихъ слушателей. Одного изъ мастеровъ сказывать сказки мнѣ пришлось узнать здѣсь. Онъ былъ банья, т. е. купецъ. Лавки своей не имѣлъ, но занимался розничною торговлею; хаживалъ по домамъ европейцевъ и умѣлъ добывать всякаго рода вещи: кожи, ножи, шали, камни, птицъ, рукописи, все у него было, или все онъ умѣлъ добыть. За все запрашивалъ въ три-дорога и очень легко сдавался. Видомъ, цвѣтомъ лица, онъ напоминалъ итальянца, носилъ постоянно плисовую куртку, европейскаго покроя и на голомъ тѣлѣ. Старины, пѣсенъ о дѣяніяхъ древнихъ царей и силачей онъ не зналъ, но сказки комическаго содержанія умѣлъ разсказывать мастерски; въ большинствѣ его сказокъ дѣло шло о купцахъ и купеческихъ женахъ, и послѣднихъ онъ не щадилъ; женскую лживость рисовалъ самыми мрачными красками. Зналъ онъ также пѣсни, но пѣсни нѣжнаго содержанія, и пыталъ самъ сочинять. Одну изъ своихъ эпиграммъ „Красный Хари“ (такъ его звали) особенно цѣнилъ; она была сочинена на одного писца изъ бенгальцевъ: писецъ этотъ до

сихъ поръ существуетъ въ Найни-Талѣ. Въ этой эпиграммѣ поэтъ говоритъ: „ты извѣстенъ, Говарданъ: у тебя на кашмирскихъ шальварахъ, полотняныя заплаты. Будь же милостивъ къ намъ, или дѣла ты оставь, или подругу покинь!“ Какъ пѣвецъ и комикъ, Красный Хари принималъ большое участіе въ драматическихъ представленіяхъ, въ праздникъ Холи. Здѣсь народъ вѣритъ, что въ этотъ праздникъ женскій демонъ, Жвара, получаетъ необыкновенную силу и старается вредить младенцамъ; драматическія представленія, особенно съ нескромными выходками, умилостивляютъ демона и предотвращаютъ зло, какое демонъ въ состояніи сдѣлать. Большинство драматическихъ представленій, импровизируемыхъ на базарѣ, подъ открытымъ небомъ, полны циничеснихъ выходокъ; но, среди разгара необузданной веселости и нескромныхъ шутокъ, народъ весьма часто откровенно высказываетъ, какъ онъ смотритъ на разныя явленія своей жизни, а потому эти представленія въ извѣстной степени любопытны. Красный Хари игралъ обыкновенно или факира, или англичанина. По-англійски онъ не говорилъ, хотя и пытался, но кромѣ: Yes! или I go! у него ничего не выходило. Но публика не требовала глубокихъ познаній англійскаго языка или англійской жизни. Если англичане мало знаютъ народъ, то народъ еще менѣе знаетъ и понимаетъ ихъ: многіе, по деревнямъ, до сихъ поръ убѣждены, что принадлежатъ не королевѣ Викторіи, а какой-то баснословной, непонятной компаніи. Монета (рупи) съ изображеніемъ ея величества до сихъ поръ зовется во многихъ мѣстахъ „компанейской“. Народъ знаетъ англичанъ по тѣмъ податямъ, которыя они наложили на землю, и врядъ ли подозрѣваетъ, что англичане пришли сюда, для его же блага, завести въ Индіи порядокъ, пріучить индійцевъ къ самоуправленію; игнорируя гуманную цѣль своихъ предпріимчивыхъ господъ, онъ кое-гдѣ ропщетъ

на эти подати. Бѣдняга знаетъ англичанина въ судѣ и твердо убѣжденъ, что сагибъ душою не кривитъ, взятокъ не беретъ, судъ и расправу творитъ по-*своему* справедливо. весьма часто не зная ни народныхъ обычаевъ, ни народнаго міровоззрѣнія; знаетъ также бѣдняга, что въ судѣ, около сагиба, много ему родственнаго, чернокожаго народа, голодныхъ писцовъ, бабу, мунши и т. д., и коль хочешь не кривого суда, каждому дай; туземецъ подаркомъ не гнушается. Сагибъ говоритъ на родномъ языкѣ; всѣ сагибы изъясняются на ломаномъ урду, и рѣдкій умѣетъ читать какой-либо восточный алфавитъ, но за то у каждаго сагиба большой запасъ ругательствъ на чистѣйшемъ урду; это народъ, конечно, понимаетъ, особенно если такое краснорѣчіе сопровождается толчкомъ, пинкомъ. Англичане, гордые. свободолюбивые, преисполненные собственнаго достоинства, — англичане въ Индіи зачастую прибѣгаютъ къ ручной расправѣ. Сколько разъ мнѣ приходилось улыбаться, когда какой-нибудь поживиній въ Индіи англичанинъ характеризовалъ жителей Пенджаба или сѣверо-западныхъ провинцій такъ: „тотъ народъ совсѣмъ иной. Попробуйте ударить кого-нибудь тамъ: всякій сдачи дастъ!“ Слушающіи могъ заключить изъ этого, что въ иныхъ мѣстахъ Индіи драться можно, и если не безнаказанно, то съ нѣкоторою свободою; и кто, наслушавшись такого рода этнологическихъ характеристикъ, побывалъ на различныхъ плантаціяхъ, тотъ собственными глазами могъ убѣдиться, что заключеніе его вѣрно. Видитъ народъ, какъ сагибы, ихъ жены, дочери по вечерамъ играютъ въ крикэтъ, бадминтонъ, какъ тѣ и другія ѣздятъ верхомъ, смѣются и разговариваютъ между собою, совершенно свободно. Конечно, все это непонятно коренному индійцу, и далъ онъ своему просвѣтителю и господину кличку—*бандара*, т. е. обезьяна. и говоритъ, что на головѣ у сагиба *дали* (т. е. корзина, въ

которой скотинѣ приносятъ траву и всякій кормъ), а на плечахъ рубище. Выводить сагиба въ импровизированныхъ драматическихъ представленіяхъ—общелюбимая потѣха. Глубокой сатиры тутъ, конечно, нельзя ожидать, но самый фарсъ поясняетъ отлично, каково взаимное пониманіе между побѣдителями и побѣжденными, и какъ они другъ друга любятъ. Актеры обыкновенно натираютъ мѣломъ лицо и руки и предъ публику выходятъ: сагибъ, мэмъ-сагибъ (его жена) и бэби. Сначала, при громкомъ хохотѣ зрителей, сагибъ начинаетъ разговаривать съ мэмъ-сагибомъ; говоритъ онъ безсмысленный наборъ звуковъ: есъ, но, денсъ, нештъ, гогъ, готъ, топъ, топъ! Затѣмъ сагибъ и мэмъ-сагибъ начинаютъ танцовать по-англійски, а бэби въ это время поетъ: „папа, мама енгиризи (english); мама, папа жолли (joly)". Представленіе заключается уродливымъ изображеніемъ англійскаго обѣда: башмаки на блюдѣ изображаютъ бифштексъ, является и необходимая бранди и, какъ финалъ, драка сагиба съ поваромъ, при звукахъ пѣсни: „Рейнъ комъ инъ (rain come in) на базарѣ воды много! Полисъ саидъ (police said), нога поскользнулась доромъ-домъ!" Поваръ въ концѣ-концовъ повергаетъ сагиба на землю.

Такого сагиба игралъ Красный Хари на базарѣ города Алморы, потѣшая алморскую публику, и самъ говорилъ, что игралъ хорошо: всѣ, кто ни былъ на базарѣ, много смѣялись. Игралъ онъ также факира. Факиромъ или Іоги въ Индіи называютъ монаховъ различныхъ орденовъ. Начало этихъ странствующихъ, монашествующихъ, безстрастныхъ, нищенствующихъ, словомъ, подвизающихся святыхъ людей теряется въ глубокой древности. Въ Индіи ихъ всегда было обиліе, болѣе, нежели нужно было такой роскоши. Ихъ существованіе объясняется глубоко религіознымъ настроеніемъ массы индійцевъ, какъ въ древности, такъ и нынѣ. До сихъ поръ мно-

жество людей здѣсь уважають всякаго факира, относятся къ нему съ подобострастнымъ почтеніемъ и считаютъ голаго, вымазаннаго пепломъ шатуна, невѣжественнаго и глупаго, за святого человѣка. Въ святость факира вѣрятъ не только женщины, живущія взаперти и внѣ всякаго вліянія европейской цивилизаціи, но весьма часто люди, знающіе по-англійски, читающіе англійскія газеты и находящіеся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ англичанами.

— Какъ не святой? Какъ обманщикъ? говорилъ мнѣ горячась одинъ изъ такихъ туземцевъ. Представьте, что онъ еще сдѣлалъ: сижу я въ своей палаткѣ и пишу письма. Входитъ онъ (т. е. факиръ) и садится на землю, у моего стола. „Что ты дѣлаешь?“ спрашиваетъ онъ меня. „Письма пишу“, говорю я ему. Помолчалъ онъ, и говоритъ опять: „дай мнѣ бумажку!“ Далъ я ему чистый листокъ почтовой бумаги. Взялъ онъ этотъ листокъ, развернулъ его на свѣтъ и показываетъ мнѣ. Вижу, чистый листокъ, ничего на немъ не написано. Сталъ онъ складывать этотъ листокъ тутъ же при мнѣ, не отходя отъ стола. Сложилъ его въ маленькій пакетъ, потеръ пакетикомъ лобъ и отдаетъ мнѣ: „Разверни и читай!“ говоритъ. Развернулъ я пакетикъ и вижу—тамъ молитва написана. И это не чудо?

Но рядомъ съ вѣрующими есть и невѣрующіе или колеблющіеся въ вѣрѣ. Уже въ древности поэтъ съ отрицательнымъ направленіемъ нарисовалъ не совсѣмъ лестный образъ нищенствующаго: „святые тексты онъ громко распѣваетъ, много старинныхъ побывальщинъ помнитъ. Онъ съ женами болтливъ, ребятъ ихъ ласкаетъ, мужей восхваляетъ и въ восторгѣ отъ ихъ стряпни... Умеръ ли кто, или народился, гдѣ поминки справляютъ, сто радостей ему во дню, и такъ онъ бѣгаетъ... Онъ первый за обѣдомъ и послѣдній на молитвѣ. Придетъ ли на кухню, онъ ораторъ, лишь бы

кухарю угодить"... Живетъ большинство факировъ не особнякомъ отъ народа и не всякій изъ нихъ умѣетъ хоронить свои слабости отъ зоркихъ глазъ невѣрующихъ или колеблющихся въ вѣрѣ. Ихъ жадность до денегъ и слабость къ прекрасному полу современная сатира уловила отлично. Не трудно было народу разглядѣть, что безстрастный не навсегда уморилъ въ себѣ страсти; въ его низкую, душную келью, гдѣ-нибудь въ сторонѣ отъ житейскаго шума, у святого храма знаютъ дорогу въ сумерки не одни богомольцы или богомолки; не всегда святой человѣкъ соблюдаетъ здѣсь, у святого храма, обѣты уединенной и цѣломудренной жизни. И не диво! Стоитъ только взглянуть на этихъ подвижниковъ по вечерамъ, въ часъ молитвы, когда они собираются у какого нибудь храма, напримѣръ, въ Бенаресѣ, у храма богини плодородія. Здоровый, рослый народъ; иной хотя и вымазанъ пепломъ, и нагъ, и волосы упряталъ подъ мочалки, а все-таки не лишенъ нѣкоторой мужественной красоты; идетъ, тяжело ступая и громко бормоча священные тексты. У столькихъ святыхъ мѣстъ перебывалъ иной, такъ сладко умѣетъ поразсказать о видѣнномъ,—какъ тутъ устоять противъ обаянія святости!

Красный Хари не чтилъ факировъ; во что онъ вѣрилъ, я не умѣлъ ни разспросить, ни разгадать, онъ не боялся даже чертей, которыхъ всѣ алморцы боятся и чтутъ. Игралъ онъ факира отлично: маленькій, худенькій, въ факирскомъ дезабилье, онъ походилъ на факира болѣе, нежели другой откормленный безстрастный, настоящій факиръ. Игра въ факира самая длинная; факиръ поетъ нѣсколько пѣсенъ съ циническими выходками противъ чтимыхъ въ Индіи боговъ; народъ смѣется, хотя на другой день послѣ того идетъ въ храмы чтить тѣхъ же боговъ. Во все продолженіе игры факиръ предается самому необузданному цинизму; въ его пѣс-

няхъ, въ діалогахъ съ публикою осмѣивается народная святыня, религіозные обряды, семейныя отношенія, и все это дѣлается передъ лицомъ всего народа, при громкомъ, одобрительномъ смѣхѣ всѣхъ. Его спрашиваютъ, какъ его зовутъ. „Дѣдушка всѣхъ!“ отвѣчаетъ онъ, и тутъ же поясняетъ, какого рода недуховное родство онъ понимаетъ. Онъ, чтимый массами, живущій общественными подаяніями, эксплоатирующій религіозное чувство тысячъ и тысячъ, выводится на сцену при слѣдующемъ пѣніи хора:

„О, матушка! пришелъ факиръ! съ востока пришелъ плутъ въ красномъ плащѣ! Пришелъ факиръ!

„Что же принесъ плутъ въ красномъ плащѣ?

„Трость да чашу принесъ веселый факиръ отъ Кедарената!“—Кедара-натъ одна изъ святынь Индіи, къ сѣверу отъ Алморы.

Такъ индійцы смѣются надъ своими *саибами* (господами) и надъ своею святынею. Смѣясь надъ тѣмъ, что̀ обожаютъ, и надъ своими религіозными обрядами, они не подпускаютъ въ то же время къ своимъ храмамъ европейца; не пускаютъ его туда, куда впускается и корова, и обезьяна, и даже собака; считаютъ европейца не чище собаки, но кланяются ему въ поясъ; безъ башмаковъ входятъ къ нему въ комнату, т. е. разуваются предъ его дверьми, также, какъ и передъ дверьми храма.

4.

Камаонъ — англійская провинція, лежитъ къ сѣверу отъ Рохилкханда; къ востоку она граничитъ съ Непаломъ, на западѣ рр. Кали и Алакананда отдѣляютъ ее отъ Гарвала, а на сѣверѣ высокіе Гималаи отъ Тибета. Я провелъ въ Камаонѣ болѣе трехъ мѣсяцевъ, но видѣлъ только незначительную часть этой красивой горной провинціи. Я прошелъ отъ

Найни-Тала до Алморы и отъ Алморы чрезъ Сринагаръ и Тихари до Мансури, такимъ образомъ видѣлъ средній кряжъ, въ иныхъ мѣстахъ возвышающійся до 8000 ф., ту часть Камаона и Гарвала, въ которой теперь почти исключительно одно только арійское населеніе. Весь Камаонъ гористъ и тамошнія горы, естественно, не одинаковой высоты; онѣ начинаются у сѣверной границы Рохилькханда: первый кряжъ не превышаетъ четырехъ тысячъ трехъ сотъ футовъ, второй, прозванный въ народѣ Гагаромъ, доходитъ до семи тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря; чѣмъ сѣвернѣе горы, тѣмъ выше онѣ дѣлаются и у границъ Тибета достигаютъ двадцати пяти тысячъ футовъ: за десятки миль видиѣются ряды этихъ гигантскихъ пиковъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ; даже изъ равнинъ они видны въ ясное утро. Та часть древняго Камаона и Гарвала, въ которой теперь владѣютъ и живутъ англичане и по которой мнѣ пришлось проѣхать, въ послѣднее время сильно измѣнилась: многаго изъ того, что въ началѣ настоящаго столѣтія видѣли здѣсь путешественники, теперь уже нѣтъ, и самый образъ путешествія не остался тѣмъ же, ибо страна приняла въ себя зачатки европейской культуры: такъ, не говоря уже о другихъ путяхъ на югъ, отъ Алморы до Сринагара проложена отличная дорога: мнѣ привелось проходить по ней въ дождливый сезонъ и, несмотря на то, что въ августѣ 1875 года дожди были довольно сильны, нигдѣ я не видѣлъ поврежденія дороги: прочно выстроенное шоссе устояло передъ напоромъ горныхъ потоковъ и обваловъ, образуемыхъ ежедневными ливнями. По всей дорогѣ, чрезъ каждыя 10 — 15 миль, стоятъ казенные бангалоу; въ большей части этихъ домиковъ кромѣ кроватей нѣтъ другой мебели, но уже и то хорошо, что отъ непогоды не приходится укрываться подъ сѣнью деревъ и во весь путь можно разсчитывать на теплый ночлегъ; въ нѣкоторыхъ домикахъ

есть даже камины. Обработанныя поля по уступамъ и террасамъ горъ и мѣстами чайныя плантаціи видишь во всю дорогу; деревни не рѣдки, но не велики: домика два, три и до пяти лѣпятся по склонамъ горъ или виднѣются въ глубинѣ долинъ, окруженные террасами съ посѣвами. Обыкновенно кругомъ такой деревушки всякая гора, роща, пещера, источникъ имѣетъ свою легендарную исторію: наивная фантазія горцевъ заселила всѣ эти мѣста бхутами (демонами). Въ Гарвалѣ, кромѣ того, нерѣдко встрѣчаешь по дорогѣ — катпатія, маленькіе алтарики, посвященные богинѣ хранительницѣ путешественника: „мой путь охрани, богиня, дрова и камни пожирающая, ты, (мудрецомъ) Сакалья поставленная, и (мудрецомъ) Яжнавалкья почтенная!“ такъ молится передъ этими камнями туземецъ путешественникъ. По дорогѣ отъ Алморы до Сринагара я не замѣтилъ большаго движенія и кромѣ туземцевъ, да и тѣ рѣдко, никто не встрѣтился мнѣ въ цѣлый мѣсяцъ; отчасти это объясняется тѣмъ, что погода стояла неудобная для путешествія: дожди были ежедневные—но и вообще по этому пути никогда нѣтъ большаго движенія, ибо англичане не любятъ этой дороги въ Мансури: они или отправляются охотиться въ страны болѣе сѣверныя, или же собираются до Мансури изъ равнинъ, по пути болѣе удобному и оживленному. Сринагаръ и Алмора соединены шоссейнымъ путемъ, но между отдѣльными деревушками пути остались прежніе: тропинки чрезъ горы и долы; потребности въ болѣе удобныхъ путяхъ не ощущается: жители отдѣльныхъ деревень рѣдко сообщаются другъ съ другомъ, они живутъ замкнуто и такой образъ жизни необходимо долженъ отражаться на ихъ народномъ характерѣ, а также способствовать тому, что среди этого народа, преимущественно земледѣльческаго, по разнымъ закоулкамъ сохранилось много всякой старины, стародавнихъ обычаевъ, перво-

бытныхъ повѣрій. Отыскать все это не трудно: нужно только желаніе и время, и не слѣдуетъ пугаться первыхъ неудачъ.

Путь, мною избранный, можетъ быть интересенъ для того, кто бы захотѣлъ видѣть народъ, а не однѣ грандіозныя прелести Гималаевъ; общій характеръ мѣстности напоминаетъ Швейцарію, хотя по моему крайнему разумѣнію Камаонъ красивѣе Швейцаріи. Самое путешествіе неутомительно: переходы отъ бангалоу до бангалоу рѣдко бываютъ свыше пятнадцати миль; во всю дорогу можно также ѣхать верхомъ, но я предпочелъ идти пѣшкомъ и такъ сдѣлалъ весь путь отъ Алморы до Мансури. Въ этой части Гималаевъ почти вся дорога пролегаетъ въ тѣни густыхъ лѣсовъ, по берегамъ шумливыхъ и быстрыхъ горныхъ рѣчекъ, или слѣдуетъ вдоль по берегу рѣчки, или если и удаляется отъ одной, то съ тѣмъ, чтобы перевалившъ чрезъ гору, приблизиться къ другой, столько же шумливой, точно также дробящей свои волны по каменистому руслу. Около Алморы, въ сторонѣ отъ дороги, на вершинахъ обрывистыхъ пиковъ видиѣются развалившіяся крѣпостцы, о которыхъ разсказываются легенды, и эта часть пути, ближайшая къ главному городу, сравнительно гораздо людиѣе: въ каждый переходъ отъ одной стоянки къ слѣдующей непремѣнно встрѣтишь кого нибудь, или попадется свадебный поѣздъ съ шутникомъ впереди, распѣвающимъ и расплясывающимъ, или какой нибудь курьезный типъ мѣстнаго жителя. Такъ, около Дораггхата я встрѣтилъ стараго брахмана, распѣвавшаго Бхагаватъ-пурану; въ звучныхъ санскритскихъ стихахъ повѣствовалъ онъ мнѣ и моимъ ничего непонявшимъ носильщикамъ о міросозданіи. Мы остановились отдохнуть на открытомъ воздухѣ, у источника, — свѣтлой струйкѣ, сочившейся съ верху изъ скалы; носильщики „пили тамаку", иначе, курили табакъ: просверливъ въ землѣ два отверстія, у основанія взаимно сообщавшіяся, въ одно они положили табакъ и подожгли его.

къ другому поочередно припадали губами и втягивали дымъ. Такъ мы сидѣли: вдругъ откуда-то снизу раздался старческій, не громкій голосъ; среди окружавшей насъ тишины явственно слышалось, что кто-то распѣвалъ и распѣвалъ по санскритски. Недолго продолжалось наше недоумѣніе: самъ пѣвецъ показался скоро, онъ оказался старымъ, выжившимъ изъ ума брахманомъ, жителемъ Дорагхата, куда онъ и направлялся. Мы пошли вмѣстѣ, но отъ брахмана, къ сожалѣнію, ничего нельзя было узнать: онъ былъ полусумасшедшимъ, и хотя по-санскритски говорилъ очень бойко, на всѣ разспросы отвѣчалъ санскритскими стихами, рѣдко однакоже отвѣчалъ впопадъ.

Горцы по большей части средняго роста: высокіе встрѣчаются рѣдко. Цвѣтъ ихъ лица гораздо свѣтлѣе, нежели у индусовъ равнинъ; почти всѣ они брюнеты; говорятъ, между ними есть и рыжіе, но я видѣлъ въ Мансури только рыжихъ урожепцевъ Кашмира. Камаонцы грязны; нарядъ простого, небогатаго класса не изященъ и никогда не бываетъ чистъ. Красивыя лица между ними не рѣдкость. Высокій лобъ, тонко очерченный овалъ лица, правильныя черты и прекрасные черные глаза, все это не рѣдко встрѣчается даже между кули (рабочими). Красивыхъ женщинъ сравнительно мало. Во все время моего пребыванія въ Камаонѣ я не встрѣтилъ ни одной красивой женщины по дорогѣ или на улицѣ. Ранній бракъ и затѣмъ жизнь, полная лишеній и труда, рано старитъ и безобразитъ камаонскихъ женщинъ низшихъ кастъ, т. е. тѣхъ кастъ, женщинамъ которыхъ не возбранено открыто показываться на улицахъ и по дорогамъ: исхудалыя, истомленныя, онѣ еще неопрятнѣе мужчинъ: свои головы онѣ уродуютъ безобразными, неопрятными шиньонами; на босыя, грязныя ноги надѣваютъ тяжелыя мѣдныя или серебряныя кольца; лицо, съ пугливо смотрящими глазами, всегда

не умыто и украшено кольцемъ, вдѣтымъ въ одну ноздрю; худой станъ горбится подъ тяжестью ноши. Таковъ общій видъ камаонской женщины, вызывающій какое-то смѣшанное чувство: она жалка и можетъ показаться отвратительною самому не брезгливому человѣку. Камаонцы, какъ мужчины, такъ и женщины, народъ очень выносливый и умѣренный; какъ тѣ, такъ и другія очень наивны, добродушны: всякое доброе слово, ласку они высоко цѣнятъ. Они очень честны. У нихъ есть обычай „бить по рукамъ" (хатхъ марна): стороны, условившіяся въ какой нибудь сдѣлкѣ и ударившія по рукамъ, въ точности исполняютъ принятыя на себя обязательства, безъ всякихъ документовъ. Камаонецъ хорошій семьянинъ: любитъ своихъ дѣтей, свою родню. Нерѣдко приходилось слышать о случаяхъ супружеской невѣрности: брахманы говорятъ, что таковые случаи не рѣдки въ семьяхъ торговцевъ, а торговцы (банья) утверждаютъ, что они часты въ семьяхъ брахмановъ. Будучи суевѣрны, трепеща передъ бхутомъ, живущимъ чуть ли не на каждой горѣ, у каждаго ручья, камаонцы въ то же время не лишены личнаго мужества; между ними есть отважные охотники, они высоко цѣнятъ физическую силу и любятъ заниматься пахлаванскимъ дѣломъ, т. е. дѣломъ силачей: развивать свою силу борьбою и всякаго рода физическими упражненіями. Много чертъ въ ихъ характерѣ общи всѣмъ туземцамъ въ Индіи: они любятъ лгать, и всегда почти лгутъ неумѣло, безъ нужды и безъ всякой пользы для себя; они любопытны и тщеславны.

Сринагаръ—бывшая столица Гарвала, лежитъ въ долинѣ (1500 ф. надъ уровнемъ моря), на берегу рѣки Алакананды. Въ городѣ не живетъ ни одинъ европеецъ; онъ не великъ и въ страшномъ запустѣніи: дома строились безъ всякаго порядку; переулочки между ними такъ узки, что въ иныхъ мѣстахъ двумъ человѣкамъ едва можно разойтись, не толк-

нувъ другъ друга. Самая широкая улица занята базаромъ. Въ срединѣ города стоятъ развалины дворца древнихъ гарвалскихъ царей; эта массивная четырехъ-этажная постройка свидѣтельствуетъ, что гарвальскіе древніе цари были не такими бѣдняками, какими иные изъ нихъ старались прикинуться. Разсказываютъ, что когда Акбаръ потребовалъ дань съ Гарвала, гарвальскій царь, случившійся въ то время при дворѣ падишаха, съумѣлъ прикинуться бѣднякомъ и выпросить отмѣненія дани; онъ привелъ предъ ясныя очи падишаха тощаго верблюда и сказалъ: „Такова моя страна: горы да долы и всюду худоба!“ Улыбнулся Акбаръ и отмѣнилъ дань. Въ городѣ есть кромѣ того знаменитый храмъ Камалесвара, англійская школа, гдѣ учителя, по словамъ мѣстныхъ брахмановъ—настики (нигилисты) и гдѣ ученики (по моему собственному наблюденію) плохо читали по-англійски, не твердо знали англійскую исторію и совсѣмъ не знали географіи Индіи. Сринагаръ, хотя и очень скученъ, но заинтересовалъ меня и я пробылъ въ немъ нѣсколько дней; въ эти дни я принималъ у себя всѣхъ мѣстныхъ властей и именитыхъ людей; то были все туземцы, брахманы, какіе-то мелкіе чиновники британской службы. Гости сходились обыкновенно подъ вечеръ и такъ какъ въ бангалоу, гдѣ я остановился, кромѣ кровати и одного стула, не было другой мебели, то тотъ, кто считалъ себя поважнѣе другихъ, являлся съ собственнымъ стуломъ или скамьею. Разсѣвшись по чинамъ и обмѣнявшись привѣтствіями, мы начинали разговоры: спросы сыпались со всѣхъ сторонъ; иные вопросы фурмулировались такъ не ясно, что я долженъ былъ просить разъясненія: обыкновенно ихъ давалъ одинъ брахманъ, человѣкъ ученый, умный, но по несчастью обиженный по службѣ, а потому кипѣвшій злобою на училищное начальство и завидовавшій учителямъ *настикамъ* (нигилистамъ), т. е. тѣмъ, которые го-

ворили по-англійски и читали англійскія книги. Но и этотъ умный брахманъ ухитрялся задавать головоломные вопросы; онъ спросилъ меня разъ: въ какой двипѣ Русія десъ (т. е. русская страна)? Для того, чтобы отвѣтить удовлетворительно на этотъ вопросъ, нужно перестроить всѣ наши географическія карты: накроить, согласно съ индійской географической системой, изъ нашихъ материковъ островонъ или двипъ и къ одному изъ нихъ пріурочить Россію. Узнавъ, что Россія лежитъ порядочно далеко отъ Гарвала, онъ перешелъ къ вопросамъ, лично касающимся меня. Индійцы никогда не путешествуютъ такъ, какъ это дѣлали и дѣлаютъ другіе народы; путешествіе, предпринятое не по торговымъ дѣламъ и не для богомолья, для нихъ безцѣльное бродяжничаніе; человѣка, заѣхавшаго къ нимъ Богъ вѣсть за чѣмъ издалека, они готовы считать за празднаго и страннаго богача, а такъ какъ въ Индіи почти у каждаго богача есть нѣсколько женъ и вообще онъ немыслимъ неженатымъ, то весьма естественно мой брахманъ полюбопытствовалъ узнать: сколько у меня женъ? и оставилъ ли я ихъ дома или гдѣ либо въ Индіи, м. б. въ Калькуттѣ? Отвѣтъ, который онъ услыхалъ, привелъ его въ сильное недоумѣніе. Мы перешли, впрочемъ, скоро къ болѣе важнымъ и интереснымъ вопросамъ. Въ Гарвалѣ и Камаонѣ слыхивали, что существуетъ Россія и русскій царь, но объ отношеніяхъ нашего обширнаго отечества къ Куинъ Викторіа (такъ туземцы называютъ ея британское величество) наивные жители Сринагара имѣютъ очень смутное представленіе; правда, и до нихъ доходили извѣстія о томъ, что существуетъ какое-то родство между двумя царственными домами, и по этому поводу мнѣ задавали разнообразнѣйшіе, весьма непонятные вопросы: кто кому платитъ дань: Куинъ Викторіа русскому царю, или на оборотъ, русскій царь Куинъ Викторіи? Меня спрашивали, какъ нужно называть русскаго

царя: Ражадхиража или Падишахъ? Первый титулъ хотя и значитъ: царь надъ царями, но въ глазахъ туземца не такъ важенъ, какъ Падишахъ: ибо только Падишаху другіе цари платятъ дань. Рядомъ съ такими и болѣе нелѣпыми вопросами о томъ, самъ ли царь судитъ свой народъ или у него есть на то особые слуги, проскакивали соображенія, точно взятыя изъ послѣдняго номера какой нибудь индійской газеты: правда ли, что русскій царь взялъ Кабулъ? Скоро ли онъ возьметъ Кабулъ? На что Кабулъ нуженъ русскому царю? разсуждали мои собесѣдники. Ихъ интересовалъ также вопросъ о томъ, есть ли касты въ Россіи и какія? Обѣдаютъ ли русскіе вмѣстѣ съ англичанами? или же русскіе, подобно брахманамъ, гнушаются ѣсть за однимъ столомъ съ англичанами? Есть ли въ Россіи *настики* (нигилисты), *ведантдики* (отрицатели ведъ)? „Американцы, замѣчалъ при этомъ вышеупомянутый брахманъ, всѣ настики, всѣ отрицатели ведъ!“ А изъ американцевъ онъ зналъ одного только миссіонера и безъ ужаса и отвращенія не могъ говорить о школѣ этого миссіонера, вертепѣ крайняго нигилизма.

На западъ отъ Сринагара чрезъ нѣсколько миль начинается независимый Гарвалъ; характеръ мѣстности остается прежнимъ: та же роскошь растительнаго царства, тѣ же шумящія рѣки и горные ручьи, такая же благословенная страна, но самый путь значительно хуже; чувствуешь, что бдительное око британца не присматриваетъ за нимъ. По дорогѣ нѣтъ бангалоу; на первомъ переходѣ въ Тиколи я остановился въ сиваитскомъ монастырѣ и совершенно неумышленно оскорбилъ своимъ появленіемъ святыхъ отшельниковъ: они сочли мое присутствіе подъ ихъ кровомъ за оскверненіе самаго крова и дозволили переночевать въ грязной, вонючей конуркѣ лишь послѣ долгихъ пререканій и по полученіи бакшиша въ четыре рупи. Слѣдующую ночь я провелъ въ Ти-

хари. Столица независимаго Гарвала, такъ же какъ и Сринагаръ, лежитъ въ долинѣ, но долина гораздо обширнѣе и самый городъ гораздо красивѣе; роскошные бананы растутъ кругомъ города; подъ ихъ тѣнью поставлены маленькія скамьи для усталыхъ путниковъ. Для европейскихъ путешественниковъ Гарвальскій ража выстроилъ бангалоу, но вдали отъ города и въ мѣстѣ глухомъ. Онъ выстроенъ на берегу рѣки Бхагирахти, которая въ этомъ мѣстѣ течетъ среди совершенно отвѣсныхъ скалистыхъ береговъ; кое какъ высѣченныя ступени въ отвѣсной скалѣ ведутъ къ небольшому домику, назначенному для странствующихъ сахабовъ. Едва я добрался до бангалоу, какъ явился чупраси (полицейскій) узнать мое имя и вслѣдъ за этимъ, по заведенному обычаю, гарвальскій ража прислалъ европейскому путешественнику: барана, муки, фруктовъ и т. д. Отъ Тихари до Мансури два перехода или два дня пути. Въ Мансури я закончилъ мои странствія по Камаону и Гарвалу.

О Мансури также какъ Найна-Тилѣ, я имѣю сказать очень немного. Эта hill station менѣе красива въ сравненіи съ Симлой или Найни-Таломъ; здѣсь нѣтъ стройныхъ девадаровъ Симлы и въ одномъ только мѣстѣ можно видѣть рядъ снѣжныхъ вершинъ. Но за то въ Мансури открывается великолѣпный видъ на югъ, на Дехри-дунъ, на Севаликскіе холмы и индустанскія равнины.

Дома въ Мансури расположены по горамъ на краю обрывовъ—здѣсь нѣтъ болѣе или менѣе обширнаго плато. На протяженіи около пяти миль вьется дорога, по которой съ удобствомъ можно разъѣзжать верхомъ, не рискуя свалиться въ обрывы. Здѣсь есть прекрасный, едва ли не лучшій во всей Индіи, отель Himalàyan Hotel и всѣ обычныя въ англійскомъ мѣстопребываніи учрежденія: club-house, читальная, библіотеки и т. д.

Мансури расположенъ на кряжѣ, имѣющемъ въ вышину около 7,000 ф.; но нѣкоторые дома выстроены на высотѣ 7,200 ф.

Здѣшній климатъ немногимъ отличается отъ европейскаго; я видѣлъ Мансури въ дождливый сезонъ въ сентябрѣ: здѣсь было тогда сыро и холодно.

IV.

Сѣверная и сѣверо-западная граница Индіи.

1.

На пространствѣ почти полутора милліоновъ квадратныхъ миль (1.499,149 кв. м.) въ Индіи насчитываютъ свыше двухъ сотъ сорока милліоновъ жителей. (241.390,902). Это населеніе не составляетъ одной націи, не имѣетъ общаго языка и не исповѣдуетъ одной религіи.

Индія есть цѣлая страна свѣта: населяющія ее расы, трибы, роды и т. д., разобщенныя по языку и религіи, весьма часто взаимно-враждебныя, имѣющія различныя преданія и не одинаковые обычаи, составляютъ одно политическое цѣлое, съ тѣхъ поръ, какъ признали власть или гегемонію британскаго правительства. Извѣстно, что хотя далеко не вся Индія составляетъ Англо-Индійскую имперію, но и такъ-называемыя союзныя или туземныя владѣнія (Native states of India), за немногими исключеніями, находятся въ сильной зависимости отъ британскаго правительства: зависимость ихъ и отношенія къ верховной власти не одинаковы: всѣ они признаютъ главенство британскаго правительства: но одни владѣнія считаютъ себя обязанными, или поставлены

въ необходимость во всемъ слушаться англійскаго правительства, тогда какъ во внутреннія дѣла другихъ, сами англичане избѣгаютъ вмѣшиваться; нѣкоторыя изъ этихъ „туземныхъ государствъ“ платятъ дань и обязаны содержать военный контингентъ; есть такія владѣнія, въ которыхъ туземная верховная власть не имѣетъ права надъ жизнью и смертью своихъ подданныхъ и всѣ наиболѣе важные внутренніе вопросы разрѣшаются англійскимъ правительствомъ.

Неограниченная власть англичанъ распространяется надъ 191.065,445 населенія на пространствѣ 909,834 кв. анг. мил. Владѣнія другихъ европейцевъ въ Индіи ничтожны: французамъ принадлежитъ 196 кв. мил. съ населеніемъ 259,981, а португальцамъ 1,610 кв. мил. съ населеніемъ 587,517.

Нѣкоторыя изъ населяющихъ Индію расъ пришли туда въ глубокой древности, на зарѣ исторіи человѣчества, другія были относительно недавними гостями въ Индіи въ то время, когда по индійскимъ берегамъ предпріимчивые европейцы стали заводить свои факторіи.

И все это громадное населеніе, столь же пестрое и разнообразное, какъ природа и климатъ его родной страны, само не додумалось до идеи національности и въ нашъ вѣкъ насильно объединено въ одну имперію, созданную горстью пришлецовъ. Англичанъ въ Индіи не многимъ болѣе 64 тысячъ (64.061) да почти столько же англійскаго войска (64,985). Это малочисленное, издали пришлое племя, предпріимчивое и энергичное, но совершенно чуждое туземному населенію, по своей религіи, обычаямъ и законамъ мало-по-малу, безъ большихъ усилій распространило свою власть, начиная на востокѣ отъ болотистыхъ равнинъ Бенгаліи, населенныхъ изнѣженными, слабосильными, переимчивыми индусами, хиндуизировавшимися аборигенами и омусульманившимися индусами, по

всему Индустану до песчаныхъ равнинъ Пенжаба: перешло за Виндхья на югъ и захватило почти весь южный полуостровъ, присоединило къ своимъ владѣніямъ часть Гималаевъ, а надъ остальною распространило свое покровительство. Та же сильная разница, которая существуетъ между восточною и западною окраиною Англо-Индійской имперіи, замѣчается между природою и жителями южной Индіи, въ сравненіи съ природою Гималаевъ и гималайскихъ горцевъ. Пестрота индійскаго населенія всего лучше выясняется при помощи нѣсколькихъ статистическихъ данныхъ объ языкахъ и религіяхъ Индіи.

Въ Индіи можно съ большимъ вѣроятіемъ принять пять группъ языковъ не родственныхъ ни въ своихъ грамматикахъ, ни въ своихъ словаряхъ.

Между Гималаями на сѣверѣ и Виндхья на югѣ господствуетъ арійская рѣчь; она переступаетъ впрочемъ за Виндхья и имѣетъ своихъ представителей по западному берегу.

Но арійцы въ Индіи не говорятъ однимъ языкомъ, ни даже различными нарѣчіями одного первоначальнаго языка, ибо на сѣверо-западѣ Индіи въ предѣлахъ Англо-Индійской имперіи часть населенія говоритъ иранскими языками. Пушту есть родной языкъ части населенія въ округахъ Пешаура, Деражата, Равалъ-пинда и въ провинціи Пенжабъ. Въ Деражатѣ же и въ Синдѣ есть населеніе говорящее на языкѣ Билучи.

Индійская семья арійскихъ языковъ раздѣляется на семь главныхъ языковъ, на нѣсколько второстепенныхъ по своей численности и множество мѣстныхъ нарѣчій и говоровъ.

Въ Пенжабѣ индусское и мусульманское населеніе въ шестьнадцать милліоновъ говоритъ на языкѣ Пенжаби и его многочисленныхъ нарѣчіяхъ. По обоимъ берегамъ нижняго Инда, въ провинціи Синдъ мусульманское и индусское насе-

леніе почти въ два милліона говоритъ на языкѣ Синдхи. Этотъ же языкъ преобладаетъ между населеніемъ въ полъ-милліона полуострова Качъ. Синдхи, также какъ и Пенжаби, дробится на многочисленныя нарѣчія.

Подвигаясь далѣе на востокъ, мы становимся лицомъ къ лицу съ семидесяти-милліоннымъ населеніемъ, говорящимъ на Хинди. Хинди и населеніе, говорящее на немъ, занимаетъ центральное положеніе. Рѣчь эта распространяется въ части Пенжаба, по всѣмъ сѣверо-западнымъ провинціямъ (North-West Provinces), въ Аудѣ, въ части Бенгаліи, въ части центральныхъ провинцій, въ Бандалькандѣ, въ горныхъ Ражпутскихъ владѣніяхъ, въ Индорѣ и въ Гваліорѣ. Урду или Индустани, одно изъ нарѣчій этого языка, благодаря мѣропріятіямъ правительства стало lingua franca Индіи. Масса населенія плохо понимаетъ эту господскую ломанную рѣчь; но на ней ведется все дѣлопроизводство, а въ большихъ городахъ имъ владѣетъ та часть населенія, которая приходитъ въ столкновеніе съ европейцами. Еще далѣе на востокъ начинается область бенгальскаго языка и его нарѣчій. На немъ говоритъ населеніе въ 37 милліоновъ, частью индусское, частью магометанское. На югъ отсюда начинается языкъ Урія, на которомъ говоритъ населеніе въ 8 милліоновъ, преимущественно индусовъ. Языкъ этотъ и его нарѣчія распространены частью въ Бенгаліи, частью въ Мадрасѣ и въ центральныхъ провинціяхъ.

На другой сторонѣ Индійскаго полуострова, въ Бомбейскомъ президентствѣ, въ центральныхъ провинціяхъ и въ независимомъ владѣніи Низама распространенъ Маратхи и его нарѣчіе Конкани; насчитываютъ до 10 милліоновъ населенія, говорящаго этими языками. Населеніе въ 6 милліоновъ, главнымъ образомъ индусское, частью въ Бомбейскомъ президент-

ствѣ, частью въ независимомъ Гузератѣ говоритъ языкомъ Гузерати.

Кромѣ этихъ распространенныхъ арійскихъ языковъ, въ Индіи есть и другіе представители арійскаго слова—на которыхъ говорятъ менѣе численныя населенія, напр., языкъ Дардовъ, Кашмири, языкъ Горкинскій въ Непалѣ и т. д. Къ сѣверу и къ югу отъ широкаго пояса арійской рѣчи, обхватившаго Индію отъ сѣверо-западной границы до дельты Ганга и Брахмапутры, отъ южныхъ отроговъ Гималая до хребта Виндхья и далѣе къ югу въ Деканъ, начинаются области не-арійскихъ языковъ.

Значительнѣйшіе не арійскіе языки принадлежатъ къ Дравидской семьѣ и распространены въ южной Индіи. Дравидскихъ языковъ насчитываютъ двѣнадцать: Тамильскій, Телегу, Канарезскій, Малаялимскій, Тулу, Кудагу, Туда, Кота, Кхондъ, Гондъ, Ораонъ, Раджмахали. Тамильскимъ языкомъ, распространенымъ въ Мадрасскомъ президентствѣ и въ сѣверной части Цейлона, говоритъ населеніе въ $14^1/_2$ милліоновъ, главнымъ образомъ индуское. Въ томъ же Мадрасскомъ президентствѣ, въ центральныхъ провинціяхъ и въ независимомъ владѣніи Низама населеніе въ $15^1/_2$ милліоновъ говоритъ на языкѣ Телегу.

Населеніе, свыше девяти милліоновъ, распространенное въ Бомбейскомъ президентствѣ и въ Мадрасскомъ, въ независимомъ Мейсорѣ и во владѣніяхъ Низама, говоритъ на языкѣ канарезскомъ. На языкѣ малаялимъ говоритъ почти четырехмилліонное населеніе въ Мадрасскомъ президентствѣ, въ независимыхъ владѣніяхъ Кочинъ и Траванкоръ.

Сейчасъ названные языки суть важнѣйшіе изъ дравидскихъ; остальные восемь принадлежатъ къ наименѣе распространенымъ. На языкѣ Гондъ говоритъ населеніе (около полутора милліоновъ) по границамъ Бенгаліи. Мадрасскаго пре-

зидентства и центральныхъ провинцій. Остальными языками говоритъ немногочисленное населеніе въ полмилліона, разсѣянное небольшими группами по Бенгальскому и Мадрасскому президентству и по центральнымъ провинціямъ.

Отдѣльную группу отъ языковъ дравидскихъ составляютъ семь языковъ, образующихъ коларійскую семью; на этихъ языкахъ говоритъ немногочисленное населеніе, не доходящее до милліона и распространенное въ сейчасъ названныхъ мѣстахъ.

Еще меньшее количество населенія на южной границѣ Ассама всего около 85,000 душъ—говоритъ на языкѣ кхасія, не родственномъ ни съ дравидскими, ни съ коларійскими.

Съ сѣверу отъ Арійской области начинается область многочисленныхъ, до сихъ поръ весьма мало изученыхъ гималайскихъ языковъ. Число ихъ весьма вѣроятно доходитъ до сорока; численность же населенія, говорящаго этими языками, до сихъ поръ не приведена въ извѣстность.

Это разноязычное индійское населеніе, какъ уже выше было замѣчено, не исповѣдуетъ одной религіи. Кромѣ ислама и хиндуизма различныхъ оттѣнковъ и расколовъ, въ Индіи множество религій самыхъ разнообразныхъ. Исповѣдующихъ хиндуизмъ насчитываютъ въ британскихъ владѣніяхъ почти до ста сорока милліоновъ (139.248,568); они распространены всюду въ Индіи: исповѣдующіе хиндуизмъ говорятъ почти на всѣхъ языкахъ Индіи, арійскихъ и не арійскихъ. Не слѣдуетъ полагать, однакоже, чтобы хиндуизмъ составлялъ одну религію: это собирательное имя для множества самыхъ противоположныхъ ученій, сектъ и расколовъ.

Послѣ хиндуизма, религіею, наиболѣе распространенною въ Индіи, нужно считать исламъ. Мусульманъ въ Индіи болѣе сорока милліоновъ (40.882,537). Наибольшее количество

мусульманъ находится въ Бенгаліи, гдѣ ихъ насчитываютъ 19.553,836 на 38.975,418 индусовъ, 84,974 буддистовъ и 90,763 христіанъ. Въ Пенжабѣ мусульмане (9.337,685) преобладаютъ численностью надъ другими религіями: индусами—6.125,460, жайнами—36,190 и христіанами—22,154.

Изъ всѣхъ религій наименѣе распространено христіанство: число христіанъ въ британской Индіи не достигаетъ даже одного милліона (897,216) и наибольшее количество ихъ находится въ Мадрасскомъ президентствѣ (533,760).

Изъ другихъ религій наиболѣе распространены буддизмъ и жайнизмъ (2,832,851) и ученіе сикховъ (1.174,436).

Населеніе Индіи, какъ извѣстно, дѣлится на множество кастъ: кромѣ брахмановъ, находимыхъ всюду въ большемъ или меньшемъ числѣ, да немногочисленныхъ потомковъ касты воиновъ или кшатріевъ, представителями которыхъ считаютъ себя нѣсколько царственныхъ индійскихъ династій, въ Индіи каждое ремесло, профессія, кланъ или триба могутъ развиваться и въ различныя времена дѣйствительно развились въ касты: члены такой общественной группы заключаютъ браки только между собою, внутри своей группы, имѣютъ свой особый предметъ культа и ѣдятъ только вмѣстѣ другъ съ другомъ.

Распредѣленіе населенія въ такой громадной странѣ, какъ Индія, не одинаково: такъ напр., половина Бенгальскаго президенства состоитъ изъ горныхъ округовъ: Чота Нагпура и Ассама, гдѣ на одну квадратную милю приходится отъ 63 до 87 душъ; въ другой части того же президентства мы находимъ напротивъ въ Бардванѣ 573 души на одну квадратную милю, въ Патнѣ 553, въ Ражшахи 500, въ Бихарѣ 465. Къ густо населеннымъ частямъ нужно отнести также Аудъ (468), сѣверо-западныя провинціи, (378), Мадрасское президентство (243) и Бомбейское (131). Къ числу менѣе насе-

ленныхъ относятся кромѣ вышепоименованныхъ Кургъ (84: и центральныя провинціи (97)..

Къ весьма важной характеристикѣ индійскаго населенія нужно отнести еще слѣдующій фактъ: изъ 57.508,150 мужескаго взрослаго населенія въ Англо-Британской имперіи 37.462,220 занимаются земледѣліемъ.

2.

Отъ Кашмира до мыса Коморина круглымъ числомъ насчитывается около тысячи девятисотъ британскихъ миль; отъ устьевъ Инда на западѣ до горъ къ в. отъ Брахмапутры считаютъ гораздо болѣе 1,500 миль. Съ востока на западъ полуостровъ пересѣкается хребтомъ Виндхья, тянущимся отъ пустыни къ с.-з. отъ Гузерата до Ганга на востокъ.

Хребетъ Виндхья раздѣляетъ полуостровъ на двѣ части сѣверную или Индустанъ и южную или Деканъ. Въ той и другой части, въ Индустанѣ и въ Деканѣ есть какъ британскія, такъ и независимыя владѣнія.

Одна треть Индіи (т. е. 589.315 анг. кв. миль) и одна пятая индійскаго населенія (т. е. 50.325,457) составляютъ такъ называемыя союзныя туземныя владѣнія (Feudatory or Native states).

Независимыхъ владѣній болѣе 460: они разсѣяны по всей Индіи и всюду окружены британскими владѣніями, простирающимися по западному и восточному берегу и захватившими двѣ трети всей Индіи.

Отношенія британскаго правительства къ независимымъ владѣніямъ опредѣлены различными договорами, трактатами и т. д. Собраніе этихъ документовъ составляетъ нѣсколько довольно толстыхъ томовъ; и вся совокупность ихъ все-таки не опредѣляетъ точно взаимныхъ отношеній туземныхъ госу-

дарствъ и британскаго правительства. Быть можетъ англичане и не желаютъ этой точности.

Они признали за принципъ своихъ отношенiй къ туземнымъ государствамъ невмѣшательство и непрестанно, тамъ гдѣ могутъ, вмѣшиваются во внутреннiя дѣла своихъ союзниковъ.

Они позволили туземнымъ государямъ содержать войска для защиты своихъ государствъ, но не позволяютъ имъ вести войнъ.

Англичане хлопочутъ о томъ, чтобы въ независимыхъ государствахъ заводились суды; но въ этихъ судахъ европейцевъ (т. е. англичанъ) судить не дозволяютъ.

Владѣтели туземныхъ государствъ признаны независимыми государями; но генералъ-губернаторъ издаетъ приказы этимъ государямъ и требуетъ безусловнаго повиновенiя. По волѣ генералъ-губернатора владѣтель можетъ быть низложенъ, надъ нимъ можетъ быть учреждена опека; ему можетъ быть сдѣлано внушенiе, наставленiе; онъ можетъ быть лишенъ нѣкоторыхъ внѣшнихъ знаковъ почета, напр. опредѣленнаго числа салютовъ.

Въ силу трактатовъ, нѣкоторыя изъ туземныхъ владѣнiй имѣютъ право содержать собственное войско, и войско союзныхъ государствъ нѣсколько превосходитъ численностью англiйское. Англичане имѣютъ въ Индiи 62,652 европейскаго войска и 190,108 туземнаго.

Во всѣхъ независимыхъ владѣнiяхъ насчитываютъ 315,000 человѣкъ. Конечно, войска независимыхъ владѣнiй гораздо хуже вооружены и обучены нежели англiйское. Ихъ артиллерiя несомнѣнно не можетъ соперничать съ англiйскою, а пѣхота не имѣетъ ружей новѣйшихъ системъ. И съ нынѣшняго года по всей вѣроятности всякая реформа по вооруженiю войскъ независимыхъ владѣнiй будетъ сопряжена съ боль-

ними противъ прежняго трудностями и громадными затратами для туземныхъ владѣтелей. Англичане провели билль, по которому всякое ружье, ввозимое въ Индію, подлежитъ оплатѣ пошлины въ 20 рупій (около двухъ фунтовъ стерлинговъ.

Правда, въ Индіи указываютъ на Гваліоръ, гдѣ независимый владѣтель ввелъ у себя нѣчто подобное прусской системѣ: его армія обновляется черезъ каждые два-три года, и современемъ все населеніе его владѣній обратится въ солдатъ, населеніе, которое и помимо того считалось всегда воинственнымъ.

Но пока еще эта страна сдѣлается опасною для британскаго владычества въ Индіи, въ томъ же самомъ Гваліорѣ мы имѣемъ одинъ изъ характерныхъ примѣровъ отношенія британскаго правительства къ туземнымъ владѣніямъ.

Извѣстно, что Гваліоръ и Индоръ остались вѣрными британскими союзниками во время возстанія сипаевъ. Услуга, оказанная Гваліоромъ англичанамъ, была одна изъ наиболѣе вѣскихъ; Раджа оставался вѣренъ британскому правительству даже въ то время, когда часть его войска открыто присоединилась къ возставшимъ. Раджа бѣжалъ изъ Гваліора и искалъ спасенія у британскихъ властей. Его министръ сэръ Динкаръ Рао, ревностный приверженецъ англичанъ, призвалъ на помощь раджпутовъ. Съ помощью ихъ гваліорскій раджа усмирилъ возставшихъ подданныхъ и былъ возстановленъ на своемъ престолѣ. Онъ имѣлъ однако же несчастіе вернуться во дворецъ своихъ предковъ съ англійскимъ войскомъ.

Союзники тогда же заняли гваліорскую крѣпость и не оставляютъ ее до сихъ поръ, не оставляютъ не въ силу новыхъ трактатовъ, а потому, что Гваліоръ имѣетъ великое стратегическое значеніе. Разсказываютъ, что сэръ Динкаръ Рао, тотъ самый сторонникъ англичанъ, который въ 1858 году

удержалъ гваліорскаго ражу отъ возстанія и тѣмъ самымъ конечно, оказалъ англичанамъ немаловажную услугу, теперь говоритъ: „англичане не держатъ своего слова; они обѣщаютъ и не исполняютъ своихъ обѣщаній“.

Слова эти въ устахъ такого человѣка, какъ гваліорскій министръ, знаменательны. Динкаръ Рао, возведенный въ баронеты ея британскимъ величествомъ, одна изъ крупныхъ личностей Индіи по своему уму, значенію и вліянію среди туземнаго общества.

Но самодержавная власть англичанъ по отношенію къ туземнымъ владыкамъ сказывается не только въ такихъ серьезныхъ дѣлахъ, весьма часто она проявляется въ мелочахъ и даже не безъ комизма,

На одномъ изъ дарбаровъ лорда Мэо въ Ажмирѣ, между двумя царями Удейпурскимъ и Жодпурскимъ возникли пререканія о томъ, кому идти впередъ. Верховная власть рѣшила этотъ вопросъ въ пользу Удейпурскаго ражи; Жодпурскій обидѣлся и заблагоразсудилъ не показываться на большихъ выходахъ индійскаго вице-короля; но потому ли, что по молодости лѣтъ, выходы эти его интересовали, или въ силу какой-либо другой причины, по истеченіи нѣкотораго времени царь, надумавшись, показался вновь въ присутствіи вице-короля, на дарбарѣ. Ему приказано было удалиться и выѣхать изъ Ажмира. Мало того, его лишили на время салютовъ.

А между тѣмъ оба владѣнія, Удейпуръ и Жодпуръ независимыя. Ихъ царскіе роды ведутъ свою генеалогію отъ миѳическихъ героевъ, владѣнія ихъ не велики, но независимы и имѣютъ собственныя войска. По послѣднимъ статистическимъ даннымъ, въ первомъ т. е. въ Удейпурѣ: 538 пушекъ, 15,100 пѣхоты и 6,240 кавалеріи, во второмъ—220 пушекъ, 4,000 пѣхоты, 5,600 кавалеріи.

Со времени сипайскаго возстанія, съ тѣхъ поръ какъ была оставлена политика возсоединеній,—неразъ и ни одинъ вице-король Индіи увѣрялъ туземныхъ владѣтелей, что всѣ заботы британскаго правительства клонятся къ тому, чтобы упрочить за ними ихъ права и авторитетъ, что англичане желаютъ чтобы они были сильны, а потому хлопочутъ о томъ, чтобы они были богаты, справедливы и воспитанны. Но имъ говорилось въ то же время, что Индія ежечасно становится все ближе и ближе къ престолу королевы. Съ каждымъ годомъ желѣзныя дороги и пароходы все тѣснѣе и тѣснѣе сжимаютъ Индію въ своихъ объятіяхъ, и цѣль англичанъ,—не накладывая желѣзныхъ оковъ, прикрѣпить Индію къ далекой метрополіи золотыми цѣпями мира и любви. Дни завоеванія прошли, говорилось имъ,—насталъ вѣкъ преуспѣянія.

На сколько эти обѣщанія согласны съ видами индійскихъ независимыхъ владѣній—пока трудно рѣшить, но уязвимая пята Англіи не тутъ, не въ независимыхъ владѣніяхъ — а внутри своихъ собственныхъ и по границамъ. Англичане, когда-нибудь дорого поплатятся за то, что при всемъ своемъ желаніи не дѣлать зла индійцамъ, они не знаютъ ихъ и не хотятъ уважать въ нихъ то, что такъ высоко и зачастую совершенно несправедливо цѣнятъ въ своей средѣ. Для большинства англичанъ не существуетъ между индійцами того типа, который они на своемъ языкѣ обозначаютъ словомъ „gentleman“ и неуклонно проводя свои начинанія, они не хотятъ считаться съ общественнымъ мнѣніемъ, которое, благодаря имъ же, въ Индіи все громче и громче заявляетъ свои права.

Было время, когда индійскіе неограниченные властелины прислушивались къ „гласу народа“, творя открыто „судъ и расправу“ въ своихъ роскошныхъ чертогахъ, куда всякій могъ имѣть доступъ. Англичане этому конечно не могутъ подра-

жать, да въ нашъ вѣкъ „гласъ народа" ясно звучитъ даже въ Индіи въ газетахъ и въ публичныхъ митингахъ.

Пока не рѣшено на сколько этому гласу внемлютъ правители.

Дѣло Бароды въ 1875 году показываетъ, что они могутъ оставаться къ нему совершенно глухи.

Въ 1870 году на престолѣ Бароды Мулхаръ Рао наслѣдовалъ своему брату. Черезъ три года, въ мартѣ 1873, къ нему былъ назначенъ въ качествѣ британскаго резидента полковникъ Фейръ. Резидентъ весьма скоро открылъ, что Мулхаръ Рао не хорошій правитель, что онъ деспотъ и расточителенъ.

Британское правительство вслѣдствіе донесенія своего резидента послало къ Бароду слѣдственную коммисію. Коммисія естественно пришла къ тому же заключенію, какъ и резидентъ. Она закончила свою работу въ февралѣ 1874 и въ своемъ докладѣ подтвердила предшествующія показанія британскаго резидента.

Верховное правительство пригласило Гайквара, т. е. бародскаго царя исправиться и назначило ему срокъ въ 18 мѣсяцевъ. Между тѣмъ отношенія Гайквара не могли быть дружелюбными къ резиденту; онъ просилъ даже у вице-короля назначить ему другого резидента. Вице-король согласился и былъ назначенъ новый резидентъ въ Бароду сэръ Л. Пелли.

Въ промежутокъ времени, между вступленіемъ въ должность новаго резидента и отъѣздомъ изъ Бароды полковника Фейра, была сдѣлана попытка отравить послѣдняго. Полковникъ Фейръ подозрѣвалъ самого Гайквара и въ этомъ смыслѣ донесъ своему правительству.

Вице-король назначилъ судъ надъ Гайкваромъ. Судъ состоялъ изъ трехъ англичанъ и трехъ индійцевъ: Махараджи Жайпура, Махараджи Сциндіа и сэра Динкаръ Рао.

Судъ надъ Гайкваромъ продолжался болѣе мѣсяца, съ

23-го февраля по 31-е марта 1875 г. и пришелъ къ таковому рѣшенію: трое англичанъ признали Гайквара виновнымъ, Махараджа Жайпурскій считалъ его не виновнымъ въ взводимомъ на него обвиненіи: двое другихъ индійцевъ полагали, что обвиненіе не доказано. Индійское правительство, взвѣсивъ всѣ мнѣнія и всѣ показанія и снесшись съ правительствомъ ея величества, положило низложить Гайквара, что и было исполнено въ апрѣлѣ 1875 года: онъ былъ низложенъ и увезенъ изъ Бароды. Въ Индіи въ то время никто изъ туземцевъ не пытался защищать Гайквара какъ правителя: всѣмъ было хорошо извѣстно, что Гайкваръ имѣлъ всѣ слабости и пороки, обычные у восточнаго деспота. Но пытался ли онъ отравить своего недруга, хорошо ли было придираться къ такому недоказанному факту, для того чтобы провести уже ранѣе созрѣвшее намѣреніе,—мнѣнія обо всемъ этомъ расходились. Туземцы, и притомъ лучшіе, наиболѣе просвѣщенные, чувствовали какъ бы нѣкоторый стыдъ и позоръ; символъ родной власти былъ потоптанъ чужеземцами: пришлая власть наряжаетъ судъ надъ ихъ царемъ, и даже какъ будто не вполнѣ внемля рѣшенію суда, дѣйствуетъ по заранѣе начертанному плану.

Англо-индійская печать при этомъ высказывалась своеобразно: она была недовольна отозваніемъ по желанію Гайквара полковника Фейра: ее возмущало назначеніе смѣшаннаго, изъ англичанъ и изъ индійцевъ, суда, и она требовала низложенія, ссылки или повѣшенія Гайквара безъ суда, на основаніи одного показанія полковника Фейра.

Можно было бы привести гораздо болѣе такихъ примѣровъ, какъ низложеніе Гайквара, или насильственное удержаніе крѣпости въ Гваліорѣ—указывающихъ, что независимыя владѣнія въ Индіи не сильны и пока не въ состояніи оказывать англичанамъ мощной оппозиціи.

Но если мы обратимся къ границамъ Индіи, къ сѣверной и сѣверо-западной окраинѣ, то увидимъ, что тутъ положеніе британской власти нѣсколько отлично.

3.

Къ сѣверу отъ индустанскихъ равнинъ, на протяженіи около тысячи восьмисотъ миль тянется непрерывный рядъ снѣжныхъ пиковъ, отдѣляющій Индію отъ сѣверныхъ странъ Азіи; здѣсь беретъ начало большинство значительныхъ рѣкъ орошающихъ сѣверную Индію. Къ сѣверу отъ истоковъ Инда и Санпу поднимается второй кряжъ снѣжныхъ горъ, образующіи южную границу Тибетскаго плато. Этотъ кряжъ извѣстенъ намъ всего лучше, хотя далеко недостаточно, въ своемъ западномъ протяженіи: Каракорумъ непрерывно тянется на протяженіи около трехъ сотъ миль и составляетъ водораздѣлъ между бассейнами озера Лоба и Инда. Значительнѣйшія вершины Каракорума достигаютъ 28,278 ф. (Никъ К. 2).

Рядъ вершинъ, достигающихъ до 14,300 ф., тянется къ западу отъ Кашмира до Инда; между Индомъ и р. Читраль или Кунаръ эта гряда достигаетъ высоты отъ 14,800 до 17,000 ф.; высота этого кряжа не уменьшается и далѣе на западъ на пространствѣ отъ западнаго берега р. Читраль до ея впаденія въ р. Кабулъ и далѣе до перевала Хавакъ въ Гиндукушѣ: въ этой части горъ, тянущихся параллельно р. Кабулу высоты достигаютъ 15,337 ф.

Такимъ образомъ рядъ высокихъ горъ составляютъ сѣверную и сѣверо-западную границу индустанскихъ равнинъ.

Подъ прямымъ угломъ къ нимъ тянутся Сулейманскія горы; онѣ начинаются у Пешауэра, гдѣ Хайберская гряда, достигающая 5700 ф., раздѣляетъ пешауэрскую долину отъ Желалабадской; горы эти далѣе къ югу достигаютъ до 11.580 ф.,

а между 29 и 30 с. ш. онѣ круто поворачиваютъ на западъ; удерживая это направленіе на протяженіи 150 миль, затѣмъ у Боланскаго прохода онѣ опять принимаютъ меридіональное направленіе.

Вдоль сѣверной границы Индіи, по долинамъ и ущельямъ Гималаевъ расположены нѣкоторыя изъ туземныхъ владѣній. Ихъ весьма удобно можно раздѣлить на два отдѣла: 1) Независимыя владѣнія восточныхъ Гималаевъ, и 2) таковыя же западныхъ. Между тѣми и другими находятся британскія владѣнія.

Въ восточныхъ Гималаяхъ наиболѣе сильнымъ, но можетъ быть самымъ значительнымъ изъ этихъ владѣній нужно считать Непалъ. Непальскія владѣнія занимаютъ пространство въ 54,000 кв. мили съ населеніемъ въ 3.000,000.

На востокъ отъ Непала въ долинѣ р. Тиста находится Сиккимъ, на пространствѣ 2,550 кв. миль съ незначительнымъ населеніемъ въ 50,000. Въ 1835 году сиккимскій раджа уступилъ англичанамъ долину Даржайлингъ за ничтожную ежегодную плату въ 300 ф. стерлинговъ; съ 1846 года эта плата была удвоена, а въ началѣ семидесятыхъ годовъ она доросла до 1,200 ф. въ годъ.

На востокѣ Сиккимъ соприкасается съ Бхутаномъ, свѣдѣнія о которомъ до нынѣшняго времени остаются весьма скудными. Къ югу отъ Бхутана находится небольшое владѣніе Кучь-Бихаръ съ населеніемъ 532,565 на пространствѣ 1,292 кв. миль, а на востокъ земли Таванъ Бхотіевъ, черезъ территорію которыхъ ведется торговля между Ассамомъ и Тибетомъ.

Между Бхутаномъ и Бирмою британская граница занята дикими племенами; нѣкоторымъ изъ нихъ англо-индійское правительство платитъ ежегодно опредѣленную пенсію, желая удержать ихъ отъ пограничныхъ разбоевъ. Весьма часто слу-

частся, что разбойники берутъ пенсію, но тѣмъ не менѣе продолжаютъ грабить.

Туземныя владѣнія по склонамъ западныхъ Гималаевъ были возстановлены англичанами послѣ непальской войны 1814 года. Горкинцы простерли свои завоеванія до Сатлежа и большинство мѣстныхъ владѣтелей принуждено было искать спасенія въ бѣгствѣ. Трактатомъ 1814 Непалъ отказывался отъ своихъ завоеваній къ западу отъ р. Кали: часть этой территоріи англичане присоединили къ своимъ владѣніямъ, въ другой была возстановлена власть туземныхъ ражей. Всѣхъ западно-гималайскихъ владѣній насчитываютъ 32; всѣ они за исключеніемъ Кашмира очень не велики и не имѣютъ никакого политическаго значенія.

Кашмиръ неоспоримо имѣетъ не малое политическое значеніе по своему географическому положенію. Торговые пути въ восточный Туркестанъ и въ Тибетъ пересѣкаютъ эту горную страну.

Кашмирское владѣніе было образовано Галябъ Синхомъ, однимъ изъ сподвижниковъ Ранжитъ Синха. Кашмиру принадлежитъ Ладакъ и Кашмирскій ража имѣетъ 26,975 войска; ему подвластны 1.537,000 на пространствѣ 79,784.

4.

Гималаи или естественная грань, отдѣляющая съ сѣвера Индію отъ остальной Азіи, до сихъ поръ остается мало, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и совсѣмъ неизслѣдованной.

Извѣстно, что есть пути, выводящіе черезъ эти высокія горы на востокъ изъ Индіи въ Тибетъ и затѣмъ въ Китай, на западѣ, изъ кашмирскихъ и другихъ владѣній идетъ нѣсколько дорогъ въ Тибетъ, въ восточный Туркестанъ и т. д. до границъ Русской имперіи.

Дороги эти вслѣдствіе естественныхъ условій должны быть

отнесены къ самымъ труднымъ на всемъ земномъ шарѣ. По нѣкоторымъ изъ этихъ путей, вѣроятно, никогда не ходили завоеватели и весьма сомнительно, чтобы по нимъ производились или производятся оживленныя торговыя сношенія.

Для удобнаго обозрѣнія этихъ путей, ихъ можно раздѣлить на два разряда: дороги изъ восточныхъ Гималаевъ ведутъ непосредственно въ Тибетъ и затѣмъ въ Китай, пути изъ западно-гималайскихъ странъ ведутъ также въ Тибетъ, но кромѣ того, въ Восточный Туркестанъ.

Для насъ конечно, наибольшее значеніе имѣютъ послѣднія дороги, такъ какъ онѣ ведутъ къ нашимъ непосредственнымъ сосѣдямъ и затѣмъ даже въ наши владѣнія.

О путяхъ изъ восточныхъ Гималаевъ въ Тибетъ въ послѣднее время англичанами было сдѣлано нѣсколько розысканій. Розысканія эти производились, конечно, не исключительно съ одною научною цѣлью: мысль о болѣе тѣсныхъ торговыхъ сношеніяхъ Индіи съ Тибетомъ зародилась еще у В. Гастингса и никогда не оставлялась англо-индійскимъ правительствомъ. Но первыя и послѣдующія попытки завязать эти сношенія не увѣнчались никакимъ успѣхомъ: В. Гастингсу пришлось разочароваться въ результатахъ своихъ начинаній, также точно и позднѣйшія усилія по этому дѣлу не давали до сихъ поръ болѣе утѣшительныхъ результатовъ. Въ настоящее время на торговлю Индіи съ Тибетомъ въ самой Индіи существуютъ два прямо противоположныхъ воззрѣнія.

Одни говорятъ, Тибетъ страна горная, не плодородная и малонаселенная; большой иноземной торговли въ ней никогда не было, да и не можетъ быть: что можно везти туда, въ чемъ нуждается это населеніе? И если бы даже потребности этого населенія были узнаны и со временемъ искусственно развиты, даже при такихъ благопріятныхъ условіяхъ, не

нужно забывать тѣхъ путей, которыя связываютъ Индію съ Тибетомъ. Защитники тибетской торговли указываютъ на проходъ въ Сиккимѣ (Желеп-ла), который легко обратить въ удобный путь сообщенія; но для того, чтобы выстроить мосты по этому пути, проложить въ горахъ тропинку для одного всадника, необходимо истратить болѣе десяти тысячъ фунтовъ стерлинговъ...

Защитники индо-тибетской торговли указываютъ на то, что тибетская торговля, ничтожная въ настоящее время, можетъ развиться со временемъ, хотя по всей вѣроятности не скоро; свободный путь въ Тибетъ и оттуда далѣе въ западный Китай, въ будущемъ можетъ имѣть для англичанъ громадное значеніе. Хотя для торговли съ Китаемъ они имѣютъ Гонгконгъ и Шанхай, и казалось бы имъ излишне отыскивать новые пути туда же; но, несомнѣнно, имъ весьма важно имѣть на случай возможной войны или при болѣе сильномъ развитіи американской или германской торговли съ Китаемъ, исключительно въ своихъ рукахъ такой путь, гдѣ для нихъ немыслимы никакіе соперники. И, само собою разумѣется, такой путь есть дорога, правда очень трудная, чрезъ Тибетъ.

Теперь, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, торговля съ Тибетомъ существуетъ: изъ Даржайлинга и Сиккима въ Тибетъ вывозится разнаго товару на 18,554 фунт. стерлинговъ, а изъ Тибета вывозъ доходитъ до 11,063.

Торговля производится чрезъ проходъ Желеп-ла (16,000 фут.). Дорога эта считается кратчайшею и лучшею; она ведетъ къ перевалу, проходимому круглый годъ и находящемуся въ наименѣе возвышенной грядѣ Чола. Перевалъ приводитъ въ тибетскую провинцію Чумби и отъ перевала до Хлассы говорятъ отъ 250 до 300 миль; до другихъ торго-

выхъ пунктовъ еще менѣе: до Жхонеу-Жонъ въ восточномъ Тибетѣ только 150 м., до Тешу-Лумбо 200 м.

Путь этотъ считается лучшимъ, но конечно сравнительно съ другими тибетскими дорогами: ибо только на разстояніи 37 миль, отъ Даржайлина до Федона, онъ проходимъ для вьючныхъ пони; далѣе товары перевозятся на людяхъ.

Пути въ Тибетъ имѣютъ одну хорошую сторону, отличающую ихъ отъ дорогъ, выводящихъ изъ Индіи по сѣверо-западной границѣ. Сами тибетцы народъ, сколько извѣстно, мирный и честный; страна ихъ въ продолженіи многихъ вѣковъ хорошо управлялась и наслаждалась миромъ; по Тибету есть хорошія дороги и протекаютъ судоходныя рѣки. Извѣстно также, что между Тибетомъ и Китаемъ существуетъ довольно значительная торговля. Китайцы ввозятъ въ Тибетъ между прочимъ чай, бумажныя матеріи, фарфоръ и т. д.; изъ Тибета они вывозятъ серебро, соль, шерстяныя матеріи, мѣха и мускусъ. Главный предметъ ввоза есть кирпичный чай, и по свѣдѣніямъ англичанъ, количество этого чая (четыре кирпича или всего 20 ф.), стоющее на мѣстѣ въ Китаѣ пять или четыре пенса, въ Хлассѣ продается за одинъ фунтъ, четыре или восемь шиллинговъ; въ странахъ отдаленныхъ отъ главнаго торговаго пути *то же* количество чая еще дороже.

Понятно, что англичане, имѣющіе чайныя плантаціи въ Сиккимѣ, Камаонѣ, Дехридунѣ, Кангрѣ, должны хлопотать о такомъ выгодномъ сбытѣ своего продукта. Извѣстно, что въ одномъ Даржайлинѣ чайныя плантаціи въ 1874 г. занимали 18,888 акровъ и доставляли 3,927,911 фунтовъ чаю.

Кромѣ того по слухамъ извѣстно, что въ Тибетѣ много золотой руды, которая не разрабатывается самими тибетцами и китайцы вывозятъ изъ Тибета значительное количество серебра.

Всѣ желанія и начинанія англичанъ открыть сбытъ сво-

имъ продуктамъ на тибетскихъ рынкахъ, парализируются китайскою политикою.

По послѣднимъ извѣстіямъ, кажется Китай разрѣшилъ англичанамъ свободный доступъ въ Тибетъ: въ конвенціи, заключенной въ Че-фу британскимъ посланникомъ сэромъ Томасомъ Уедомъ, есть статья, разрѣшающая англичанамъ свободный проходъ чрезъ Тибетъ въ Китай. До послѣдняго же времени отношенія китайскихъ властей къ попыткамъ англичанъ пробираться въ Тибетъ были до крайности оригинальны: въ 1873 году по Сиккиму путешествовало съ цѣлью разузнать о лучшихъ путяхъ въ Тибетъ лицо оффиціальное (J. Ware Edgar), онъ добрался до прохода Желеп-ла, но проникнуть въ Тибетъ не могъ. Какъ только объ его разъѣздахъ узнали китайскіе амбани, они прислали сиккимскому ражѣ внушеніе: въ этомъ любопытномъ документѣ, приводимомъ въ оффиціальномъ отчетѣ о путешествіи г-на Едгара, говорится между прочимъ: „согласно съ золотымъ писаніемъ китайскаго императора и порядками, доселѣ существовавшими, поддерживать которыя мы поклялись, не одинъ изъ англичанъ не смѣетъ переступать границы.

Вы (т. е. ража) должны это объяснить англичанину и употребить всѣ усилія, чтобы убѣдить его вернуться назадъ, не входя въ Тибетъ". Г. Едгаръ такъ и сдѣлалъ, какъ ему приказали китайскіе амбани; онъ вернулся назадъ. И позднѣе то же самое повторилось съ бенгальскимъ губернаторомъ сэромъ Ричардомъ Темпль. Его попытки перейдти тибетскую границу также не увѣнчались никакимъ успѣхомъ.

Китайцы разставили по тибетской границѣ стражу, которая очень добросовѣстно исполняетъ свои обязанности.

Разсказываютъ объ одномъ англичанинѣ, которому удалось какъ-то провести эту бдительною стражу и пробраться въ заповѣданный край.

Разъ переступивъ за строго охраняемую границу, ему казалось, что дальнѣйшихъ препятствій къ слѣдованію по странамъ пустыннымъ не можетъ предстоять. И дѣйствительно все обстояло благополучно, пока онъ не наткнулся на второй отрядъ стражи.

Солдаты изумленно посмотрѣли на него и ничего не сказавъ, стали за нимъ слѣдомъ идти. Путешественнику даже нравился этотъ молчаливый и вѣжливый конвои; въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ они мирно подвигались впередъ, пока не дошли до какой-то рѣчки, клубящейся въ глубокомъ ущельи.

Черезъ рѣчку былъ перекинутъ оригинальный тибетскій мостъ, по которому путешественникъ не могъ перейдти, и долженъ былъ перетаскиваться въ корзинѣ, свободно двигающейся по веревкѣ, привязанной къ двумъ шестамъ, на томъ и на этомъ берегу рѣки.

Часть стражи перешла въ бродъ чрезъ рѣку и обязательно предложила путешественнику перетащить его на тотъ берегъ, въ корзинѣ. Не безъ нѣкотораго колебанія сѣлъ англичанинъ въ корзину; потянули корзину на веревкѣ и совершенно свободно дотащили до средины рѣки.

Дотащивъ корзину до средины рѣки, солдаты бросили свое дѣло, преспокойно сѣли, закурили свои трубки и стали поглядывать на англичанина.

— Тащи, кричитъ англичанинъ; а они молчать, покуриваютъ, да посматриваютъ на него.

Такъ продолжалось довольно долго, пока той и другой сторонѣ потѣха не надоѣла. Начались переговоры; китайцы предложили англичанину одно изъ двухъ: или вѣчно сидѣть въ корзинѣ, или отправляться назадъ.

Предпріимчивый путешественникъ выбралъ конечно послѣднее.

Кромѣ сейчасъ упомянутаго пути въ Тибетъ по Сиккиму, чрезъ перевалъ Желеп-ла, есть еще нѣсколько дорогъ туда же, какъ по Сиккиму, такъ и въ Бхутанѣ, и въ Непалѣ. Но на этихъ путяхъ или приходится встрѣчаться съ еще большими естественными трудностями, или же они проходятъ по странамъ столь же мало извѣстнымъ, какъ и самъ Тибетъ. Быть можетъ въ Непалѣ отыщется еще болѣе удобный путь въ Тибетъ, такъ какъ извѣстно, что тибетскія и китайскія войска въ разныя времена доходили до большой Непальской долины, откуда дорога въ Индустанскія равнины открыта. Но пока наши свѣдѣнія объ этихъ дорогахъ очень скудны: Непалъ или Бхутанъ страны столь же недоступныя европейцамъ, какъ и самый Тибетъ.

5.

Уже выше было сказано, что наибольшее значеніе имѣютъ пути, ведущіе изъ Кашмира за индійскіе предѣлы—въ Восточный Туркестанъ и въ Тибетъ. О послѣднихъ мы не станемъ говорить, такъ какъ о путяхъ въ Тибетъ было уже упомянуто сейчасъ.

Пути ихъ отсюда къ сѣверо-западу двоякаго рода: или они идутъ черезъ Ладакъ въ Яркендъ и т. д., или же черезъ Гильгитъ и Ясинъ въ Ваханъ и т. д.

Кашмиръ, какъ уже было сказано выше, есть независимое горное владѣніе; пути изъ равнинъ въ Кашмиръ не представляютъ никакихъ трудностей, хотя не всѣ они, по причинѣ снѣговъ, открыты круглый годъ.

Изъ Кашмира на сѣверо-западъ въ Гильгитъ и Ясинъ извѣстны два пути.

На одномъ пути (22 перехода или 233½ мили) находятся два высокихъ перевала: одинъ Раджіанганъ (11,800 ф.), другой Камри, еще выше (13,160 ф.). Большая часть дороги

очень дурна и неудобна для вьючныхъ пони. Съ половины ноября до половины мая она непроходима по причинѣ снѣговъ.

Второй путь черезъ перевалъ Дарикунъ (13,500 ф.) немногимъ длиннѣе предыдущаго (23 перехода или 238½ миль); но эта дорога осенью открыта на нѣсколько недѣль долѣе, а весною становится проходимою ранѣе. Въ продолженіи пяти мѣсяцевъ и она непроходима для лошадей, хотя пѣшеходамъ безъ клади она доступна зимою.

Отъ Гильгита до Ясина насчитываютъ 80 миль или 5 переходовъ.

Изъ Ясина есть путь въ Ваханъ черезъ Даркотскій перевалъ, непроходимый зимою; по этому пути ведется торговля бадакшанцами и ваханцами; изъ Ясина же есть путь въ Читраль и въ Мастужъ черезъ Шундурскій проходъ.

Отъ Ясина до Вахана (Кила-Пянжа) насчитываютъ 177 миль или 15 переходовъ: до Читраля 326 миль или 27 переходовъ. Часть пути пролегаетъ по необитаемой, гористой странѣ.

Изъ Вахана есть дороги на Большой и Малый Памиръ— мѣста, извѣстныя нашимъ изслѣдователямъ и отчасти нашимъ войскамъ.

Дорога изъ Кашмира въ Ладакъ есть тѣ торговые пути въ Восточный Туркестанъ, о которыхъ англичане такъ много хлопотали въ послѣдніе годы.

Для открытія новыхъ рынковъ они снаряжали двѣ экспедиціи, но пока достигли далеко не блестящихъ результатовъ. Въ 1875 году сумма вывоза и ввоза не достигала восьмидесяти тысячъ фунтовъ стерлинговъ (вывозъ 45,444, ввозъ 34,270 фунтовъ стерлинговъ, — итого 79,714). Но снаряжая экспедиціи и завязывая сношенія съ Якубъ-бекомъ, англичане имѣли въ виду не одни свои торговые интересы. Насколько

неудачны были эти экспедиціи во всякомъ другомъ отношеніи—ясно доказали послѣднія событія въ Восточномъ Туркестанѣ.

Не останавливаясь теперь на этомъ вопросѣ, мы обратимся къ обзору путей, ведущихъ изъ Индіи въ Восточный Туркестанъ.

Торговыя пути изъ индустанскихъ равнинъ въ Восточный Туркестанъ частью сходятся въ Ле столицѣ Ладака, или направляются въ Яркендъ, минуя Ле.

Ле есть значительнѣйшій рынокъ для обмѣна товаровъ между Средней Азіей и Индустаномъ. Кратчайшій путь туда направляется черезъ Кашмиръ, и отъ Сринагара до Ле считается не болѣе 256 миль. Дорога пролегаетъ черезъ проходы болѣе низкія и доступныя въ продолженіи большаго числа мѣсяцевъ; на 15 переходахъ она доступна для верблюдовъ. Путь черезъ Куллу не многимъ длиннѣе, но менѣе удобенъ нежели кашмирскій.

Эта часть пути, отъ индустанскихъ равнинъ до Ле представляетъ наименьшія трудности и къ тому же она постоянно улучшается и дѣлается все болѣе доступною для слѣдованія каравановъ.

Изъ Ле въ Яркендъ есть нѣсколько путей. О характерѣ этихъ путей можно составить себѣ приблизительно точное представленіе, припомнивъ только высоту переваловъ и малонаселенность тѣхъ странъ, черезъ которыя пролегаютъ эти дороги.

По дорогѣ черезъ Чанъ-ченъ-мо отъ Ле до Яркенда насчитывается 610 миль, или 40 переходовъ; дорога пролегаетъ черезъ восемь переваловъ, изъ которыхъ высшій достигаетъ 18,200 ф. (Сукетъ), а низшій (Чучу) 11,850. Двугорбые верблюды удобно проходятъ по этой дорогѣ. Топлива и травъ нѣтъ,

только на двухъ-трехъ стоянкахъ. Зимою дорога не проходима.

Путь, открытый Геувордомъ, проходитъ черезъ Линъ-зитанское плато (17 т. ф.) и нѣсколько короче предъидущаго, ($546\frac{1}{2}$ миль). Третій путь самый восточный,—тотъ, по которому слѣдовали А. Шлагинтвейтъ и нѣсколько позднѣе Джексонъ въ Хатанъ, немногимъ длиннѣе перваго (628 миль, или 43 перехода); и по этому пути также приходится подниматься на высоты до 17,700 ф.

Отъ Ле до Яркенда черезъ Каракорумъ (18,300 фут.) есть двѣ дороги: лѣтняя, кратчайшая (515 миль, 35 переходовъ) пролегаетъ черезъ проходы свыше семнадцати и восемнадцати тысячъ футовъ. На этомъ пути нужно переправляться въ лодкахъ черезъ р. Шаіокъ, и онъ открытъ въ продолженіи четырехъ-пяти мѣсяцевъ въ году; хотя въ это время по немъ удобно проходятъ вьючные пони, но черезъ Санжу (16,760 ф.) и Сасеръ (17,500 ф.) необходимо перебираться на якахъ. На нѣсколькихъ переходахъ травы и топлива мало; на другихъ ни того, ни другого совсѣмъ нѣтъ.

Зимній путь нѣсколько длиннѣе лѣтняго, пролегаетъ черезъ четыре перевала и открытъ съ ноября до февраля. Недостатокъ въ травѣ и топливѣ терпится и на этомъ пути.

Изъ Кангры есть два пути въ Яркендъ, минуя Ле: наиболѣе длинный (923 мили, 65 переходовъ) проходитъ по долинѣ Чанъ-ченъ-мо и такимъ образомъ частью совпадаетъ съ первымъ изъ вышеописанныхъ; второй, кратчайшій, (870 миль, 62 перехода) пролегаетъ чрезъ Каракорумъ и три мѣсяца въ году по причинѣ снѣговъ не доступенъ.

Изъ Яркенда въ Кашгаръ дорога извѣстная и хорошо описанная членами послѣдней форсайтовской экспедиціи. Отъ Кашгара же до Кокана не многимъ болѣе двухсотъ верстъ.

Хотя настоящій очеркъ не имѣетъ цѣлью описывать

военныя дороги въ Индію, считаю не лишнимъ однакоже замѣтить, что все, доселѣ сказанное о путяхъ въ Индію, относилось къ торговымъ путямъ. Изъ исторіи намъ извѣстно дѣйствительно, что и через Гималаи проходили войска; такъ напримѣръ, Ладакъ былъ завоеванъ Сикхами, въ Непалъ проникали тибетскія войска. Но все это единичные факты: пути, по которымъ всего болѣе направлялись завоеватели, идутъ не черезъ Гималай.

6.

Англичане провели свою сѣверозападную границу въ ближайшемъ разстояніи отъ равнинъ, во избѣжаніе всякихъ столкновеній съ непокорными горцами, засѣвшими вдоль границы на протяженіи восьмисотъ миль.

Насколько эта мѣра привела къ желанной цѣли, ясно доказали ихъ прошедшія, весьма частыя столкновенія съ пограничными разбойничьими племенами. Набѣги этихъ горцевъ, какъ извѣстно, повторились въ самое послѣднее время, и вызвали въ правительственныхъ сферахъ различные проэкты. Въ газетахъ даже поговаривали о перенесеніи границы далѣе къ западу, иными словами о захватѣ земель независимыхъ горцевъ.

Вдоль сѣверо-западной границы находятся: Гильгитское губернаторство, часть вассальнаго владѣнія Кашмира, и англійскія области (Commissionerships) Пешауэръ, Деражатъ и Синдъ.

Каждая изъ сейчасъ упомянутыхъ англо-индійскихъ областей дѣлится на три уѣзда (districts): такъ, Пешауэръ имѣетъ три уѣзда: Хазара, Пешауэръ и Кохатъ; Деражатъ дѣлится на: Банну, Дера-Измаль-ханъ и Дера-Гази-ханъ: Синдъ дѣлится на: Верхній Синдъ, Шикарпуръ и Карачи.

Цѣпь независимыхъ разбойничихъ племенъ начинается у

сѣверо-западной окраины Кашмирской территоріи, идетъ вдоль сѣверо-западной границы Хазара, переступаетъ за Индъ, вьется по сѣверной и сѣверо-западной границѣ Пешауэрской равнины вплоть до Хайберскаго ущелья. Отсюда далѣе таковое же разбойническое населеніе продолжается по афридскимъ холмамъ до Кохата, вдоль западной границы послѣдняго, по холмамъ Вазиріевъ къ Банну и до Сулейманскихъ горъ: далѣе тѣ же непріятные сосѣди заселяютъ подошвы Сулейманскихъ горъ до границъ Синда.

Это разбойничье населеніе тянется на протяженіи восьмисотъ миль.

Перечисленіе всѣхъ пограничныхъ племенъ съ ихъ подраздѣленіями было бы весьма затруднительно, и пожалуй даже излишне; но нѣкоторые изъ нихъ, не смотря на свою малочисленность, имѣютъ не малое политическое значеніе.

На границѣ уѣзда Хазири, на правомъ берегу Инда, находится гора Махабанъ, у подошвы которой расположена Ситана, или колонія отчаянныхъ фанатиковъ, имѣющихъ многочисленныя связи по всей Индіи и завѣдомо враждебно расположенныхъ къ англичанамъ.

Исторія этой колоніи восходитъ къ началу настоящаго столѣтія, когда въ эпоху процвѣтанія Сикхскаго владычества въ Пенжабѣ, въ Индіи проявился новый масульманскій пророкъ Хазретъ-Сейдъ-Ахметъ, проповѣдывавшій жигадъ противъ Сикховъ и объявившій, что онъ ниспосланъ истребить всѣхъ невѣрныхъ, начиная отъ сикховъ и кончая китайцами. На призывъ къ священной войнѣ откликнулись его многочисленные ученики по всей сѣверной Индіи и война возгорѣлась въ октябрѣ 1826. Годы длились отчаянныя стычки между мусульманами и сикхами, но наконецъ въ 1831 г. сикхи овладѣли особою пророка и убили его.

Но ученіе его не исчезло безслѣдно, и его послѣдователи

не погибли; они преумножились и распространились по всей сѣверной Индіи, перенесли прежнюю ненависть къ сикхамъ на гяуровъ-англичанъ, нынѣ владѣющихъ двумя третями всей Индіи съ Пенжабомъ включительно.

Послѣ смерти пророка настало затишье; послѣдователи его, послѣ погрома, разсѣялись по всей Индіи; часть ихъ пробралась за Индъ въ горы, гдѣ и основала колонію въ Ситанѣ, нынѣ, какъ выше было упомянуто, завѣдомо враждебную англичанамъ.

Въ сосѣдствѣ съ Ситаною находится сватская долина, отдѣленная отъ британской границы грядою высокихъ горъ. Населеніе Свата не превышаетъ ста тысячъ, но изъ этого числа около двадцати тысячъ—воиновъ.

Населеніе дѣлится на нѣсколько клановъ, подчиняющихся выбранному старшинѣ и ахунду или первосвященнику. Послѣдній изъ ихъ старшинъ былъ избранъ между ситанскими фанатиками.

Вокругъ этихъ двухъ гнѣздъ фанатизма по горамъ разсѣяны трибы, разбойничьи по своимъ занятіямъ, невѣжественныя, легко возбуждаемыя и всегда готовыя на грабежъ. Но вліяніе ахунда сватскаго простирается еще далѣе въ глубь самой Индіи, всюду, гдѣ есть неспокойные масульманскіе элементы. Въ прошломъ году были извѣстія, что недавно умершій ахундъ сватскій хотѣлъ объявить джигадъ противъ англичанъ. Въ нынѣшнемъ году въ индійскихъ газетахъ сообщалось о томъ, что новый ахундъ Мянъ-Гулъ высказывалъ нѣкоторую склонность войдти въ мирныя сношенія, но это самое возбудило противъ него его же подданныхъ.

Отъ границы Свата до р. Кабула живутъ Моманды и далѣе Афридіи, въ рукахъ которыхъ находятся перевалы (Ханберскій, Тартара и Абкхана), связывающіе Пешаурскую равнину съ Желалабадской долиной. Территорія Афридіевъ врѣ-

зывается между Пешауэромъ и Кохатомъ: въ этомъ мѣстѣ есть два прохода черезъ горы: Кохатъ, Жеваки: оба они также заняты афридіями. Афридіи—самое значительное изъ пограничныхъ племенъ, самое неспокойное и самое предательское. Противъ нихъ, еще въ нынѣшнемъ году англичане снаряжали экспедицію.

Южнѣе отсюда въ проходѣ Гомалъ и въ другихъ проходахъ Сулейманскихъ горъ, въ мѣстахъ до сихъ поръ весьма мало извѣстныхъ, хотя и очень близкихъ къ британской столицѣ, находятся Вазири. Это значительное разбойничье племя владѣетъ тѣми проходами, черезъ которые ведется торговля между Индіей и Средней Азіей. Средне-азіятская торговля ведется въ этихъ мѣстахъ такъ называемыми Повинда, т. е. бѣгунами; это купцы изъ племенъ Лохани съ оружіемъ въ рукахъ прокладываютъ себѣ дорогу. чрезъ страну Вазиріевъ. Повинда доходятъ до Бухары, а при переходѣ черезъ Сулейманскія горы постоянно подвергаются нападеніямъ со стороны Вазиріевъ. Число воиновъ въ племени Вазири доходитъ до 43,900.

Разнообразныя разбойничьи племена заселяютъ Сулейманскія горы и далѣе къ югу, но они менѣе важны и не столь многочисленны, какъ сейчасъ названныя.

Географическое положеніе пограничныхъ разбойничьихъ племенъ поставляетъ ихъ въ особенно выгодныя условія: внутри Индіи независимыя владѣнія всюду окружены англо-индійскими владѣніями и такимъ образомъ парализованы во всѣхъ своихъ враждебныхъ англичанамъ начинаніяхъ; англичане правы, утверждая, что здѣсь безъ ихъ согласія и позволенія не выпалитъ ни одна пушка. А если уже выпалитъ, такъ въ отвѣтъ ей раздадутся выстрѣлы по всей Индіи, что при разобщенности индійскихъ мѣстныхъ интересовъ трудно ожидать.

Отношеніе же британскаго правительства къ горцамъ сѣверозападной провинціи совершенно иное. Эти племена засѣли въ горахъ, мало и плохо извѣстныхъ англичанамъ, ибо до послѣдняго времени англичане избѣгали и даже запрещали географическое изученіе этихъ мѣстъ, во избѣжаніе столкновенія съ горцами.

На западъ же, по ту сторону пограничныхъ горъ, находятся Авганистанъ и Белучистанъ,—страны, несомнѣнно, не имѣющія особыхъ причинъ быть благосклонно расположенными къ англичанамъ и въ силу послѣднихъ событій имѣющія много основаній недолюбливать ихъ. Авганы когда то владѣли Индіею и послѣ того не разъ грабили ее; ни того, ни другого они конечно не забыли; еще тверже помнитъ Ширъ-Али-ханъ тѣ годы, когда онъ боролся съ своими братьями, и какъ тогда на всѣ просьбы о помощи англичане твердили одно: „побѣди, одолѣй своихъ противниковъ,—и тогда только, не ранѣе мы признаемъ тебя эмиромъ и придемъ къ тебѣ на помощь“. Затѣмъ англійское правительство дѣйствительно признало его эмиромъ, давало ему субсидію, настраивало враждебно къ Россіи, хлопотало о присоединеніи къ его владѣніямъ Бадакшана и Вахана, отъ чего теперь само не прочь отказаться. Ширъ-Али-ханъ, по словамъ самихъ англичанъ, бралъ субсидію, просилъ больше и больше денегъ, и при этомъ не вѣрилъ ни въ чемъ англичанамъ. Ѣздилъ въ Индію на свиданіе съ вице-королемъ и когда, могъ, сносился и заискивалъ въ Россіи.

Келатскій ханъ конечно не такъ опасенъ, какъ Кабульскій эмиръ, но Сардары его, непокорные и вѣроломные, не многимъ лучше Авганъ; занятіе же Кветты и Боланскаго прохода врядъ ли поселитъ въ нихъ дружелюбіе къ англичанамъ.

Затѣмъ извѣстно также, что по с.-з. границѣ, въ горахъ, находятся два прохода, черезъ которые врывалась въ Инду-

станскія равнины, въ историческіе времена, большая часть завоевателей. Пути, ведущіе черезъ проходы, суть слѣдующіе: чрезъ Хайберское ущелье они или ведутъ на с.-з. черезъ Сватъ, Бажоуръ, Диръ, Читраль и т. д. въ Бадакшанъ, т. е. въ долину Аму-дарьи, или же проходятъ черезъ Кабулъ, откуда есть дороги черезъ Баміанъ на сѣверъ, къ долинѣ Аму-дарьи, и черезъ Кандахаръ и Гиришкъ къ Герату.

Первый путь, какъ извѣстно, пролегаетъ по странамъ, мало населеннымъ и гористымъ, черезъ высокіе перевалы, до 17,000 ф. (Нукшанъ къ с. отъ Читраля), и конечно врядъ ли можетъ быть выбранъ для военныхъ цѣлей.

По второму, а также по прямой дорогѣ отъ Герата на Боланскій проходъ и затѣмъ къ индійскимъ границамъ не разъ двигались войска, что̀ хорошо извѣстно англичанамъ, такъ какъ они сами предпринимали походы и въ Авганистанъ и въ Белучистанъ.

Отъ Герата до Кандахара считается 300 миль, отъ Кандахара чрезъ Боланскій проходъ до Суккури, на индійской границѣ 393 мили; всего 693 мили. Что къ Герату и къ Баміану есть нѣсколько дорогъ съ сѣвера, объ этомъ помнятъ и хорошо знаютъ не только владѣтели Индіи, но и всего болѣе сосѣди и подданные индійской императрицы.

Но конечно англичанамъ пока можно и небояться нашествія съ сѣвера; границы державы, опасной для нихъ, границы Россіи пока еще все таки слишкомъ отдалены отъ Индіи, и о дорогахъ въ Индію до сихъ поръ имѣются болѣе или менѣе смутныя свѣдѣнія.

Россія имъ страшна не потому, чтобы дѣйствительно русскій походъ въ Индію могъ состояться въ скоромъ времени, а потому, что въ возможность и успѣшность этого похода вѣрятъ ихъ сосѣди подданные.

И эта наивная вѣра на столько сильна, что заставила

англо-индійское правительство совершенно измѣнить его политику относительно с.-з. границы: изъ „мастерского бездѣйствія“ оно перешло къ активной и суетливой политикѣ,—замышляетъ рядъ энергическихъ мѣръ къ умиротворенію этихъ границъ: вице-король Индіи недавно предложилъ рядъ реформъ по управленію сѣверо-западной окраиной, и между прочимъ настаиваетъ на необходимости обезоружить все пограничное населеніе.

Государственный секретарь по дѣламъ Индіи, принявъ въ принципѣ проэктъ вице-короля, высказываетъ между прочимъ слѣдующее: „многія причины вызвали раздраженіе и волненія между непокойнымъ масульманскимъ населеніемъ, нашими близкими и отдаленными сосѣдями.

Критическое положеніе перваго въ мірѣ магометанскаго государства обновило силу фанатизма, который въ этихъ странахъ никогда вполнѣ не успокоивается. Въ то же время военная дѣятельность Россіи и ея великія территоріальныя пріобрѣтенія несомнѣнно взволновали населенія, находящіяся внѣ сферы ея непосредственнаго вліянія, и могли породить въ умахъ иллюзіи о томъ, что столкновеніе Россіи и Британіи не такъ безнадежно, какъ то было прежде“.

На этихъ знаменательныхъ словахъ мы можемъ успокоиться: Индія изъ сейчасъ представленнаго краткаго очерка индійскихъ окраинъ, очевидно, защищена отъ внѣшнихъ завоевателей громадными пространствами и естественными гранями: пути туда есть, но они сопряжены съ большими трудностями; всякое нашествіе должно необходимо дорого обойдтись тому, кто затѣялъ бы его: потребовало бы громадныхъ затратъ людей и денегъ; и въ концѣ-концовъ оно было бы совершенно безполезно для того, кто не можетъ и не хочетъ удержать за собою Индіи. И зачѣмъ затѣвать дѣло трудное, когда по словамъ самихъ англичанъ, въ самой Индіи, по ея

границамъ и можетъ быть даже внутри страны есть такіе элементы, которые готовы вспыхнуть отъ нѣкоторыхъ слуховъ, и безъ дорого стоящихъ нашествій? Не таковъ ли смыслъ словъ самихъ правителей Индіи.

V.

Англійскіе законы въ Индіи.

1.

Наша исторія въ Индіи, говорятъ иногда англичане, есть исторія нѣжной любви къ законамъ и правамъ, существовавшимъ до насъ, исторія всегда присущаго намъ сознанія отвѣтственности предъ народомъ, управленіе надъ которымъ ввѣрило намъ провидѣніе.

Насколько справедливы ихъ слова, покажетъ послѣдующее изложеніе, которому считаемъ необходимымъ предпослать краткій очеркъ механизма англійскаго управленія Индіей.

Англійское управленіе Индіи есть гражданское, опирающееся на военную силу, которая при своей незначительности не можетъ принимать дѣятельнаго участія въ цѣлой системѣ управленія.

Верховное управленіе Индіи состоитъ изъ кабинета, съ президентомъ Вице-королемъ, неограниченнымъ въ Индіи, но подвѣдомственнымъ въ Англіи государственному секретарю по дѣламъ Индіи, и назначаемымъ въ Англіи же правительствомъ.

Президентъ или вице-король завѣдуетъ двѣнатцатью провинціальными управленіями и туземными владѣніями.

Всякій указъ исходитъ отъ имени президента и совѣта, и въ заголовкѣ имѣетъ таковое условное выраженіе Governor General in Council.

Во времена остъ-индской кампаніи всякое дѣло переходило отъ одного члена совѣта въ руки другого, и само собою разумѣется такимъ образомъ не могло быстро подвигаться къ разрѣшенію, но вызывало многообразное писаніе очень выработанныхъ мнѣній отдѣльныхъ членовъ кабинета. Всѣ они въ совокупности дѣлали меньше дѣла, нежели въ настоящее время одинъ помощникъ секретаря.

Преобразованія, имѣющія силу въ настоящее время, были введены лордомъ Кэннингомъ. Лордъ Кэннингъ образовалъ нѣчто подобное министерскому кабинету съ президентомъ генералъ-губернаторомъ.

Всякій членъ верховнаго совѣта, стоящій во главѣ департамента, есть какъ бы министръ. Онъ отвѣтственъ за всякое дѣло заурядное; дѣла-же болѣе важныя обязанъ представлять вице-королю.

Обыкновенно, кромѣ того вице-король завѣдуетъ лично однимъ какимъ-либо департаментомъ, всего чаще, департаментомъ иностранныхъ дѣлъ.

Все управленіе дѣлится на семь департаментовъ: 1) Департаментъ иностранныхъ дѣлъ, (Foreign Department) 2) Общественныхъ работъ, (Public Works Department) 3) Департаментъ внутреннихъ дѣлъ (Home Department) 4) Департаментъ доходовъ, земледѣлія и торговли (Department of Revenue, Agriculture and Commerce) 5) Департаментъ финансовъ (Financial Department) 6) Военный департаментъ (Military Department) 7) Законодательный департаментъ (Legislative Department).

Главноуправленіемъ каждаго департамента завѣдуютъ членъ совѣта и его главный секретарь.

Всѣ бумаги наиболѣе важныя изъ каждаго департамента представляются завѣдующимъ имъ членомъ совѣта съ своимъ собственнымъ мнѣніемъ на разсмотрѣніе генералъ-губернатора. Вице-король или принимаетъ таковое мнѣніе безъ видоизмѣненій, или же утверждаетъ его съ нѣкоторыми исправленіями и добавленіями.

Если мнѣніе члена совѣта такъ или иначе утверждено, онъ передаетъ его своему главному секретарю, который выработываетъ изъ него резолюцію, обнародываемую какъ приказъ генералъ-губернатора въ совѣтѣ.

Въ дѣлахъ болѣе важныхъ вице-король, даже будучи согласенъ съ мнѣніемъ члена совѣта, можетъ спросить мнѣніе другихъ членовъ, всѣхъ или нѣкоторыхъ; въ такомъ случаѣ дѣло пересылается отъ одного члена къ другому или обходитъ всѣхъ членовъ совѣта.

Если мнѣнія вице-короля и члена совѣта расходятся по какому либо дѣлу, оно по приказанію вице-короля препровождается на разсмотрѣніе всѣхъ членовъ или же вносится въ совѣтъ.

Дѣла, нетерпящія отлагательства главный секретарь департамента имѣетъ право непосредственно представлять на разсмотрѣніе генералъ-губернатора; сей-же послѣдній или самъ издаетъ приказъ или-же предварительно испрашиваетъ мнѣніе члена совѣта, находящагося во главѣ департамента.

Обязанности вице-короля троякаго рода: еженедѣльно онъ принимаетъ доклады отъ своихъ главныхъ секретарей; еженедѣльно же собираются а) исполнительный совѣтъ вице-короля и b) его же законодательный совѣтъ.

Каждый изъ семи секретарей имѣетъ свой день для доклада вице-королю. Въ этотъ день онъ представляетъ вице-королю дѣла наибольшей важности, отвѣчаетъ на вопросы,

касающіе этихъ дѣлъ, и принимаетъ приказанія по какимъ-либо новымъ дѣламъ.

Разъ въ недѣлю собирается исполнительный совѣтъ: онъ состоитъ изъ вышеупомянутыхъ членовъ совѣта и главнокомандующаго, какъ дополнительнаго члена. Въ этомъ совѣтѣ обсуждается все относящееся въ общей политикѣ; совѣщанія происходятъ при закрытыхъ дверяхъ.

Секретари департаментовъ находятся въ сосѣдней залѣ и каждый изъ нихъ вызывается въ залу совѣщанія въ то время, когда членъ докладываетъ или когда происходятъ обсужденія дѣла того департамента, при которомъ секретарь состоитъ.

Обыкновенно пренія не велики, такъ какъ члены собираются на совѣтъ, вполнѣ познакомившись съ подробностями дѣлъ, о которыхъ предстоятъ обсужденія, и выработавъ свои опредѣленныя мнѣнія о нихъ.

Дѣла рѣшаются или голосованіемъ, или же стараются достичь соглашенія противоположныхъ мнѣній. Воля вице-короля есть рѣшающая и въ исключительныхъ случаяхъ вице-король можетъ издавать приказы, вопреки мнѣніямъ членовъ совѣта.

Процедура засѣданій совѣта въ большей части случаевъ бываетъ такова: вице-король, обсудивъ съ членомъ совѣта дѣло департамента, подвѣдомственнаго сему послѣднему, вноситъ его въ совѣтъ и оба высказываютъ свои воззрѣнія на дѣло, подлежащее обсужденію.

Мнѣнія какъ того, такъ и другаго извѣстны уже всѣмъ членамъ совѣта, такъ какъ до совѣщанія дѣло съ обоими мнѣніями обошло всѣхъ членовъ.

Когда въ совѣтѣ начинается обсужденіе дѣла, пренія уже не могутъ выяснять подробностей его, извѣстныхъ всѣмъ совѣщающимся, а потому и небываютъ продолжительны. При разногласіи, и послѣ попытокъ соглашенія, если

послѣднее не состоялось, въ докладѣ государственному секретарю по дѣламъ Индіи отдѣльныя мнѣнія членовъ несогласныхъ излагаются или въ извлеченіи, или по желанію несогласной стороны вполнѣ.

Разъ въ недѣлю собирается также законодательный совѣтъ.

Въ этомъ совѣтѣ принимаютъ участіе вице-король, члены исполнительнаго совѣта, губернаторъ той провинціи въ которой вице-король имѣетъ свое мѣстопребываніе и также нѣсколько неоффиціальныхъ членовъ представителей туземнаго и европейскаго обществъ.

Предсѣдательствуетъ вице-король.

Настоящее устройство законодательного совѣта было введено въ 1861. Тогда же были учреждены законодательные совѣты для Бенгаліи, въ Мадрасѣ и въ Бомбаѣ, и генералъ-губернатору дано право назначать сверхъ обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ членовъ отъ шести до двѣнадцати дополнительныхъ членовъ (Additional Members), на половину изъ лицъ неоффиціальныхъ.

Такимъ образомъ въ настоящее время законодательный совѣтъ имѣетъ слѣдующій составъ: 1) вице-король, 2) главнокомандующій, какъ чрезвычайный членъ совѣта; 3) шесть обыкновенныхъ членовъ, 4) губернаторъ или Chief Commissioner той провинціи, гдѣ совѣтъ засѣдаетъ; 5) не менѣе шести и не болѣе двѣнадцати дополнительныхъ членовъ, на половину состоящихъ изъ лицъ неоффиціальныхъ.

Въ полномъ составѣ совѣтъ состоитъ изъ двадцати членовъ; изъ нихъ вице-король, главнокомандующій и шесть обыкновенныхъ членовъ совокупно представляютъ исполнительную власть.

Каждый членъ совѣта имѣетъ право предлагать новые законы. Но законодательный совѣтъ весьма рѣдко беретъ

на себя инициативу въ какихъ либо законодательныхъ мѣропріятіяхъ.

Совѣтъ вырабатываетъ законы: инициатива исходитъ отъ двѣнадцати провинціальныхъ управленій: отъ нихъ поступаютъ въ совѣтъ предложенія ввести то или другое законоположеніе.

Эти предложенія обсуждаются во-первыхъ вице-королемъ и тѣмъ членомъ его кабинета, который находится во главѣ законодательнаго департамента.

Затѣмъ предложеніе обходитъ всѣхъ членовъ исполнительнаго совѣта, вносится въ этотъ совѣтъ: тутъ обсуждается и наконецъ поступаетъ въ законодательный совѣтъ, какъ предположительное узаконеніе (draft act).

Въ законодательномъ совѣтѣ избирается коммисія изъ членовъ для обсужденія билля; и послѣ обнародованія его въ „*Gazette*“ билль отвергается, измѣняется или же переходитъ въ законъ.

Законодательный совѣтъ открытъ для публики: о всемъ, происходящемъ на его засѣданіяхъ, публикуется въ журналахъ и въ „*Gazette*“ помѣщаются отчеты, записанные оффиціальнымъ стенографомъ.

Большинство вопросовъ общей политики правительства, вопросовъ не связанныхъ съ внѣшними дѣлами или военными, проходятъ черезъ законодательный совѣтъ.

Кромѣ законодательнаго совѣта въ Индіи есть еще законодательный департаментъ: онъ былъ учрежденъ при лордѣ Лауренсѣ; до него законодательный департаментъ не существовалъ отдѣльно, а былъ частью департамента внутреннихъ дѣлъ.

Инициатива законодательства не исходитъ однакоже изъ этого департамента.

Департаментомъ завѣдуютъ одинъ изъ шести членовъ ис-

полнительнаго совѣта, секретарь, прежде называвшійся Secretary to the Council of the Viceroy for the purpose of making Lows and Regulations и помощникъ секретаря (Deputy Secratary).

Секретарь и членъ совѣта, завѣдующій департаментомъ изготовляютъ *билли* и вносятъ ихъ въ совѣтъ; за тѣмъ если законопроектъ касается всей Индіи, онъ пересылается на разсмотрѣніе по всѣмъ мѣстнымъ управленіямъ, и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ *билль* пересылается чрезъ департаментъ иностранныхъ дѣлъ къ британскимъ агентамъ и резидентамъ при туземныхъ государяхъ. Билль, касающійся части Индіи, пересылается только къ мѣстнымъ управленіямъ, непосредственно заинтересованнымъ.

Мѣстныхъ управленій въ Индіи 10: Бенгалія (1), Мадрасъ (2), Бомбай (3), Сѣверо-западныя провинціи (4), Пенджабъ (5), Аудъ (6), Центральныя провинціи (7), Бирма (8), Майсоръ и Кургъ (9), Ассамъ (10).

Мѣстныя управленія пересылаютъ копіи билля къ областнымъ начальникамъ и ко всѣмъ лицамъ, пользующимся ихъ довѣріемъ и непосредственно заинтересованнымъ биллемъ.

Кромѣ того областнымъ начальникамъ вмѣняется въ обязанность прислушиваться къ мнѣнію о биллѣ—какъ европейцевъ, такъ и туземцевъ, всѣхъ тѣхъ, кого непосредственно касается новый законопроектъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ билль вполнѣ печатается въ „*Gazetté*“ Такимъ образомъ дается весьма широкая возможность обсуждать и критиковать его.

Какъ скоро соберутся мнѣнія мѣстныхъ управленій и ихъ агентовъ, выбирается комитетъ для обсужденія этихъ мнѣній. Затѣмъ пересмотрѣнный и видоизмѣненный *билль* вновь вносится въ совѣтъ, гдѣ онъ вновь обсуждается и опять обнародуется въ измѣненномъ видѣ въ „*Gazette*“.

Для того чтобы билль сталъ закономъ необходимо согласіе вице-короля: но и послѣ того онъ можетъ быть отвергнутъ въ совѣтѣ государственнаго секретаря по дѣламъ Индіи.

Результатомъ многолѣтней законодательной дѣятельности верховнаго англо-индійскаго управленія была масса законовъ, узаконеній и т. д., не разъ подававшая поводъ къ жалобамъ въ Индіи. И туземцы, и англичане иногда не прочь утверждать, что законодательная дѣятельность выказываетъ слишкомъ большую энергію, и при этомъ законодатели не всегда проявляютъ полное знаніе страны и потребностей туземцевъ. Случается въ Индіи слышать остроты, что самою благодѣтельною реформою для Индіи было-бы уничтоженіе законодательнаго департамента.

2.

Вся совокупность законовъ въ Индіи состоитъ изъ слѣдующихъ составныхъ частей: 1. Парламентскія узаконенія (acts of Parliament); 2. Regulations введенныя генералъ-губернаторомъ въ совѣтъ, Бенгальскимъ, Мадрасскимъ и Бомбайскимъ губернаторами въ совѣтъ между 1793 и 1834; 3. Узаконенія генералъ-губернатора въ совѣтъ (acts of Governor General in Council) для части или для всей Индіи, начиная съ 1834; 4. Узаконенія законодательнаго совѣта въ Бенгаліи, Мадрасѣ и Бомбаѣ, начиная съ 1861 г.

Парламентскія узаконенія очень многочислены, но многія изъ нихъ въ настоящее время уже не имѣютъ законной силы и были замѣнены узаконеніями генералъ-губернатора въ совѣтъ.

Regulations явились въ промежутокъ времени между 1792 и 1834. Къ нимъ относится знаменитое Regulation I 1793, о чемъ будетъ сказано нѣсколько словъ дальше.

Большинство ихъ замѣнено въ настоящее время болѣе новыми законоположеніями.

Наибольшее значеніе имѣютъ узаконенія генералъ-губернатора въ совѣтѣ. Законодательство губернаторовъ въ совѣтѣ относится только къ ихъ отдѣльнымъ провинціямъ.

По содержанію своему всѣ эти узаконенія могутъ быть распредѣлены на пять отдѣловъ: 1. Узаконенія, въ коихъ ясно сказываются основные общіе принципы британскаго управленія; 2. Узаконенія кодифицирующія части неписаннаго закона; 3. Узаконенія, относящіяся къ судебной процедурѣ, гражданской и уголовной; 4. Узаконенія, относящіяся къ собиранію доходовъ, напр. поземельнаго; 5. Смѣшанныя узаконенія. Наиболѣе многочисленны узаконенія третьяго и четвертаго отдѣла.

Узаконенія перваго отдѣла немногочисленны; они любопытны, какъ идущія въ разрѣзъ съ туземными обычаями и принципами. Сюда относятся узаконенія, воспрещающія satî, т. е. самосожиганіе вдовъ, узаконеніе 1870 (act VIII. 1870) воспрещающее убіеніе младенцевъ женскаго пола. Въ томъ и другомъ случаѣ правительство преслѣдовало то, что было противно и оскорбляло общественную нравственность по европейскимъ понятіямъ. Воззрѣнія огромнаго большинства туземцевъ были прямо противуположны правительственнымъ: индусы считаютъ саможиганіе вдовъ исполненіемъ святого долга, и какъ актъ высокаго самоотверженія, оно чтится у нихъ. На убіеніе младенцевъ женскаго пола туземцы смотрѣли нѣсколько иначе, но и это преступное по европейскимъ понятіямъ дѣйствіе, невозбуждало въ нихъ негодованія: имъ было совершенно понятно, почему въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Индіи родители рѣшаются на дѣтоубійство: иногда, въ иныхъ мѣстахъ по укоренившимся законамъ кастъ дочери не легко могли быть выданы за мужъ; да къ тому-же свадьбы обхо-

дились слишкомъ дорого, при такихъ условіяхъ индусу казалось убіеніе младенца дочери не такимъ большимъ грѣхомъ, какъ выдача его за представителя низшей касты, или же представлялось еще преступнѣе—заставить дочь,за неимѣніемъ нужныхъ средствъ, скоротать вѣкъ дѣвственницею. Узаконеніемъ 1843 (Act. V 1843) уничтожалось рабство въ Индіи: никто не могъ быть проданъ въ рабство для удовлетворенія какого бы то нибыло взысканія, и суды Остъ-Индской компаніи перестали признавать прежнее рабство. Узаконеніемъ 1850 (Act. XXI. 1850) уничтожилось легальное значеніе нѣкоторыхъ туземныхъ обычаевъ и законовъ, въ силу коихъ человѣкъ могъ быть лишенъ касты или наслѣдства, напр. за перемѣну религіи; таковыя постановленія въ судахъ Остъ-Индской компаніи не имѣли законной силы и игнорировались. Иными словами правительство даровало индусамъ *свободу совѣсти* и отказывалось преслѣдовать *отступничество* отъ старой религіи; законъ въ началѣ вызвалъ страшную оппозицію въ средѣ туземцевъ, которая не повліяла однакоже на правительство. Узаконеніемъ 1856 (act. XV, 1856) дозволялось замужество индускихъ вдовъ, а въ силу узаконенія 1866 (act. XXI 1866) туземецъ или туземка обратившіеся въ христіанство имѣли право искать развода; если жена или мужъ отказывались отъ супружескаго сожительства на основаніи перемѣны религіи. Узаконеніе 1872 (act. III. 1872) имѣло въ виду установить форму брака для нехристіанъ и не исповѣдующихъ ни одной изъ господствующихъ религій Индіи т. е. для непринадлежащихъ по религіи къ евреямъ, мусульманамъ, индусамъ, жайнамъ или сикхамъ. Всѣ эти послѣднія узаконенія суть естественныя слѣдствія узаконенія 1850 и по отношенію къ туземному обществу имѣютъ громадное революціонное значеніе.

Ко второму отдѣлу узаконеній относятся 1) The Indian

Penal Code, act. XLV. 1860; 2) The Indian Succestion act. X. 1865; 3) The Indian Evidence act. I 1872; 4) The Indian Contract Law IX. 1872.

Третій отдѣлъ узаконеній весьма обширенъ. Вся система судопроизводства, начиная отъ учрежденія судовъ, была введена англичанами на новыхъ основаніяхъ; по мѣрѣ разростанія англійской имперіи въ Индіи и накопленія различныхъ результатовъ практики въ этой системѣ производились измѣненія и законодательство по гражданской и уголовной процедурѣ стало очень сложнымъ; всѣ узаконенія (acts) какъ по гражданской, такъ и по уголовной процедурѣ клонятся къ упрощенію этой системы; они имѣютъ въ виду облегчить усвоеніе всей системы. Сюда относятся 1) act VIII. 1859. The Code of Civil procedure. 2) act. X. 1872 the Code of criminal procedure, 3) The civil Courts Act.

Узаконенія, относящіяся къ четвертому отдѣлу, наиболѣе важны и обще-интересны. Вопросы о поземельной собственности были первыми вопросами, занимавшими англійское законодательство въ Индіи еще въ концѣ прошлаго столѣтія.

Но прежде, нежели я перейду къ краткому очерку сдѣланнаго англичанами по этимъ вопросамъ, считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ туземцы смотрятъ на англійскую систему судопроизводства. Современное судопроизводство туземцы совершенно справедливо называютъ *англійскимъ*, занесеннымъ извнѣ и не вполнѣ соотвѣтствующимъ мѣстнымъ нуждамъ и потребностямъ. По ихъ мнѣнію, въ немъ много недостатковъ: то, что въ Англіи создавалось въ продолженіи вѣковъ, все это вдругъ было пересажено на индійскую почву и при этомъ совершенно упущено изъ виду, что одна и та же система судопроизводства среди разныхъ условій необходимо должно дать различные результаты. Въ Индіи весьма часто раздаются жалобы на судъ пріѣзжихъ.

Наши присяжные, говорится обыкновенно, необразованы: эти мелкіе лавочники и торгаши весьма часто ослѣплены грубыми предразсудками и находятся подъ вліяніемъ неразумныхъ симпатій и антипатій, а вслѣдствіе этого они не судятъ и не могутъ судить по совѣсти. Они ни за что не осудятъ брахмана, или человѣка благороднаго и со связями. Заручиться ихъ симпатіей не трудно, и очень часто несомнѣнный преступникъ, благодаря ихъ вердикту, освобождается. О *бѣлыхъ* присяжныхъ туземецъ также не высокаго мнѣнія: они, по его мнѣнію приносятъ справедливость также въ жертву національнымъ предразсудкамъ. *Бѣлый* подсудимый обыкновенно оправдывается ими: и въ то, что *бѣлые* присяжные судятъ по совѣсти, туземецъ никакъ не хочетъ вѣрить.

Еще болѣе поражаетъ туземцевъ англійское судебное слѣдствіе: имъ кажется страннымъ, какимъ образомъ на судѣ не выясняется тотъ фактъ, который вполнѣ и всѣмъ извѣстенъ тамъ, гдѣ онъ свершился и не только тамъ, но и въ окружности на пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ миль. Подкупленные свидѣтели, ходатаи и защитники сбиваютъ окончательно съ толку производящаго слѣдствіе сахаба, окруженнаго толпою продажныхъ паразитовъ въ образѣ амловъ и мелкихъ членовъ полиціи. Болѣе просвѣщенные изъ туземцевъ увѣряютъ, что англійскій способъ производить судебное слѣдствіе деморализируетъ туземцевъ: народъ, узнавъ что судъ требуетъ показаній такъ называемыхъ очевидцевъ, съумѣлъ за деньги поставлять таковыхъ въ судъ. Европейская адвокатура, пересаженная на индійскую почву, принесла неожиданные плоды: обманъ и подкупъ, всегда практиковавшіеся въ Индіи, возросли еще болѣе: судья обманывается: свидѣтели подкупаются, и всѣмъ въ судѣ, кому только можно, конечно, не самому судьѣ, даются взятки. Эта не свѣтлая сторона англійскихъ поряд-

ковъ породила довольно значительную туземную литературу. Въ Бенгаліи объ этомъ писалось не только по-бенгальски, но и по-англійски; такъ какъ въ этомъ президенствѣ англійскій языкъ болѣе распространенъ, нежели въ другихъ мѣстахъ Индіи, и очень многіе туземцы, прошедшіе англійскую школу, владѣютъ англійскимъ языкомъ вполнѣ. Многое изъ этой обличительной литературы ниже всякой критики и страдаетъ преувеличеніемъ; но основная мысль, что суды и вообще англійскіе порядки худы, потому что все это заведено иностранцами, не вполнѣ изучившими строй и потребности туземной жизни, несомнѣнно вѣрна.

3.

На землѣ въ Индіи сосредоточены троякаго рода интересы: 1) интересъ правительства, какъ собственника извѣстной доли доходовъ съ земли, 2) сборщиковъ этой доли доходовъ, отвѣтственныхъ передъ правительствомъ за правильность сбора и 3) интересъ земледѣльцевъ.

Отношенія этихъ трехъ сторонъ не всюду въ Индіи одинаковы. Формы землевладѣнія и системы сбора правительственнаго поземельнаго дохода въ Индіи весьма разнообразны. Не смотря на весь интересъ этого предмета и всю его важность для уразумѣнія современнаго состоянія Индіи и положенія тамъ англичанъ, авторъ, сознавая свою не подготовленность къ изложенію поземельнаго вопроса въ Индіи, вынужденъ ограничиться нѣсколькими бѣглыми указаніями на то, что было сдѣлано англичанами по поземельному вопросу въ нѣкоторыхъ частяхъ сѣверной Индіи: въ Бенгаліи и въ сѣверозападныхъ провинціяхъ. Такъ какъ ниже приводимые факты касаются только одной части Индіи, то, конечно, они ни какъ не могутъ считаться вполнѣ достаточными для полной характеристики англійскихъ законоположеній по аграр-

нымъ вопросамъ, и произносить на основаніи однихъ этихъ фактовъ общій приговоръ англійской политикѣ было бы несомнѣнно несправедливо.

Въ Индіи, слѣдовательно, такъ же и въ Бенгаліи, есть земли называемыя *Лакхи ражъ* не платящія никакого налога правительству.

Затѣмъ въ Бенгаліи идутъ земиндарства. Земиндаръ есть безусловный собственникъ земли, обязанный выплачивать извѣстную часть своихъ доходовъ правительству. Если доля не доставлена своевременно правительству, земиндарство подлежитъ продажѣ съ аукціона. Земиндарство переходитъ по наслѣдству; оно можетъ быть продаваемо въ цѣломъ и по частямъ; можетъ быть закладываемо. Земиндаръ имѣетъ право сдавать свои земли на вѣчное время и на срокъ; ему выплачивается вся рента земель его земиндарства.

За земиндарами слѣдуютъ разные виды его арендаторовъ:

1) *Талукъ;* рента талукдаровъ не можетъ быть возвышена, за исключеніемъ немногихъ случаевъ, поименованныхъ въ Regulations. Талуки передаются по наслѣдству, могутъ быть продаваемы и иначе отчуждаемы.

Если талукдаръ запустилъ свою ренту, онъ не подлежитъ изгнанію, но его *талукъ* подлежитъ продажѣ съ аукціона. Талуки съ своей стороны сдаютъ земли въ аренду; слѣдующіе арендаторы повторяютъ тоже и такимъ образомъ между земиндаромъ и земледѣльцемъ въ настоящее время является цѣлый рядъ посредствующихъ лицъ.

2) *Истамрари* и 3) *Мукаррари,* суть только разновидности *Талука.* Первая есть аренда на вѣчныя времена, а во второй рента не можетъ быть возвышена. Въ настоящее время обѣ формы аренды соединены вмѣстѣ; обѣ онѣ могутъ быть отчуждаемы и наслѣдственны.

За этими арендаторами слѣдуютъ земледѣльцы:

1) Земледѣлецъ, воздѣлывающій землю около той деревни, гдѣ онъ живетъ, называется *кхудкаштъ райя.* Историческія права этого рода земледѣльцевъ до сихъ поръ не приведены въ ясность и конечно неодинаковы въ различныхъ мѣстахъ Индіи.

Обыкновенно права этого рода земледѣльцевъ опредѣляются такимъ образомъ: тамъ, гдѣ было въ обиліи невоздѣланой земли, а населеніе не густо, тамъ не земледѣльцы соперничали изъ-за земли, а земиндары соперничали изъ-за рукъ рабочихъ. Земледѣлецъ, разъ привлеченный въ деревню на жительство, начиналъ пользоваться различными льготами, и обыкновенно аренда переходила отъ отца къ сыну; земледѣлецъ лишался аренды только въ томъ случаѣ, когда онъ не исполнялъ своихъ обязанностей или за нимъ оставался неуплаченнымъ правительственный налогъ; но случаи лишенія аренды бывали рѣдки, ибо рабочія руки были не многочисленны и мало по малу установился обычай, по которому кхудкаштъ-райя не можетъ быть лишенъ аренды до тѣхъ поръ, пока онъ платитъ свою ренту.

2) *Пайкаштъ-райя* воздѣлываетъ землю по сосѣдству съ своей деревней; это временные арендаторы, не имѣющіе достаточнаго количества земли въ своей собственной деревнѣ и принужденные искать ее по сосѣдству.

Узаконенія 1859 (Act. X. 1859), не употребляя этихъ двухъ терминовъ, различаютъ однакоже два рода земледѣльцевъ: *постоянныхъ* и *срочныхъ.*

Если Райя воздѣлывалъ одну и туже землю въ продолженіи двѣнадцати лѣтъ, до тѣхъ поръ, пока рента аккуратно выплачивается имъ, право его вѣчно занимать эту землю не подлежитъ спору и можетъ быть передано по наслѣдству; рента же не можетъ быть возвышена.

Она можетъ быть возвышена только въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) если рента за землю того же качества гораздо ниже существующихъ въ сосѣдней мѣстности; 2) если цѣна на продукты и производительность земли возвысились помимо стараній райи; 3) если по измѣренію окажется что райя занимаетъ большее количество земли.

Таково въ общихъ чертахъ настоящее положеніе и отношенія землевладѣльца и его различныхъ арендаторовъ.

Положеніе земледѣльческихъ классовъ въ отдаленный періодъ индійской исторіи до мусульманскаго владычества весьма мало разъяснено. Вѣроятно, однакоже, что положеніе это было не одинаково въ различныхъ частяхъ Индіи и немногимъ отличалось отъ положенія, въ которомъ застаетъ эти классы исторія при первыхъ мусульманскихъ завоевателяхъ.

Въ Бенгаліи уже при первыхъ мусульманскихъ правителяхъ *земиндарская* система землепользованія была вполнѣ развита; весьма вѣроятно, она уже существовала подъ другимъ именемъ въ предшествующій періодъ, и тогда уже начали разлагаться сельскія общины. Послѣднее явленіе отчасти можетъ быть объяснено народнымъ характеромъ бенгальцевъ, совершенно противуположнымъ характеру того населенія, среди котораго сельскія общины упорно удержались до нашихъ дней.

Земиндарская система, необходимо связанная съ нѣкотораго рода гнетомъ и притѣсненіями для земледѣльцевъ, легко могла развиться среди населенія мягкаго, податливаго и безпечнаго, не думавшаго о копѣйкѣ на черный день и перебивавшагося кое-какъ изо дня въ день. Но при правительствахъ болѣе или менѣе патріархальныхъ, тяжелый гнетъ властелина надъ подвластнымъ, самоуправство перваго по отношенію къ послѣднему, всегда смягчаются взаимною привязанностью, существующею между обѣими сторонами, раз-

общенными по общественному положенію, но близкими другъ къ другу по цѣлому своему міросозерцанію. Такъ было вѣроятно и въ Бенгаліи: и положеніе райи въ эти отдаленныя времена было, конечно, не грустнѣе, нежели теперь, а можетъ быть даже легче.

Въ XII ст. Патаны завоевали Бенгалію; они властвовали здѣсь до появленія Монголовъ въ XVI ст. При патанскомъ владычествѣ страна дѣлилась на нѣсколько округовъ; нѣкоторыми изъ нихъ владѣлъ самъ царь, другіе онъ отдавалъ своимъ соратникамъ, которые обязывались помогать ему во время войны войскомъ и деньгами. Отношенія царя къ своимъ сподручникамъ бывали не одинаковы въ разныя времена. Иногда они вполнѣ признавали верховную власть и безусловно подчинялись всѣмъ его требованіямъ; но по временамъ они настолько усиливались,—и тогда случилось, что низлагали своего царя и выбирали себѣ новаго.

Туземное населеніе никогда, какъ кажется, не было воинственно; но оно обладало ловкостью и всѣми талантами, необходимыми для дѣловой дѣятельности. Талантами этими и воспользовались иностранные правители.

Изъ индусовъ выбирались земиндары, т. е. сборщики податей и налоговъ; индусовъ назначали на отвѣтственныя должности, за ними правители ухаживали, когда нуждались въ деньгахъ, и вообще индусы при этихъ правителяхъ имѣли значеніе немаловажное.

Отношеніе земиндара къ райѣ было очень просто; земиндаръ былъ полновластнымъ господиномъ райи, а тотъ его покорнымъ рабомъ. Если земиндаръ былъ добръ и человѣколюбивъ, райѣ жилось хорошо; противъ жестокостей и притѣсненій земиндара райя не былъ огражденъ закономъ и ему оставалось одно—покорятся невзгодѣ.

Земиндары разрѣшали всѣ споры между райями; они на-

казывали воровъ и преступниковъ, охраняли миръ въ странѣ и на самомъ дѣлѣ были полновластными господами. Райя притомъ жилъ также, какъ онъ живетъ теперь; засѣвалъ землю занятыми сѣменами въ продолженіи одиннадцати мѣсяцевъ, существовалъ на занятый капиталъ, расплачивался на двѣнадцатый съ тѣмъ, чтобы начать на слѣдующій годъ тотъ же финансовой оборотъ, который былъ своего рода протестомъ противъ жадности земиндара. Земиндару райя былъ нуженъ: поддерживать эту рабочую силу было необходимо, но кромѣ труда съ нее взять было нечего. Что можно было взять у существа, проживавшаго и проживающаго до нынѣ въ хижинѣ изъ глины, выстроенной на гроши въ нѣсколько дней и питающагося двумя-тремя пригоршнями злаковъ въ день? Какую движимость можно найдти въ его скоросиѣлой хижинѣ? Для его домашняго обихода совершенно достаточно нѣсколькихъ глиняныхъ горшковъ и цыновокъ. Онъ босъ и нагъ; тряпьемъ препоясалъ чресла, увилъ голову тѣмъ же: и доволенъ,—поетъ и пляшетъ.

Монголы, завоевавъ Бенгалію, дѣлали нѣсколько попытокъ ограничить права и притязанія земиндаровъ: Тодаръ-Малъ, знаменитый министръ финансовъ, при императорѣ Акбарѣ желалъ даже вполнѣ устранить земиндаровъ, какъ посредниковъ при сборѣ правительственнаго поземельнаго дохода, и пытался собирать этотъ доходъ непосредственно съ райевъ. Но въ странѣ, отдаленной отъ центральнаго пункта мусульманскаго правленія, земиндары успѣли и послѣ реформъ Тодаръ-Мала мало по малу вернуть себѣ свое прежнее значеніе. Позднѣе въ періодъ разложенія мусульманскаго владычества земиндары еще болѣе усилились.

Тодаръ-Малъ ввелъ особые порядки, при немъ и во время ближайшее послѣ него назначенные правительствомъ чиновники вели списки урожаямъ,—рентамъ и всему сбираемому съ

райи: при такихъ условіяхъ заминдаръ не могъ вполнѣ неограниченно притѣснять райю; но впослѣдствіи тѣ же чиновники стали вѣрными слугами заминдара и они же помомогали грабить земледѣльца.

Такъ продолжалось до XVIII столѣтія; при Муршидъ-Кули-ханѣ, пожелавшемъ увеличить правительственный доходъ, заминдарамъ выпало опять тяжелое житье. Но и то была временная невзгода; заминдары вновь оправились и передъ началомъ британскаго владычества они стали походить болѣе на самостоятельныхъ владѣтелей и союзниковъ слабаго мусульманскаго правительства, нежели на его простыхъ сборщиковъ податей. До тѣхъ поръ, пока этотъ правительственный доходъ правильно доставлялся въ казну, — заминдаръ былъ полновластнымъ господиномъ въ своей территоріи, облеченнымъ гражданскими и военными полномочіями.

Въ половинѣ XVIII ст. (1765) собираніе доходовъ съ Бенгаліи перешло въ руки юной остъ-индской компаніи. Въ началѣ англичане собирали доходы черезъ посредство туземныхъ коллекторовъ. Заморскіе торгаши не умѣли предстать въ роли администраторовъ обширной и малоизвѣстной имъ страны, и они положились на искуство туземцевъ; но вскорѣ выяснилось, что таковая система не выгодна для кампаніи; назначены были надсмотрщики надъ коллекторами; надсмотрщики изъ англичанъ были немногочисленны и болѣе или менѣе люди новые въ странѣ, незнакомые ни съ характеромъ народа, ни съ его обычаями; коллекторы, разгадавъ это весьма скоро, естественно стали ихъ обманывать самымъ наглымъ и безнаказаннымъ образомъ. Дѣла компаніи шли вслѣдствіе этого не блестяще; доходы собирались плохо. Такой неудовлетворительный порядокъ дѣлъ продолжался до В. Гастингса. Съ 1772 года англичане въ Индіи перестаютъ

быть исключительно торговцами и впервые являются мощными правителями обширной восточной имперіи.

Но и при В. Гастингсѣ дѣла по поземельному доходу не улучшались. Первыя административныя попытки англичанъ были весьма неудачны. Мусульмане знали страну и народъ и, соображаясь съ обстоятельствами, предъявляли свои требованія. Они запрашивали быть можетъ гораздо больше, нежели англичане, но и дѣлали скидку, когда видѣли, что земиндаръ не могъ дѣйствительно выплатить всего требуемаго съ него. Зная хорошо настоящее положеніе каждаго земиндарства, они конечно не могли быть обмануты. Послѣдняго знанія недоставало англичанамъ, и къ тому же они приступили къ дѣлу съ европейскими идеями; среди населенія восточнаго, живщаго иными традиціями, они искали такого же точнаго соблюденія обязанностей, какъ у себя, въ Англіи; не зная хорошо страны въ частностяхъ, они иногда запрашивали слишкомъ много: земиндаръ отказывался платить, и за тѣмъ слѣдовали разныя строгости и даже жестокости; земиндары, не выплатившіе налога, отсылались въ Калькутту, заключались подъ стражу; ихъ земиндарства продавались съ аукціона и переходили въ руки людей новыхъ, не связанныхъ ни какими преданіями, никакою привязанностью съ помѣстьями. Райи оттого жилось не лучше; новый земиндаръ щадилъ его меньше прежняго, уже въ силу одного желанія избѣжать участи своего предшественника. Хотя со временъ В. Гастингса англичане перестаютъ быть исключительно купцами, но не съ разу привыкли они къ новой роли правителей и по прежнему заботились о своихъ торговыхъ выгодахъ болѣе, нежели о пользѣ народа, управлять которымъ были призваны.

При мусульманскихъ правителяхъ всѣ гражданскія дѣла рѣшались рѣдко въ судахъ, которыхъ было немного, и только по центральнымъ пунктамъ управленія. По деревнямъ

судъ и расправу творили земиндары или же *мірскіе* суды т. е. панчаяты, существующіе понынѣ, разрѣшали по совѣсти и на основаніи обычаевъ споры между земледѣльцами. До 1772 англичане не брали на себя судебной администраціи; но въ этомъ году они стали заводить гражданскіе суды, и коллекторы были облечены судебною властью. При этомъ главною обязанностью коллектора также, какъ главною цѣлью Остъ-Индской компаніи, по прежнему оставалось собираніе доходовъ. При многообразныхъ и весьма трудныхъ своихъ обязанностяхъ коллекторъ могъ удѣлять весьма мало времени для отправленія должности судьи. Суды хотя были заведены, но на самомъ дѣлѣ въ странѣ царила полная анархія; несчастные, привлеченные въ судъ, годы ждали рѣшенія. Дѣла уголовныя не подлежали вѣдѣнію англичанъ: ихъ долженъ былъ разрѣшать набобъ, бравшіи за это по трактату 1765 г. 360,000 ф. ст. и весьма мало заботившійся о правильномъ выполненіи своихъ обязанностей. Такъ продолжалось до 1790, когда уголовная администрація перешла также въ вѣдѣніе чиновниковъ Остъ-Индской компаніи.

Конецъ XVIII ст., или начало британскаго господства въ Индіи, былъ временемъ тяжкимъ для всей страны. Горсть чужеземцевъ, овладѣвъ обширною страною, нашла, что всѣ ея учрежденія, какъ соціальныя, такъ и политическія, не нравятся ей и не могутъ быть ею терпимы; пришлецы не задумались разрушать все это, имъ не любезное и не понятное, но вмѣстѣ съ тѣмъ они не умѣли воздвигнуть новаго зданія на мѣстѣ стараго, частью расшатаннаго, частью сломаннаго. До прихода англичанъ въ странѣ былъ судъ; англичанамъ онъ не понравился, и они отняли у земиндаровъ судебную власть и присвоили ее себѣ, но вскорѣ же должны были сами убѣдиться въ томъ. что для всякаго дѣла мало однихъ добрыхъ намѣреній. нужно еще и знаніе. Юные чиновники

компаніи плохо или даже совсѣмъ незнакомые съ страною, вполнѣ не разумѣвшіе или полупонимавшіе народную рѣчь, явились творить справедливый судъ; ихъ окружили толпы пройдохъ, необходимыхъ посредниковъ между заморскимъ судьею и ему непонятнымъ туземцемъ. Справедливый судъ сталъ вещью продажною; и самый честный судья, вполнѣ сознавая зло, не умѣлъ и не былъ въ силахъ пресѣчь его. Разбои, упадокъ торговли и промышленности, развитіе бѣдности все это слѣдовало за водвореніемъ англичанъ, какъ правителей Бенгаліи.

Такой порядокъ дѣлъ среди всякаго другого народа непремѣнно привелъ бы къ насильственному перевороту; но бенгальцы, неэнергичные и кроткіе, выдержали пассивно тяжелыя времена чужеземнаго господства.

Не нужно однакоже думать, что чужеземная власть въ заботахъ о своей выгодѣ и пользѣ, не желала бы въ то же время добра опекаемому населенію. Нѣкоторыя изъ мѣропріятій, задуманныя В. Гастинсомъ, ясно указываютъ, что онъ имѣлъ въ виду улучшить бытъ сельскаго населенія, защитить его отъ притѣсненій и вымогательствъ земиндаровъ. Но ему не суждено было привести въ исполненіе своихъ плановъ. За В. Гастингсомъ слѣдовалъ лордъ Корнваллисъ. Лордъ Корнваллисъ, говорятъ, былъ человѣкъ великодушный и мягкосердечный: онъ сильно и искренно возмущался, когда ему описывали положеніе бенгальскаго райи, но традиціи англійскаго аристократа и совершенное незнаніе страны заставили его сдѣлать ошибку по нынѣ неисправленную англичанами и врядъ ли поправимую.

Англичане, задумавъ поправить финансовое положеніе страны, увеличить доходы компаніи и улучшить бытъ земледѣльческихъ классовъ, пришли къ вопросу: кому принадлежитъ земля въ Индіи?

Люди, которымъ пришлось рѣшать этотъ вопросъ путемъ законодательныхъ мѣръ, были или владѣтели помѣстій въ Англіи, или знакомые съ дѣтства съ одною англійскою формою землевладѣнія; ни тѣмъ, ни другимъ не приходило въ голову, что кромѣ имъ знакомыхъ формъ землевладѣнія могутъ быть и другія, совершенно отличныя; что землевладѣніе въ Индіи, не имѣетъ ничего сходнаго съ англійскою системою землевладѣнія. Не догадываясь объ этой, въ настоящее время всѣмъ ясной, простой истинѣ, они стали отыскивать въ Индіи землевладѣтеля на англійскій образецъ, и плохо понимая условія мѣстной жизни и будучи совершенно не знакомы съ прошедшими судьбами народа, остановились на *земиндаръ.*

Вопросъ о томъ, кому въ Индіи принадлежитъ земля, разсматриваемый съ исторической точки зрѣнія, полонъ большихъ трудностей и едва-ли можетъ по нынѣ считаться вполнѣ разрѣшеннымъ. Индійскіе туземные законодатели разрѣшаютъ его не одинаково; они говорятъ, что царь есть безусловный владыка земли, и въ то же время утверждаютъ, что земля принадлежитъ тому, кто срубилъ лѣсъ, кто вспахалъ и засѣялъ ее.

При мусульманахъ земля считалась собственностью правительства; земиндары были только сборщиками податей, хотя и полновластными господами въ своихъ земиндарствахъ; но субадары Бенгаліи были еще сильнѣе земиндаровъ и имѣли право изгонять земиндаровъ изъ ихъ территоріи, лишать ихъ должности сборщиковъ податей, заключать ихъ въ темницу. Безъ сомнѣнія многіе изъ земиндаровъ принадлежали къ мѣстной аристократіи, были людьми вліятельными въ своихъ мѣстностяхъ, но имъ ли принадлежала земля тѣхъ земиндарствъ, во главѣ которыхъ они поставлены были субадарами Бенгаліи—вопросъ объ этомъ принадлежалъ къ числу

трудно разрѣшимыхъ для людей не предубѣжденныхъ. И такіе люди были около лорда Корнваллиса, главнаго творца Permanent Settlement'a 1793.

Аристократическія предубѣжденія англійскаго лорда преодолѣли однакоже всѣ представленія, и право собственности было признано проконсуломъ торговой компаніи не за земледѣльцами, которымъ оно могло также принадлежать, а за притѣснителями послѣднихъ, и при этомъ выражалось наивное убѣжденіе, что вѣковые притѣснители земледѣльца, ставъ еще сильнѣе и безнаказаннѣе, перестанутъ угнетать райю, оказавшагося еще безпомощнѣе по новому законоположенію. Права райи лордъ Корнваллисъ забылъ оградить. Уже при Акбарѣ его министръ Тодаръ Малъ думалъ о томъ, какъ защитить сираго земледѣльца отъ притѣсненія; на той же мысли останавливался В. Гастингсъ. Но лордъ Корнваллисъ уничтожилъ даже то малое, что было сдѣлано послѣднимъ, и всѣ свои заботы обратилъ на то, чтобы создать въ Бенгаліи нѣчто, подобное англійской аристократіи.

Едва ли на страницахъ исторіи Индіи найдется много примѣровъ такой крупной, вопіющей несправедливости, подобно содѣянной человѣкомъ благонамѣреннымъ и гуманнымъ, но предубѣжденнымъ и незнакомымъ съ условіями той среды, въ которой онъ призванъ былъ дѣйствовать; и зло, явившееся какъ необходимое послѣдствіе ложнаго разрѣшенія вопроса, не уничтожено до сихъ поръ. До сихъ поръ англичанамъ приходится бороться съ неправдою, созданною законоположеніемъ 1793.

Притѣсненія земиндаровъ не прекратились до нашихъ дней; антогонизмъ между райей и земиндаромъ съ годами возросъ. Пространство воздѣлываемой земли увеличилось, но земледѣлецъ не сталъ богаче; обѣднѣлъ и созданный ино-

странною властью классъ праздныхъ земиндаровъ; не смотря на всѣ усилія западныхъ цивилизаторовъ, и райя, и земиндаръ не стали цивилизованнѣе.

Ошибки и неправда законоположенія 1793 были очевидны, и въ скоромъ времени они были сознаны весьма многими какъ въ Индіи, такъ и въ Англіи. Въ непогрѣшимость Permanent Settlement'а хотѣли вѣрить и дѣйствительно вѣрили только проконсулы торгашей изъ Leadenhall street. За лордомъ Корнваллисомъ слѣдовали сэръ Джонъ Шоръ. Сэръ Д. Шоръ былъ противникомъ мѣропріятія своего предшественника въ то время, когда эти мѣропріятія обсуждались въ генералъ-губернаторскомъ совѣтѣ; назначенный на мѣсто лорда Корнваллиса генералъ-губернаторомъ, сэръ Дж. Шоръ успѣлъ однакоже сдѣлать весьма мало для огражденія правъ райи. Онъ опредѣлилъ, въ какихъ именно судахъ должны были разбираться споры между земиндаромъ и райей и по поводу поземельной платы указалъ, на основаніи какихъ существующихъ цѣнъ эта плата, должна была опредѣляться; къ сожалѣнію, слишкомъ черезъ пятьдесятъ лѣтъ, уже въ половинѣ настоящаго столѣтія англичане сами открыли, что такихъ существующихъ цѣнъ на землю, могущихъ быть мѣркою для требованія земиндара, въ странѣ нѣтъ. За Шоромъ слѣдовалъ лордъ Уеллеслей, державшійся по отношенію къ тому же вопросу радикально противоположной политики. Во время его правленія территорія остъ-индской компаніи значительно расширилась; то было время войнъ съ Майсоромъ и Махратами,—эпоха захвата, присоединенія и безпокойнаго вмѣшательства во внутреннія дѣла независимыхъ владѣній. Среди этихъ крупныхъ дѣяній у правительства не было досуга много заботиться о райѣ, и всѣ узаконенія за это время имѣли въ виду не столько защитить земледѣльца отъ притѣсненіи земиндара, сколько поддержать авторитетъ

послѣдняго. Правительство въ виду множества споровъ, возникшихъ между раййями и ихъ заминдарами, пришло къ заключенію, что земледѣльцы, обращаясь въ судъ и находя тамъ часто защиту, причиняютъ землевладѣльцу нескончаемыя безпокойства, вовлекаютъ его въ процессы и заставляютъ доказывать тѣ изъ его правъ, которыя уже признаны правительствомъ и не должны бы были подлежать никакому спору или сомнѣнію. Словомъ— всѣ симпатіи главы правительства были на сторонѣ заминдара, а не райи. При слѣдующемъ вице-королѣ подумывали распространить законоположеніе лорда Корнвалиса на всѣ вновь захваченныя территоріи; но, благодаря оппозиціи и протестамъ тѣхъ изъ чиновниковъ остъ-индской компаніи, которые сталкивались лицомъ къ лицу съ земледѣльческимъ населеніемъ, эта мѣра была оставлена правительствомъ. Съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе выяснялось тяжелое положеніе земледѣльца, и правительство вынуждено было рядомъ законодательныхъ мѣръ защитить ихъ отъ притѣсненій заминдаровъ. При этомъ не обходилось безъ крупныхъ ошибокъ; нѣкоторыя законоположенія, введенныя съ гуманною цѣлью защитить райю, на самомъ дѣлѣ ухудшали его положеніе. Когда эти ошибки обнаруживались, правительство обыкновенно находилось въ великомъ затрудненіи: при искреннемъ желаніи оградить райю отъ обидъ оно не знало, какъ это сдѣлать, ибо въ то же время не желало ограничивать правъ заминдаровъ; между тѣмъ заминдары далеко не процвѣтали. Обширныя заминдарства вслѣдствіе долговъ и дурного управленія дробились; недоборъ правительственнаго поземельнаго дохода повторялся ежегодно, за этимъ слѣдовала продажа заминдарства съ аукціона; въ десять лѣтъ, начиная съ 1793 г., большинство владѣній перешло въ другія руки. Правительство, весьма естественно, радѣя о своихъ доходахъ, вскорѣ послѣ 1793 г. постаралось рядомъ узако-

ненiй обезпечить правильность ихъ сбора и даровало обширныя права земиндарамъ. Земиндаръ въ силу законовъ 1799 и 1812 гг. имѣлъ надъ райею неограниченную власть; онъ могъ заключать его въ темницу, произвольно возвышать цѣну за его участокъ, отбирать его собственность въ случаѣ не уплаты послѣднимъ аренды. И при всемъ томъ окончательнымъ результатомъ законоположенія 1793 г. и послѣдующихъ мѣропріятій, оффиціально засвидѣтельствованнымъ въ 1872—73 г., не былъ созданъ классъ крупныхъ и богатыхъ землевладѣльцевъ; напротивъ, въ настоящее время извѣстно, что въ Бенгаліи количество помѣстій значительно увеличилось и большинство ихъ не превышаетъ 500 акровъ. Помѣстій, имѣющихъ 20,000 акровъ и болѣе, сравнительно очень немного. Дробленіе большихъ и малыхъ помѣстій главнымъ образомъ, хотя и не исключительно, было необходимымъ слѣдствіемъ вынужденной продажи за недоимки и долги. По оффиціальнымъ даннымъ извѣстно, что за послѣднія десять лѣтъ ежегодно продается до семи сотъ помѣстій (686) и съ 1793 г. почти всѣ помѣстья перешли въ новыя руки.

Можно сказать безъ преувеличенія, что до правленія лорда Кэннинга ничего существеннаго не было сдѣлано въ огражденіе интересовъ земледѣльца; всѣми было признано, что положеніе его тяжело; правительство постоянно думало, какъ улучшить это положеніе, и если всѣ его мѣропріятія не достигали своей цѣли, то этотъ печальный результатъ его стараній нужно объяснять главнымъ образомъ плохимъ знакомствомъ чужеземныхъ правителей съ управляемою страною. Правительство заботилось едва ли не исключительно о „правѣ собственности“, совершенно превратно понятомъ, и, уничтоживъ прежнія отношенія между земиндаромъ и райею, на самомъ дѣлѣ не создало новыхъ, не оградило сторону слабѣйшую отъ произвола сильнѣйшей, предоставивъ самой слабѣй-

шей сторонѣ позаботиться о своихъ нуждахъ и правахъ. Во всякой другой странѣ такое законоположеніе, отдавшее во власть одного класса массу населенія, вызвало бы оппозицію среди закрѣпленнаго въ рабство населенія, но въ Бенгаліи среди населенія мягкаго, въ продолженіи столѣтія угнетаемаго, ничего подобнаго не случилось и не могло случиться до тѣхъ поръ, пока само законодательство не позаботилось о созданіи среди земледѣльческаго населенія оппозиціи заминдарамъ.

Важнѣйшимъ законодательнымъ актомъ послѣ законоположенія 1793 г. нужно считать act X. 1859 г.; въ этомъ актѣ нельзя не видѣть стремленія существенно измѣнить положеніе земледѣльца. Правительство открыто заявило, что оно серьезно желаетъ улучшить положеніе райи, даровать ему свободу и независимость, чего онъ до тѣхъ поръ не имѣлъ, опредѣлить его права и ограничить власть заминдаровъ.

Законоположеніемъ 1859 впервые создавались и ясно опредѣлялись взаимныя права и обязанности заминдара и райи. Правительство признало три разряда земледѣльцевъ:

1. Райи, занимающіе однѣ и тѣже участки земли со времени законоположенія 1793 (Permanent Settlement).

2. Райи, занимавшіе однѣ и тѣ же участки земли въ продолженіи двѣнадцати лѣтъ и болѣе.

3. Райи, занимавшіе участки земли въ продолженіи болѣе краткаго времени. Плата за участки земель земледѣльцевъ перваго разряда не можетъ быть увеличена; плата за участки второго разряда можетъ быть увеличена, на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) если будетъ доказано, что плата эта ниже существующихъ цѣнъ, 2) если производительность земли увеличилась помимо стараній райи, 3) если будетъ выяснено, что райя пользуется на самомъ дѣлѣ участкомъ большимъ противъ того, за который платитъ. Третій классъ райевъ, самый

многочисленный оставался въ полной зависимости земиндаровъ. Относительно ихъ земиндаръ не былъ стѣсненъ новымъ законоположеніемъ. Онъ могъ по прежнему запрашивать за землю все, что ему угодно, и сгонять ихъ съ участковъ по своему произволу; тогда какъ первые два разряда земледѣльцевъ до тѣхъ поръ, пока они платятъ исправно за свои участки, не могутъ быть изгнаны земиндаромъ.

Законодательною мѣрою 1859 года, если даже отношенія земледѣльца и земиндара неопредѣлялись окончательно, то получали законченный характеръ; дальнѣйшему законодательству предстояло разрѣшать уже частные вопросы, касательно сбора—поземельной аренды, ея возвышенія и множество другихъ составляющихъ индійское право собственности.

Не нужно думать, чтобы законодательный актъ 1859 года, нѣсколько измѣненный въ 1869, вполнѣ разрѣшалъ всѣ трудности, созданныя ошибочною мѣрою лорда Корнваллиса. Въ настоящее время какъ кажется имъ недовольны какъ райи, такъ и земиндары. Ихъ интересы радикально расходятся на одномъ пунктѣ, именно по вопросу о возвышеніи ренты. Второй разрядъ райевъ, о которомъ сейчасъ было говорено, со времени законодательной мѣры 1869 значительно увеличился; но отношенія между земиндаромъ и его арендаторами не улучшились за послѣдніе годы; споры по поводу возвышенія ренты продолжаютъ возникать. Законъ, оградивъ райю отъ произвола, даровалъ однакоже земиндару право возвышать ренту въ извѣстныхъ условіяхъ; условія эти были поименованы выше; одно изъ нихъ изложено законодательствомъ въ такихъ общихъ выраженіяхъ, что можетъ всегда подавать поводъ къ распрямъ между заинтересованными сторонами; доказать, что производительность земли возвысилась помимо стараній райи или не на счетъ затратъ его капитала, не всегда легко. Съ другой стороны вывозъ земледѣльческихъ продуктовъ возрос-

шій въ послѣдніе годы, значительно поднялъ на нихъ цѣну, и само собою разумѣется земиндару желательно имѣть свою долю въ этой прибыли; онъ находитъ кромѣ того, что законодательство даетъ ему возможность облечь свои требованія въ законную форму.

Отсюда проистекаютъ многочисленные споры и пререканія между земиндарами и райями. Послѣдніе сдѣлали нѣкотораго рода стачку между собою и образовали капиталъ взаимнаго вспомоществованія для веденія судебныхъ процессовъ противъ земиндаровъ. Но кромѣ того ежегодно повторяются частые безпорядки; въ 1875 въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они достигли довольно значительныхъ размѣровъ.

Финансовое положеніе земледѣльца далеко не блестяще: большая часть бенгальскихъ райевъ въ долгу или у мѣстныхъ деревенскихъ банкировъ махажановъ, или у своихъ-же земиндаровъ. Райя платитъ тому или другому отъ $37^1/_2$ процентовъ до 50. Долги дѣлаются частью для покупки скота и земледѣльческихъ орудій, частью райя бываетъ вовлеченъ въ нихъ судебными издержками или затратами на свадьбу, которыя въ Индіи для всякаго класса, даже бѣднѣйшаго, довольно значительны.

Въ 1876 году правительство признало благоразумнымъ окончательно регулировать повышеніе ренты, иными словами оно задумало рѣшить вопросъ о томъ, по скольку рента можетъ быть возвышена безъ ущерба для райи. Признано было за правило, что рента платимая третьимъ разрядомъ земледѣльцевъ (см. выше) представляетъ рыночную цѣну и эта рента, съ уступкою 20 или 25 процентовъ, можетъ быть потребована отъ втораго разряда райи, получившаго извѣстные права на землю. Или-же правительство полагало, что рента должна составлять отъ 15 до 25 процентовъ валового

дохода съ земли. Въ такомъ смыслѣ былъ внесенъ билль въ законодательный совѣтъ.

4.

Черезъ сорокъ лѣтъ послѣ того, какъ доходы съ Бенгаліи стали собственностью остъ-индской компаніи, и черезъ двѣнадцать лѣтъ по введеніи Permanent Settlement въ Бенгаліи, Бихарѣ и Ориссѣ территорія сѣверо-западныхъ провинцій была также пріобрѣтена тою же компаніей.

Здѣсь англичане нашли другія формы землевладѣнія, изучая которыя они вскорѣ убѣдились, что Permanent Settlement было громадною ошибкою.

Формы землевладѣнія въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ гораздо разнообразнѣе, нежели въ Бенгаліи. Нѣкоторыя изъ этихъ формъ—новѣйшаго происхожденія, другія существовали за долго до появленія англичанъ въ Индіи.

Въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ бенгальскимъ заминдарамъ соотвѣтствуютъ талукдары. Талукдары—двоякаго происхожденія: нѣкоторые изъ нихъ суть потомки военачальниковъ или другихъ лицъ, занимавшихъ высокіе посты въ древности. Другіе были въ началѣ только сборщиками податей и затѣмъ мало по малу, въ періодъ упадка мусульманскаго владычества, пріобрѣли наслѣдственныя права на землю. Права эти никогда не были точно опредѣлены и въ разныхъ частяхъ сѣверо-западныхъ провинцій были не одинаковы.

Иногда талукдаръ, считая себя наслѣдственнымъ посредникомъ между правительствомъ и заминдаромъ, не имѣлъ притязаній на поземельную собственность. Онъ допускалъ, что заминдаръ занимаетъ землю съ незапамятныхъ временъ и имѣетъ полное право по желанію дарить, продавать и закладывать свою землю.

Бывали случаи, однакоже, когда талукдары считали себя полными собственниками земли въ силу продажи или залога сдѣланныхъ въ ихъ пользу первоначальными земиндарами.

Ошибку, сдѣланную въ Бенгаліи англичане не повторили въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ.

Чиновникамъ, которымъ было поручено дѣло Settlement'а, въ то же время сдѣлано было предписаніе точно разслѣдовать, кто владѣетъ землею деревни: талукдаръ, или на землю имѣютъ наслѣдственныя права и другія лица? Въ первомъ случаѣ Settlement заключался съ талукдарами, во-второмъ съ деревенскими земиндарами, а талукдаръ получалъ только часть изъ сбора доходовъ, обыкновенно $22^1/_2\%$.

Англичане нашли въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ сельскую общину въ полномъ процвѣтаніи: Settlement дѣлались не со всѣми земиндарами членами общины, каковыхъ было много, а съ однимъ изъ нихъ, который уже являлся лицомъ отвѣтственнымъ за сборъ поземельныхъ доходовъ. Лицо это получило названіе Sádr-malguzar, т. е. главнаго плательщика доходовъ, или Lumberdar передѣланное изъ англійскаго слова number „число". Остальные земиндары называются *Pattidâr*. Правительственный сборъ развертывался между всѣми паттидарами и община была отвѣтственна за неисправнаго плательщика.

Бхаячара, или братчина, есть форма землевладѣнія, сходная съ сейчасъ описанною. Особенности ея будутъ указаны въ слѣдующей главѣ.

Кадастрація такъ называемыхъ нынѣ North West Provinces была окончательно завершена при императорѣ Акбарѣ. Опредѣлены были точныя границы каждой деревни, измѣрены были земли обработываемыя и пустующія; земли были подраздѣлены по качеству почвы на разряды: вычислена была за десять лѣтъ средняя производительность зе-

мель каждаго разряда, и одна треть валового дохода считалась рентою. Отвѣтственнымъ лицомъ за правильную уплату ренты правительству, по законоположенію Акбара, была сельская община, а не отдѣльный земледѣлецъ.

Англичане, овладѣвъ сѣверо-западными провинціями и наученные опытомъ въ Бенгаліи, не сразу ввели здѣсь Permanent Settlement. Этому законоположенію предшествовало нѣсколько временныхъ мѣръ до 1842; права различныхъ сельскихъ общинъ и формы землевладѣнія тщательно были обслѣдованы и затѣмъ уже было введено законоположеніе 1842 на тридцать лѣтъ. Признано было за правило, что двѣ трети ренты составляютъ государственный поземельный доходъ. Одна треть ренты и всѣ будущія приращенія дохода съ земли составляли собственность владѣтеля. Такъ какъ Акбаръ бралъ всю ренту, какъ собственность правительства, англичане же ограничились двумя третями, то въ этомъ отношеніи ихъ система поземельнаго дохода была облегченіемъ для земледѣльцевъ и землевладѣтелей. Отвѣтственнымъ лицомъ за правильность уплаты поземельнаго дохода они признали не только сельскую общину, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и другихъ собственниковъ, когда таковые доказали свои права на поземельную собственность.

По новому законоположенію, чрезъ тридцать лѣтъ, правительство понизило свои требованія до половины ренты; но при этомъ тщательно было изслѣдовано, насколько вообще рента возвысилась вслѣдствіе конкурренціи, возвышенія цѣнъ на продукты и законоположенія 1859 (act. X), о которомъ было выше сказано.

Кромѣ сейчасъ поименованныхъ главныхъ формъ землевладѣнія въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ есть еще нѣсколько другихъ формъ различнаго происхожденія. Формы эти носятъ различныя названія въ разныхъ частяхъ страны.

Онѣ образовались частью вслѣдствіе купли или родства съ коренными владѣтелями. Или-же коренной владѣтель подъ гнетомъ необходимости утрачивалъ часть своихъ правъ на землю, передавая ихъ новому на разныхъ условіяхъ. Въ силу всѣхъ этихъ обстоятельствъ, образовался цѣлый классъ особаго рода владѣтелей; отъ этого класса развился еще слѣдующій, находящійся въ зависимости отъ него и получившій начало подобно предъидущему въ силу тѣхъ-же обстоятельствъ. Развитіе формъ землевладѣнія не остановилось на этомъ классѣ и пошло еще дальше.

Нѣкоторыя изъ этихъ формъ землевладѣнія наслѣдственны и могутъ быть передаваемы отъ одного лица другому. Люди, близко знакомые съ поземельнымъ вопросомъ въ Индіи, признаютъ, что почти всюду, особенно же въ Аудѣ, въ центральныхъ и сѣверо-западныхъ провинціяхъ, въ настоящее время совершается въ громадныхъ размѣрахъ переходъ поземельной собственности изъ однихъ рукъ въ другія. Старинныя богатыя фамиліи, коренные владѣтели поземельной собственности, или вынуждены бываютъ лишаться ее черезъ продажу и другія сдѣлки, или же находятся въ крайне затруднительномъ положеніи. Въ Индіи образовался цѣлый классъ ех-владѣтелей, созданный англійскими мѣропріятіями.

Обыкновенно выставляется двѣ причины этому явленію: поземельный налогъ и способы его сбиранія.

Въ старые годы, до англичанъ, правительственный поземельный доходъ собирался, напр. въ Аудѣ, такимъ образомъ: доходъ этотъ опредѣлялся ежегодно передъ осеннею жатвою и отъ землевладѣльцевъ отбиралось письменное обязательство въ уплатѣ; передъ весеннею жатвою доходъ этотъ подлежалъ новому пересмотру: онъ увеличивался, уменьшался или оставался въ тѣхъ же размѣрахъ, смотря по тому, что̀ обѣщалъ предстоящій урожай.

Землевладѣлецъ могъ и не соглашаться на требованія правительства, въ такомъ случаѣ его деревня отдавалась на откупъ.

Если землевладѣлецъ соглашался на требованія правительства и подписывалъ договоръ, онъ долженъ былъ, кромѣ того, доставить правительству надежное ручательство въ томъ, что дѣйствительно уплотитъ все, что съ него требовалось. Поруку брали на себя или тѣже оффиціальные сборщики податей, банкиры, или же сосѣдніе крупные землевладѣльцы.

Поручитель въ случаѣ неуплаты землевладѣльцемъ правительственнаго налога платилъ за него и имѣлъ право заключить его въ темницу, гдѣ несостоятельный должникъ содержался до тѣхъ поръ, пока не выплачивалъ своего долга. Случалось, что несостоятельный должникъ, во избѣжаніе заключенія, убѣгалъ изъ своихъ владѣній; тогда поручитель овладѣвалъ его собственностью и собиралъ доходъ съ нея.

Если у землевладѣльца не было поручителей и онъ оказывался несостоятельнымъ, тогда правительственные сборщики податей сами расправлялись съ нимъ. Въ его помѣстье посылался отрядъ войска съ полномочіями собирать невыплаченный правительственный доходъ. Отрядъ этотъ являлся въ деревню, изгонялъ оттуда собственника и собиралъ съ земледѣльцевъ все, что могъ. Если послѣдніе оказывали сопротивленіе, солдаты жгли дома, угоняли скотъ и забирали всю движимую собственность.

На слѣдующій годъ деревня стояла необитаемою: собственники прятались по лѣсамъ; поля оставались необработанными. Естественнымъ слѣдствіемъ такого положенія дѣла было уменьшеніе правительственнаго дохода, а потому правительство черезъ своихъ сборщиковъ шло на сдѣлку: собственники вызывались назадъ и имъ обѣщалось пониженіе налога. Они возвращались, земля же въ этотъ промежутокъ

времени отдохнувъ нѣсколько, доставляла хорошій урожай и, деревня черезъ нѣкоторое время становилась вновь цвѣтущею.

Обѣ стороны, землевладѣлецъ и сборщикъ податей, извлекали изъ этой экзекуціи на будущее время полезный практическій совѣтъ: одна сторона т. е. землевладѣлецъ становился болѣе аккуратенъ въ своихъ платежахъ, сборщикъ же податей убѣждался на самомъ дѣлѣ, что радикальныя мѣры имѣютъ свои неудобства.

Система туземнаго сбора правительственнаго дохода имѣла свои хорошія стороны; размѣръ налога опредѣлялся сообразно съ тѣмъ, что обѣщалъ предстоящій доходъ; запущенная недоплата налога прощалась, если полная несостоятельность была доказана. Близость лѣса и опасность уменьшенія правительственныхъ доходовъ сдерживали чрезмѣрное усердіе сборщиковъ налога.

Англійская система сбора правительственнаго дохода не имѣетъ конечно и отдаленнаго сходства съ сейчасъ описанною; она гораздо мягче, но тѣмъ не менѣе она оказывается не легкою для землевладѣльцевъ. Туземнаго землевладѣльца особенно пугаетъ эта неуклонность, съ которою налогъ сбирается, и тѣ грустныя, но неизбѣжныя послѣдствія, которыя предстоятъ для того, кто бы не заплатилъ вполнѣ или отчасти налогъ. Въ прежнее время несостоятельный собственникъ спасался въ лѣсъ, страдалъ отъ вымогательствъ и притѣсненій сборщиковъ податей, но въ концѣ концовъ онъ не лишался своей собственности и возвращался въ свои владѣнія такимъ же хозяиномъ, какимъ былъ до погрома. А теперь, при болѣе мягкой, но послѣдовательной и строгой системѣ, онъ при малѣйшей неаккуратности въ уплатѣ налога можетъ лишиться всего своего достоянія. Свою неаккуратность же землевладѣлецъ готовъ объяснить цѣлымъ рядомъ причинъ, совершенно разумныхъ съ его точки зрѣнія.

Онъ говоритъ напр., что болѣе половины того что самъ получаетъ онъ отдаетъ правительству. Налогъ былъ установленъ англичанами сообразно съ предполагаемымъ его доходомъ; а этотъ предполагаемый доходъ гораздо выше его настоящаго. Settlement Officers не берутъ въ разсчетъ пустующей земли, неурожая, потравы посѣвовъ дикими звѣрями, убытковъ отъ наводненій и т. п.; и съ другой стороны различаютъ такія качества земли, которыя неизвѣстны народу; не берутъ въ разсчетъ того, что землевладѣлецъ землю одного и того же качества сдаетъ гораздо дешевле наемщикамъ высшихъ кастъ, нежели низшихъ, получаетъ весьма часто свою ренту продуктами и при этомъ терпитъ убытки, каковые игнорируются правительствомъ.

При устройствѣ поземельнаго вопроса въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ англичане едва ли не впали въ ошибку, совершенно противуположную той которую они сдѣлали въ Бенгаліи: въ Бенгаліи всѣ права земледѣльцевъ были пожертвованы для созданія класса крупныхъ землевладѣльцевъ: въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ, желая поддержать сельскую общину и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже создать ее, они весьма часто игнорировали права талукдаровъ.

Этотъ фактъ вполнѣ раскрылся во время возстанія 1857 г. Во многихъ мѣстахъ, гдѣ права талукдаровъ на деревни были отвергнуты и уничтожены англичанами, сузерентство талукдара совершенно добровольно было признано сельчанами во время возстанія, когда авторитетъ англійскихъ властей не регулировалъ болѣе отношеній сельчанъ къ талукдару. Изъ этого факта очевидно вытекало, что сельчане признавали свои права подчиненными правамъ талукдара, и что талукдарство есть форма землевладѣнія очень древняя, туземная и любимая въ странѣ. Открытіе это не осталось безъ вліянія на послѣдующія мѣропріятія правительства.

Заканчивая эти отрывочныя замѣтки о томъ, какъ англичане дѣйствовали въ Индіи по поземельнымъ вопросамъ, я долженъ еще сказать, что поземельный доходъ есть главный источникъ индійскихъ доходовъ и не многимъ менѣе половины всей суммы доходовъ. При такой финансовой важности поземельнаго вопроса, весьма естественно ожидать, что онъ постоянно обращалъ на себя вниманіе всѣхъ законодателей Индіи; дѣйствительно поземельный вопросъ съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ Британская Индія, такъ или иначе постоянно волнуетъ умы громаднаго большинства туземнаго населенія, и до нынѣ не перестаетъ доставлять не мало хлопотъ и заботъ англичанамъ.

5.

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о послѣднемъ отдѣлѣ англійскихъ узаконеній, выше названныхъ смѣшанными. Большая часть этихъ узаконеній имѣетъ въ виду областныхъ чиновниковъ. Правительство путемъ законодательныхъ мѣръ хотѣло даровать областнымъ чиновникамъ извѣстнаго рода права, необходимыя для администраціи края. При этомъ имѣлось въ виду также ограничить повторявшееся самоуправство.

Нежелая утомлять вниманія читателя перечисленіемъ различныхъ узаконеній, считаю не лишнимъ упомянуть, что часть англоиндійскихъ областей, напр. Пенжабъ, Аудъ, центральныя провинціи, Бирма и часть Бенгаліи носятъ названія *Non-regulation provinces*.

Первыя по времени бенгалскія *Regulations* имѣли силу закона въ части нижней Бенгаліи; по присоединеніи сѣверозападныхъ провинцій эти Regulations съ нѣкоторыми видоизмѣненіями были распространены и въ новой области. Съ теченіемъ времени они разрослись значительно и стали весьма

неудобны для тѣхъ областей, гдѣ было не много чиновниковъ, занимавшихъ весьма разнообразныя должности. Правительство находило сверхъ того, что изданныя имъ Regulations не всюду и не всегда соотвѣтствуютъ первобытному состоянію управляемаго общества. Когда какая-нибудь область становилась очень безпокойною, случалось весьма часто, что правительство объявляло ее *Non-regulation*, т. е. въ ней администрація могла обходится и дѣйствовать безъ *regulations*; областной чиновникъ становился самодержавнымъ въ своей области.

Въ настоящее время главное отличіе областей, именуемыхъ *Non-regulation provinces* состоитъ въ томъ, что тамъ все судопроизводство подчинено губернатору (Leutenant Governor) а не „Высшему суду“ (High Court), какъ въ остальныхъ провинціяхъ.

Когда въ 1849 г. былъ присоединенъ Пенжабъ, самособою возникъ вопросъ о томъ, какими законами слѣдуетъ руководствоваться при управленіи этой провинціи. Англичане по собственному сознанію, хотѣли имѣть мощную, энергическую, но дешовую администрацію и объявили Пенжабъ областью Non-regulation. Судебная власть и собираніе доходовъ были отданы въ руки немногочисленныхъ чиновниковъ. Индійское правительство, считая свою власть въ Пенжабѣ неограниченною, устроило тамъ *Board of Administration*, и передало ему свою неограниченную власть—какъ законодательную, такъ исполнительную.

Учрежденіе это (Board of Administration) состояло въ началѣ изъ трехъ лицъ: лорда Лауренса, сэра Генри Лауренса и г. Манселъ. Они управляли Пенжабомъ, сообразуясь съ обстоятельствами и руководясь своими понятіями о справедливости.

Лордъ Лауренсъ издалъ для Пенжаба кодексъ законовъ,

извѣстный подъ именемъ *Penjâb Civil Code*; книга эта содержитъ въ себѣ важнѣйшіе гражданскіе законы, гражданское и уголовное судопроизводство. Кромѣ того въ разное время и по различнымъ поводамъ были изданы многія другія узаконенія, имѣвшія силу закона. Обращено было вниманіе на правильное собираніе доходовъ и по этому поводу издано нѣсколько узаконеній для разныхъ частей страны. Хотя поземельный доходъ собирался по той-же системѣ, какъ въ сѣверозападныхъ провинціяхъ, но вообще Пенжабъ управлялся своими законами, изданными мѣстными чиновниками.

Съ теченіемъ времени однакоже въ средѣ самого англоиндійскаго правительства возникло сомнѣніе въ полной легальности такого рода администраціи, и въ 1861 г. правительство, давъ силу закона всѣмъ прошедшимъ узаконеніямъ мѣстнаго управленія, на будущее время запретило ему издавать таковыя.

Подобнымъ же образомъ управлялся Аудъ по присоединеніи этой области въ 1856 г., центральныя провинціи по образованіи изъ нихъ отдѣльнаго административнаго округа. Бирма и т. д.

Съ 1861 г. законы остальныхъ областей британской Индіи имѣли одинаковую силу и въ Non-regulation provinces, но кромѣ того каждая изъ послѣднихъ областей имѣла свои собственныя узаконенія; иными словами въ каждой изъ Non-regulation provinces были свои собственныя *regulations*, очень запутанныя и очень многочисленныя. Масса распоряженій. узаконеній имѣла своего рода практическія неудобства для управленія этими областями: неудобства эти были устранены въ началѣ семидесятыхъ годовъ, во время управленія лорда Мео рядомъ новыхъ законоположеній (act XXXIII 1870 и act IV 1872).

Къ настоящему отдѣлу узаконеній относятся кромѣ сей-

част названныхъ еще много другихъ, но я прохожу ихъ молчаніемъ, такъ какъ большинство ихъ не могутъ имѣть общаго интереса.

Уже въ предъидущей главѣ было упомянуто, что часть Индіи признается независимою и тамъ же было говорено объ отношеніяхъ британской власти къ туземнымъ владѣніямъ, здѣсь же въ заключеніе очерка англо-индійскаго управленія считаю не лишнимъ сказать объ устройствѣ департамента иностранныхъ дѣлъ, вѣдѣнію котораго подлежатъ сношенія съ туземными владѣніями.

Образованіе департамента иностранныхъ дѣлъ относится къ концу прошлаго столѣтія и до 1842 онъ носилъ названіе „департамента секретныхъ и политическихъ дѣлъ“ (Secret and Political Departement); съ самого начала своего существованія онъ раздѣлялся на три отдѣленія: 1) *секретное* отдѣленіе занималось войнами, переговорами и миссіями; 2) *политическое* отдѣленіе имѣло въ своемъ вѣдѣніи территоріи союзныхъ государствъ въ Индіи; 3) иностранное завѣдывало сношеніями остъ-индской компаніи съ азіатскими и европейскими державами.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ разросталась Британская имперія въ Индіи, количество дѣлъ по второму отдѣленію уменьшалось, сфера же дѣятельности третьяго увеличивалась.

Теперешнее устройство департамента иностранныхъ дѣлъ въ сущности весьма мало отличается отъ первоначальнаго и вѣдѣнію его подлежатъ:

Вопервыхъ, внутренняя администрація новоприсоединенныхъ провинцій. Когда туземное владѣніе присоединяется къ Британской имперіи, оно переходитъ въ вѣдѣніе департамента внутреннихъ дѣлъ, но нѣкоторыми частями администраціи по прежнему завѣдуетъ департаментъ иностранныхъ дѣлъ.

Вовторыхъ департаментъ иностранныхъ дѣлъ завѣдуетъ всѣми союзными или туземными владѣніями Индіи.

Наконецъ въ третьихъ его вѣдѣнію подлежатъ сношенія съ внѣшними государствами, напр.: съ Авганистаномъ, восточнымъ Туркестаномъ, Персидскимъ заливомъ, Занзибаромъ, Авою.

Сношенія съ этими государствами производятся черезъ мѣстныя управленія, ближайшія къ нимъ по географическому положенію. Такъ департаментъ иностранныхъ дѣлъ сносится съ Авганистаномъ, черезъ посредство пенжабскаго губернатора, съ Авою черезъ посредство Chief Commissioner британской Бирмы.

6.

Финансовое положеніе Индіи, о которомъ имѣются обстоятельныя и правдивыя оффиціальныя свѣдѣнія, можетъ быть предоставлено такъ: побѣды и присоединенія привели британскую власть къ слѣдующимъ результатамъ: подданныхъ ея британскаго величества считается въ Индіи 191.065,445, населеніе союзныхъ государствъ доходитъ до 50.325,457; годовой доходъ въ 1876 г. равнялся 51.310,063 фунт. стерл., а долгъ возросъ до 134.058,644 фунт. стерл.

Этотъ долгъ опредѣляетъ, чего стоило Индіи упроченіе вполнѣ британской власти. Происхожденіе долга троякое: часть его была сдѣлана въ старые годы при завоеваніяхъ; другая вызвана реорганизаціею имперіи послѣ возстанія 1857 г., и наконецъ остальная доля была истрачена на желѣзныя дороги, каналы и другія общественныя работы, т. е. на эти деньги были проведены въ Индіи дороги, построены желѣзныя дороги, покрывающія Индію на протяженіи около семи тысячъ миль (6,938); проведены были каналы въ предотвращеніе голода на большихъ пространствахъ, выстроены

были зданія судовъ и другія общественныя зданія, тюрьмы, казармы, госпитали, школы. Всего этого послѣдняго англичане не нашли въ странѣ, и должны были заводить съизнова.

Доходъ въ 1875—1876 г. доходилъ до 51.310,063. Главныя источники его суть слѣдующіе:

Поземельный сборъ	21.503,742	ф. ст.
Опіумъ.	8.471,125	„ „
Соль.	6.244,415	„ „
Акцизъ.	2.493,232	„ „
Таможни	2.721,389	„ „
Гербовая пошлина.	2.885,368	„ „

Расходы индійскаго правительства двоякаго рода: 1) уплачиваемые въ Индіи и 2) уплачиваемые въ Англіи. Первыя въ 1876 году достигали 44.008,789 ф. ст., вторые 9.902,958. Сумма всѣхъ расходовъ равнялась 53.911,747 ф. ст.

Весьма поучительно разсмотрѣніе нѣкоторыхъ рубрикъ этихъ расходовъ; такъ армія въ 1876 году стоила 15.308.460 ф. ст.

Уже выше было сказано, что въ Индіи собственно двѣ арміи: европейская (64,985) и туземная (125,123).

На жалованіе, пенсію, и т. д. обѣихъ армій истрачивается 7.226,030; и эта цифра дѣлится такъ:

64,985 выплачивается . . .	3.998,529	ф. ст.
125,123 выплачивается . . .	3.227,501	ф. ст.

Кромѣ того 24,575 ф. ст. истрачивается на Chaplains to the Army.

Расходы по администраціи въ 1876 году доходили до 1.697,365 ф. ст. Сумма эта распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Генералъ-губернаторъ получаетъ жалованія	25,080	ф. ст.
На содержаніе его штаба и дома	7,457	„ „
На большіе пріемы (Durbar Fund). . . .	12,000	„ „

Поѣздки генералъ-губернатора по Индіи ежегодно обходятся . . . . 27,864 „ „
Жалованіе членовъ верховнаго совѣта . . 38,824 „ „
Законодательный совѣтъ . . . . 15,930 „ „

Губернаторы (Leutenant Gouvernor) получаютъ такое содержаніе:

Бенгальскій: жалованія . . . . . 9,653 ф. ст.
На содержаніе штаба и дома . . . 2,568 „ „
На разъѣздъ. . . . . 4,349 „ „

Онъ стоитъ во главѣ цѣлаго управленія и все это включительно съ предъидущими цифрами обходится 169,458 ф. стерл.

Губернаторъ сѣверо-западныхъ провинцій получаетъ жалованія	9,535	ф. ст.
На содержаніе штаба и дома.	2,628	„ „
На разъѣзды	9,555	„ „
Все управленіе обходится.	120,678	„ „
Жалованіе пенжабскому губернатору .	9,600	„ „
На штабъ и домъ.	1,894	„ „
На разъѣзды.	6,802	„ „
Все управленіе включительно съ предъидущими цифрами обходится	110,318	„ „
Жалованіе мадраскому губернатору . .	12,800	„ „
На штабъ и домъ.	13,028	„ „
Все управленіе включительно съ предъидущими цифрами обходится.	127,091	„ „
Жалованіе бомбейскому губернатору. .	12,800	„ „
На содержаніе его штаба, дома и разъѣзды ассигнуется.	19,416	„ „
Все управленіе включительно съ предъидущими цифрами обходится.	163,330	„ „

Всѣ эти цифры взяты изъ East India (Finance and Revenue Accounts) 1876.

Commissioner'ы, т. е. завѣдывающіе отдѣльными областями, напр. Аудомъ, Центральными провинціями, Британскою Бирмою, Ассамомъ, получаютъ жалованія. . .	5,376 ф. ст.
и кромѣ того особыя разъѣздныя.	
На судебное вѣдомство въ 1876 году истрачивалось	2,336,477 „ „

И по этому вѣдомству встрѣчается таковое неравномѣрное распредѣленіе содержанія: большее жалованіе присвоено тому мѣсту, которое можетъ занимать англичанинъ, а не туземецъ.

Не лишено интереса также, что 161,724 ф. ст. индійскихъ денегъ истрачивается на англійское духовенство; изъ этихъ денегъ епископъ всей Индіи получаетъ одного жалованія.	4,598 ф. ст.
Мадраскій	2,560 „ „
Бомбейскій.	2,425 „ „

Между туземцами часто раздаются голоса, указывающіе, хотя и вотще, на незаконность послѣдней траты; болѣе умѣренные и просвѣщенные допускаютъ, что христіанство, конечно, принесло много пользы Индіи; но миссіонеры, потрудившіеся на пользу просвѣщенія индійскаго населенія, никогда не оплачивались за это англо-индійскимъ правительствомъ; изъ налоговъ же, падавшихъ на бѣдняковъ не христіанъ, шло жалованіе болѣе нежели хорошее, за воскресныя проповѣди исключительно англичанамъ.

Въ Индіи провинціальныя управленія и начальники отдѣльныхъ департаментовъ представляютъ элементъ иниціативы, секретаріатъ же—критическій элементъ правленія.

Начальникъ департамента ex-officio есть тотъ человѣкъ, который долженъ предлагать какія-либо нововведенія и улучшенія; то и другое по цѣли своей можетъ быть прекрасно и очень экономично, но въ то же время то и другое необходимо клонится къ увеличенію расходовъ. Это послѣднее обстоятельство и вызываетъ критическую дѣятельность секретаріата: задача секретаріата—разбить на части новый проектъ, отыскать и поставить кому слѣдуетъ на видъ его слабыя стороны, задержать его приведеніе въ исполненіе.

Примирителемъ двухъ враждебныхъ силъ является дѣятельность вице-короля. По каждому вопросу обѣ стороны должны высказать свои мнѣнія и привести надлежащія доказательства, спорные пункты должны быть выяснены,—и послѣ того вице-король высказываетъ свой рѣшающій приговоръ.

Индійскій бюджетъ незадолго до окончанія финансоваго года представляется въ законодательное собраніе и публикуется въ „*Gazette*". Бюджетъ состоитъ изъ трехъ частей. Въ первой части, именуемой *Actuals*, излагаются результаты, окончательно опредѣленные за предшествующій годъ. Во второй (Regular Estimate) приводятся результаты за текущій годъ, и въ третьей—предположительное исчисленіе доходовъ и расходовъ на слѣдующій годъ.

Не смотря на то, что предположительное вычисленіе доходовъ и расходовъ производится весьма старательно, рѣдкій годъ не оканчивается болѣе или менѣе значительнымъ дефицитомъ; и за десять лѣтъ 1867—1876 г. только два года составляютъ исключеніе: въ 1871 и 1872 г. не было дефицита.

Изъ пятидесяти пяти лѣтъ, начиная съ 1814—15 и оканчивая 1868—69 г., тридцать девять лѣтъ заключались дефицитомъ и шестнадцать составляли исключенія, и въ концѣ ихъ оказывался остатокъ. Но сумма остатковъ достигала толь-

ко $12^1/_2$ милліоновъ фунт. стерлинговъ; сумма же дефицита за тотъ же промежутокъ времени достигала $75^1/_2$ милліоновъ фунт. стерлинговъ. Возстаніе 1857 года увеличило долгъ Индіи на тридцать милліоновъ.

Причины этого хроническаго дефицита объясняются различно: говорятъ, что отчасти онъ является вслѣдствіе невозможности точно опредѣлить доходъ, напримѣръ, доходъ съ опіума, находящійся въ зависимости отъ состоянія иностраннаго рынка, или поземельный сборъ, постоянно колеблющійся и обусловлимаемый весьма малымъ измѣненіемъ въ количествѣ выпавшаго дождя; частью также дефицитъ есть непремѣнное слѣдствіе широкихъ затратъ на общественныя работы, армію и нѣкоторыя части гражданскаго управленія. Многіе члены провинціальнаго управленія позволяютъ себѣ смотрѣть на финансовый департаментъ, какъ на нѣчто совершенно отдѣльное и независимое отъ главнаго управленія и враждебное всякому преуспѣянію въ Индіи; отсюда являются попытки чрезмѣрныхъ смѣтъ и упорное отстаиваніе ихъ.

По главною причиною того, что англичане не съумѣли до сихъ поръ сводить въ Индіи концы съ концами, нужно считать ихъ преобладающую цѣль: задача, которую они пытаются разрѣшить, повторяется во всѣхъ отрасляхъ ихъ управленія. Они хотятъ завести въ Индіи такую же администрацію, такіе же суды, тюрьмы, школы, пути сообщенія и т. д. —все то, что есть въ Англіи и притомъ такого же качества. Но въ Англіи все это заведено на налоги, доходящіе до 48 ш. 3 пенсовъ съ головы, а въ Индіи они не превышаютъ 3 ш. 4 пенсовъ. И всякое возвышеніе налоговъ, какихъ бы то ни было, опасно въ Индіи: туземецъ не понимаетъ разницы между налогомъ муниципальнымъ, провинціальнымъ или имперскимъ. Для него всякій налогъ тяжелъ и ненавистенъ: онъ видитъ въ немъ зло, исходящее отъ британскаго прави-

тельства, и готовъ думать, что его гроши идутъ исключительно на нужды англичанъ.

Исторія индійскихъ финансовъ, различныхъ мѣропріятій послѣдовательныхъ генералъ-губернаторовъ весьма назидательна, но изложеніе ея мы считаемъ неумѣстнымъ въ настоящей книгѣ очерковъ.

Считаемъ не лишнимъ, однакоже, упомянуть о двухъ источникахъ англо-индійскихъ доходовъ: одинъ, подоходный налогъ, недавно уничтоженъ; другой, налогъ на соль, судя по газетамъ, въ нынѣшнемъ году возвышенъ.

Послѣ возстанія 1857 г. индійскіе финансы были сильно потрясены.

Въ 1860 году былъ введенъ въ первый разъ подоходный налогъ (income tax); это мѣропріятіе не вызвало сначала большой оппозиціи въ англо-индійскомъ обществѣ; опасности, недавно пережитыя, громадныя затраты на дѣло усмиренія, какъ бы приготовили индійскихъ капиталистовъ къ безропотному принесенію жертвъ, и введеніе подоходнаго налога въ 4% не вызвало даже большого шума: налогъ былъ принятъ, какъ неминуемое зло. Но какъ только индійскіе финансы пришли въ лучшее состояніе, такъ стали раздаваться голоса противъ income tax. Противъ этого налога были люди, занимающіе высоко-оффиціальное положеніе. И въ первыя же пять лѣтъ по введеніи налогъ былъ пониженъ до 2% и затѣмъ совершенно уничтоженъ.

Вновь введенъ этотъ налогъ былъ лордомъ Мэо и тогда же онъ былъ пониженъ до 1%; затѣмъ, однакоже, опять повышенъ до 2½%; въ слѣдующемъ финансовомъ году 1870—71 онъ дошелъ до 3⅛%, но въ 1871—72 г. онъ былъ опять пониженъ, а при лордѣ Нортбрукѣ налогъ былъ вновь уничтоженъ. На малые доходы этотъ налогъ не падалъ, но тѣмъ не менѣе онъ былъ во все время своего существованія тя-

желъ для индійскаго бѣднѣйшаго населенія. По показанію самихъ англійскихъ чиновниковъ, онъ падалъ на меньшинство состоятельное и былъ источникомъ разнаго рода тяжелыхъ притѣсненій для значительнаго большинства бѣдняковъ, которые должны были давать взятки для того, чтобы ихъ имена не попадали въ списки лицъ, подлежащихъ налогу. Высказывалось предположеніе, что сумма выплачиваемаго какъ income tax правительству равнялась суммѣ вынужденныхъ взятокъ.

Одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ индійскихъ доходовъ доставляется налогомъ на соль. Въ послѣднемъ году (1875—76) онъ принесъ казнѣ 6.244,415 ф. ст. Налогъ этотъ падаетъ главнымъ образомъ на массы народа, и въ защиту его обыкновенно приводятъ одно соображеніе: народъ привыкъ къ этой тяготѣ и несетъ ее безсознательно и безропотно; но никто изъ англичанъ не станетъ отрицать, что налогъ на соль, падая на бѣднѣйшее населеніе, можетъ быть терпимъ, какъ необходимое зло, но ни какъ оправдываемъ потому только, что народъ не противится ему.

———

VI.

Матхура и Вишнуиты.

1.

Матхура, „городъ боговъ“, былъ извѣстенъ уже Птоломею, но не онъ конечно его прозвалъ такимъ именемъ. Матхура и въ туземныхъ источникахъ именуется „градомъ божьихъ сыновъ“.

И назывался городъ такъ, потому что имъ владѣли индо-скиоскіе цари, титуловавшіе себя „сынами боговъ“. Городъ лежитъ на берегу рѣки Ямуны между Делги и Агрою, двумя блестящими столицами бывшихъ мусульманскихъ властителей Индіи. Агра и Делги съ своею прошлою славой, о которой свидѣтельствуютъ понынѣ ихъ мраморные дворцы, мечети, гробницы, совершенно затмѣваютъ небольшой городокъ. Индія въ нашъ вѣкъ, изъ конца въ конецъ перехваченная желѣзными дорогами, и соединенная съ центрами европейской культуры телеграфами и пароходами, перестала быть въ глазахъ большинства романтическою страною великаго Могола: она слишкомъ близка къ Европѣ, слишкомъ доступна и не волнуетъ фантазіи современнаго человѣка. Но кто хочетъ видѣть сказочный востокъ, Индію тысячи и одной ночи, тотъ пусть ѣдетъ въ Агру или въ Делги:

здѣсь развалины, разбросанныя на пространствѣ десятковъ миль, мавзолеи, оставленныя мечети, разграбленные дворцы наглядно перескажутъ ему фантастическую повѣсть о томъ, какъ жили великіе Моголы въ Индіи; нигдѣ онъ не увидитъ такой гробницы, какъ Тажъ, такого дворца, какъ агрскій, такой мечети, какъ моти-мечеть. Въ Индіи нѣтъ архитектурнаго памятника, такъ часто описывавшагося, какъ Тажъ: онъ смѣренъ, разобранъ и описанъ по частямъ; съ него снятъ планъ въ цѣломъ. Многочисленные рисунки и фотографіи сдѣлали его очертанія общеизвѣстными.

Но лучшія, вѣрнѣйшія описанія и фотографіи подготовляютъ къ впечатлѣнію производимому Тажомъ въ дѣйствительности также мало, какъ недостаточны цифры, показывающія чего онъ стоилъ, для полнаго выясненія, почему онъ кажется всѣмъ, кто его видѣлъ, столь привлекательнымъ.

Гробница строилась семнадцать лѣтъ и на ея постройку было затрачено около двухъ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Она вся изъ мрамора; ея стѣны выложены драгоцѣнными каменьями, а врата—какъ кружева сквозныя.

Если бы кто, не зная, что тутъ, на берегу широкой рѣки, среди роскошнаго сада подъ сводомъ покоится прахъ Мумтажъ-и-Махалы, въ ясную лунную ночь бросилъ бы взглядъ на эти простыя очертанія мраморнаго купола, бѣлѣющаго среди густой зелени, на башни и минареты облитые луннымъ свѣтомъ, и кругомъ на кущи пальмъ, длинныя аллеи, высоко бьющіе фонтаны, на кусты розъ, отовсюду льющіе благоуханія, навѣрное ему показалось бы, что передъ нимъ не гробница, а волшебный замокъ какой нибудь пэри.

Таково дѣйствительно созданіе Шахъ-Жехана. Великому Моголу точно хотѣлось воздвигнуть чертогъ обожаемой женщины, а не гробницу супруги.

Въ этой красѣ Мавзолея, женственной и неуловимой, ска-

зался вполнѣ человѣкъ, любившій женскую красу до опьяненія, мужъ сотни женъ и любовникъ своей дочери, рожденной отъ той же самой Мумтажъ-и-Махалы, которую онъ безумно любилъ при жизни и такъ роскошно почтилъ по смерти, воздвигнувъ надъ ея прахомъ волшебный чертогъ, полный чарующей прелести, гдѣ точно нѣтъ мѣста плачу и скорби, а все напоминаетъ вѣчный праздникъ беззаботной, безпечальной жизни.

Съ какой бы стороны вы не смотрѣли на Делги или Агру, предъ вами открывается цѣлый лѣсъ куполовъ и минаретовъ, бѣлыхъ и красныхъ, среди зелени никогда не исчезающей въ Индіи. Делги была столицею мусульманъ въ продолженіи шестисотъ пятидесяти лѣтъ; и здѣсь же у гробницы хумаюна были перестрѣлены англичанами въ 1857 году, послѣдніе отпрыски великаго Могола.

На пространствѣ сорока пяти миль во всѣ стороны отъ новаго города Делги разсѣяны примѣчательности; изобиліе и изящество этихъ памятниковъ обыкновенно на столько поглощаютъ вниманіе путешественника, что о Матхурѣ, городѣ древне-индусскомъ, который мусульмане разрушали и грабили, но не обстраивали, совершенно забывается. Онъ оригиналенъ, но не блестящъ, не поражаетъ фантазіи, лежитъ въ сторонѣ, до послѣдняго времени не связанъ былъ желѣзною дорогою съ Делги и Агрою, и вотъ почему его объѣзжаютъ.

1.

Делги и Агра связаны желѣзною дорогой. Отъ станціи Хатрасъ идетъ боковая линія въ Матхуру. Линія эта была открыта только въ 1875 году. Я ѣхалъ въ Матхуру черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ началось движеніе по новой линіи. Нашъ поѣздъ тронулся со станціи Хатрасъ: все въ немъ было оригинально; открытые пассажирскіе вагоны, по-

добные тѣмъ, въ которыхъ возятъ кладь и дрова; пестрая и шумная толпа пассажировъ, исключительно состоящая изъ туземцевъ, индійцевъ: уже при отправленіи поѣзда ихъ было гораздо болѣе, нежели мѣстъ въ вагонахъ: многимъ пришлось стоять, и они безропотно покорялись своей участи; всѣ были довольны и радостны; говоръ, смѣхъ и крики не умолкали во весь переѣздъ, длившійся часа три съ половиною. Въ вагонахъ стояли и сидѣли жители со всѣхъ концовъ Индіи; тутъ были представители всякой страны; изъ Гузерата, Бомбея, Декана, Бенгаліи и т. д.; отовсюду ѣхали поклонники бога Кришны, игриваго любовника многочисленныхъ пастушекъ. Мы двигались медленно, подолгу стояли на каждомъ полустанкѣ, повсюду забирали новыхъ пассажировъ. Мы стояли иногда, поджидая пассажировъ, даже замедляли ходъ въ виду опоздавшихъ.

Путь выстроенъ почти безъ всякихъ уклоненій прямо отъ востока на западъ и пролегаетъ по тѣнистой аллеѣ, которая, впрочемъ, не защищала насъ отъ ѣдкой пыли, столбами подымавшейся при малѣйшемъ вѣтрѣ. Мы ѣхали по мѣстности, воспѣтой древними индійскими поэтами, въ октябрѣ, когда въ Индіи даже песчаныя равнины зеленѣютъ, но и въ это время страна не казалась роскошно одаренною природою; деревни, у которыхъ приходилось останавливаться, издали казались очень грязными; вблизи, говорятъ, они еще грязнѣе. Большинство деревенскаго населенія — жаты и гужары. Около Матхуры общинное владѣніе землею сохранилось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ полной силѣ; оно называется здѣсь особымъ терминомъ bhayâcari, что въ приблизительно точномъ переводѣ значитъ: „братскій обычай“ или „братчина“. Но рядомъ съ общиннымъ землевладѣніемъ есть и земиндарства. Увѣряютъ, что деревни, въ которыхъ удержалась *братчина*

процвѣтаютъ болѣе нежели тѣ, въ которыхъ земли принадлежатъ одному владѣльцу.

На видъ, дѣйствительно, деревни съ общиннымъ землевладѣніемъ гораздо красивѣе земиндарскихъ; онѣ легко узнаваемы по обилію зелени, окружающему ихъ поля. Отдѣльные участки обсажены различными, большею частью быстро растущими деревами. Дерева эти хотя и рубятся, но тотчасъ же послѣ этого насаживаются новыя; зелень и тѣнь по полямъ вокругъ деревни служатъ почти всегда вѣрнымъ признакомъ того, что здѣсь не властвуетъ земиндаръ или его повѣренный.

Въ земиндарскихъ деревняхъ хозяева по большей части не живутъ; повѣренный же владѣтеля заботится только о скоромъ и какъ можно большемъ доходѣ. Лѣса и всякія дерева рубятся и не подсаживаются ни хозяиномъ, ни его арендаторами; послѣдніе не заботятся объ этомъ, такъ какъ не имѣютъ права пользоваться ни лѣсомъ вообще, ни даже кустомъ отдѣльнымъ; хозяинъ же, какой нибудь случайно разбогатѣвшій купецъ или даже ростовщикъ, совершенно не печется о пользѣ своихъ арендаторовъ или о пріумноженіи производительныхъ силъ въ своемъ помѣстьѣ. Его цѣль вернуть поскорѣе затраченный капиталъ, и какъ только онъ выжалъ весь сокъ изъ земли, онъ съ легкимъ сердцемъ разстается съ помѣстьемъ, доставшимся ему за недорогую цѣну.

Деревни, въ которыхъ существуетъ *братчина*, дѣлятся на тхоки, которыя подраздѣляются на бехри; земледѣлецъ вноситъ свою часть поземельнаго налога бехривару; бехриваръ, собравъ всѣ части со всѣхъ земледѣльцевъ своего бехри, передаетъ всю сумму *тхокедару;* тхокедаръ, собравъ налогъ со всѣхъ бехри, передаетъ его лумбердару.

Лумбердаръ, какъ уже выше было указано, есть тотъ со-

владѣтель, который былъ избранъ правительствомъ какъ лицо отвѣтственное за правильный сборъ налога. Названіе это произошло отъ англійскаго слова *number*. Случается, что въ одной деревнѣ нѣсколько лумбердаровъ.

Если какой нибудь землевладѣлецъ окажется несостоятельнымъ при сборѣ налога, *бехриварь* не уплоченную долю раскладываетъ на всѣхъ членовъ своего *бехри;* также точно поступаетъ *тхокедаръ* при несостоятельности *бехри* и невыплаченное раскладывается на весь *тхокъ*.

Первоначальные совладѣтели, одной деревни, обыкновенно производятъ себя отъ одного предка, основателя деревни, и принадлежатъ одной кастѣ; землею надѣляется каждый членъ общины, то есть, каждый житель деревни есть въ то же время землевладѣлецъ. Ежегодно они производятъ частнымъ образомъ, для себя разверстку налога; такъ какъ количество обработанной земли съ теченіемъ времени измѣняется по тхокамъ и бехри; въ иныхъ оно возросло, въ другихъ уменьшилось, то отъ времени до времени производится новая разверстка участковъ. По противъ этого обычая очень часто въ деревнѣ образуется оппозиція; весьма естественно, что тѣ, которые увеличили количество обработанной земли, не желаютъ передавать плоды своихъ трудовъ менѣе трудолюбивымъ односельчанамъ. По закону (act XIX 1873) коллекторъ имѣетъ право сдѣлать обязательнымъ для деревни передѣлъ, если давнее существованіе этого обычая въ той мѣстности будетъ доказано.

Первоначально для обработки земель деревни совершенно достаточно было рукъ коренныхъ совладѣтелей, потомковъ основателя деревни; когда количество обработанной земли возросло, коренные совладѣтели стали призывать на помощь чужихъ и въ деревнѣ образовалось два разряда землевладѣльцевъ: *кгудкаштъ* т. е. живущихъ въ самой деревнѣ. и

пайкашть, иначе пришлыхъ изъ по сосѣдству. Нѣкоторые изъ послѣднихъ куплею пріобрѣли себѣ участки въ общинѣ; но община сохранила за собою право противиться и не допускать вступленія новыхъ членовъ.

Поѣздъ остановился мили за полторы отъ города, такъ какъ настоящаго моста на Ямунѣ не успѣли еще выстроить, то перекинутъ былъ временной деревянный. Городъ тянется мили на полторы по правому берегу рѣки; видъ его съ мосту очень красивъ и оригиналенъ, онъ расположенъ на нѣкоторомъ возвышеніи; вдоль берега тянутся остатки бывшаго форта, и рядъ ступеней (ghât) спускается къ рѣкѣ; кромѣ минаретовъ мечети Жама, изъ всей массы строеній не выдается ни одна башня, ни верхушка храма; отсутствіе этихъ обыкновенныхъ украшеній индійскихъ городовъ придаетъ виду Матхуры нѣкоторую своеобразность. Внутри она еще болѣе отличается отъ всѣхъ индійскихъ городовъ; правда, и въ Матхурѣ множество храмовъ и часовенъ; но ни тѣ, ни другіе не поражаютъ такъ, какъ необыкновенно опрятныя и прекрасно вымощенныя улицы города. Всюду такая чистота, какую рѣдко увидишь въ индійскихъ городахъ, и какой нѣтъ даже въ Жайпурѣ, славящемся правильнымъ построеніемъ и широкими улицами.

Матхура—городъ древній: уже во времена Птоломея о немъ слыхивали на западѣ: но въ этомъ древнемъ городѣ все ново; онъ даже стоитъ на новомъ мѣстѣ и рѣка измѣнила нѣсколько свое теченіе; дома, храмы и идолы въ храмахъ, все здѣсь ново и все какъ-то блеститъ и сіяетъ новизной: улицы подметены и гладки, какъ полъ; дома выкрашены заново и разукрашены изящною рѣзьбою по камню; этимъ искусствомъ Матхура по нынѣ славится. Не смотря на эту видимую новизну, у города есть свое длинное прошлое. Когда заговариваешь объ исторіи какого нибудь индій-

скаго города или человѣка, то невольно приходитъ на память слѣдующій анекдотъ, слышанный мною въ Бенаресѣ: ража Судаманура въ Катхіяварѣ искалъ руки дочери царицы Удайпурской. Дѣло стало идти на ладъ, и царица потребовала отъ искателя его родословную. Ража въ свою очередь потребовалъ свою родословную отъ придворныхъ пѣвцовъ; извѣстно, что у каждаго ражи есть придворный бардъ, воспѣвающій его родъ, его самого и его дѣянія. Какъ ни старались пѣвцы судаманурскаго ражи, болѣе десяти поколѣній они не могли отыскать въ своей памяти; для аристократической невѣсты такой родословной было мало, и ража настаивалъ на томъ, что пѣвцы должны припомнить большее число его предковъ; а пѣвцы не знали, что̀ и начать. Выискался наконецъ пѣвецъ мудрый и уладилъ все дѣло: доложилъ этотъ пѣвецъ ражѣ: „Молился я Деви (то-есть, богинѣ); семь дней постился, ни ѣлъ, ни пилъ, и въ осьмой день во снѣ явилась мнѣ богиня и открыла, что родъ твой, царь, происходитъ отъ Ханумана (богъ-обезьяна). Хануманъ, отправляясь въ Цейлонъ, летѣлъ черезъ океанъ и сильно вспотѣлъ: одна изъ священныхъ капель упала въ воду и была проглочена морскимъ чудовищемъ. Отъ этого чудовища родился ребенокъ съ хвостомъ, родоначальникъ судамапурскихъ князей. И всѣ предки твои были съ хвостами; твой родъ лишился этого украшенія только въ послѣднія, грѣховныя времена!“ Судамапурскій ража остался доволенъ такою генеалогіей, наградилъ мудраго пѣвца и послалъ свою генеалогію къ невѣстѣ. Но, увы, царица Удайпурская отклонила исканія, приказавъ сказать судамапурскому ражѣ, что Удайпурскія царевны не выдаются за потомковъ обезьяны и аллигатора.—Подобная миѳическая исторія есть и у города Матхуры; любой богомолецъ, явившійся сюда, знаетъ ее твердо, ибо онъ пришелъ сюда за тѣмъ,

чтобы побывать и помолиться во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ богъ Кришна родился, игралъ, отличался, наслаждался съ женами, побѣждалъ враговъ и т. д. Другой исторіи города онъ или не знаетъ, или не признаетъ; даже мѣстные ученые изъ туземцевъ не помнятъ иной исторіи своего города. А между тѣмъ у города было другое прошлое, дѣйствительно историческое, и о немъ мы начинаемъ по немногу узнавать, откапывая вещественные памятники древности въ курганахъ, ближайшихъ къ городу. Разсматривая находимыя здѣсь статуи, надписи, монеты въ связи съ извѣстіями буддійскихъ легендъ и китайскихъ путешественниковъ, мы можемъ сдѣлать нѣсколько болѣе или менѣе точныхъ выводовъ относительно древней исторіи Матхуры.

Не подлежитъ сомнѣнію, что уже въ III вѣкѣ до Р. Х. Матхура была городомъ большимъ и цвѣтущимъ; городъ и тогда былъ расположенъ на берегу рѣки Ямуны; но Ямуна текла нѣсколько западнѣе. Имъ владѣли въ различныя времена Греки, Индо-Скиѳы и какіе-то Сатрапы съ туземными и индійскими именами. Въ этотъ періодъ иноземнаго владычества въ городѣ процвѣтали буддизмъ и сходное ученіе жайновъ. Еще въ VII вѣкѣ по Р. Х. рядомъ съ брахманизмомъ здѣсь держался буддизмъ. Затѣмъ о Матхурѣ мы ничего не знаемъ до завоеванія города мусульманами (XI в.). Издревле Матхура была городомъ торговымъ и имѣла водяное сообщеніе съ Паталипутрой, или нынѣшнею Патной. Сюда купцы съ сѣвера пригоняли табуны лошадей на продажу; какъ въ городѣ большомъ и торговомъ, въ Матхурѣ жилось, вѣроятно, весело. Буддійскія легенды повѣствуютъ о матхурскихъ красавицахъ, за дорогую цѣну продававшихъ свои чары, а одна жайнская легенда разсказываетъ, что встарь, въ Матхурѣ въ октябрѣ праздновалось какое-то событіе и бывалъ въ это время постъ, но справлялся онъ очень оригинально: въ ночь полнолунія

Матхурскій царь, собравъ съ собою всѣхъ своихъ и чужихъ женъ, отправлялся изъ города поститься въ лѣсъ: мужья же забранныхъ и уведенныхъ женъ не смѣли выходить изъ городу.

Въ 1836 году въ Матхурѣ была сдѣлана первая находка древности; находка эта тотчасъ же была описана и по счастью уцѣлѣла до нынѣ въ Матхурѣ, въ саду у коллектора. Найдена была здѣсь плита изъ песчаника съ рельефными изображеніями; на той и другой сторонѣ плиты представлены сцены, которыхъ теперь не встрѣчаешь въ Индіи, но онѣ могли имѣть мѣсто и весьма часто повторяться въ городѣ торговомъ, куда прихаживали иностранцы съ сѣвера, гдѣ владѣли и Греки, и Индо-Скиѳы. На лицевой сторонѣ изображенъ пьяный человѣкъ; онъ полулежитъ на низенькомъ сѣдалищѣ: съ одной стороны его поддерживаетъ женская фигура, съ другой — юноша; двѣ маленькія фигуры поддерживаютъ его снизу, за колѣна. Опьяненіе выражено съ большою точностью и, сказываясь во всѣхъ деталяхъ, производитъ очень цѣлостное впечатлѣніе: вы видите, какъ будто гуляка сейчасъ упадетъ: голова поникла, губы отвисли, изъ окоченѣвшихъ рукъ выпала чаша и валяется тутъ-же, у ногъ. По костюму этотъ гуляка Индіецъ. На оборотной сторонѣ изображена цѣлая сцена—гулянка въ лѣсу: подъ тѣнью деревъ расположены четыре фигуры: двѣ женщины и двое мужчинъ, а у ногъ ихъ стоятъ чаши. И тутъ намѣреніе артиста было изобразить попойку въ началѣ: всѣ еще держатся на ногахъ. Фигуры какъ мужчинъ, такъ и женщинъ изображены въ индійскихъ костюмахъ. Ученый Принсепъ, описывавшій эту находку, предполагалъ, что плита греческой работы, и что на ея лицевой сторонѣ изображенъ Силенъ; предположеніе совершенно невѣроятно. Индійцы, вообще народъ трезвый и умѣренный въ наши дни, не были всегда таковымъ; они пивали и даже воспѣли въ Махабхаратѣ, какъ ихъ боги и святые мудрецы

упивались на богомольяхъ. Въ Индіи былъ даже „винный праздникъ“ (surâchana), когда мужчины и женщины не считали грѣхомъ упиваться. Индійцы имѣютъ свои сказанія о происхожденіи крѣпкихъ напитковъ. А потому, такъ какъ здѣсь изображены люди въ тѣхъ же костюмахъ, въ которые Индійцы одѣваются понынѣ, то всего вѣроятнѣе предположить, что на плитѣ изображена праздничная сцена изъ индійской жизни и представлены Индійцы. Гораздо труднѣе опредѣлить, какое было назначеніе этой плиты. Невѣроятно, чтобъ ею украшался храмъ или какая-нибудь ступа: она помѣщалась, конечно, въ частномъ домѣ, можетъ быть даже въ домѣ, гдѣ продавались крѣпкіе напитки, и куда сходились пировать; здѣсь она могла составлять часть ограды вокругъ веранды или же стоять у входа, на подобіе нашихъ вывѣсокъ.

Въ настоящее время только часть древностей, найденныхъ въ Матхурѣ, находится на мѣстѣ и собрана въ саду у коллектора. Многія изъ находокъ вывезены въ Агрскій музей, другія собраны въ Аллахабадскомъ музеѣ и даже въ Калькуттскомъ; къ востоку и юго-востоку отъ города находится нѣсколько кургановъ, не одинаковой величины: въ нихъ-то и были найдены матхурскія древности, подробно описанныя Кеннингэмомъ и Гроузомъ (Growse). Хотя число найденныхъ здѣсь древностей не велико, но многія изъ надписей на пьедесталахъ очень важны, не смотря на свою краткость, а нѣкоторыя изъ статуй отличаются изяществомъ, что̀ и заставило Кеннингэма считать эти статуи за греческія произведенія, напримѣръ, статую, названную имъ: dancing girl. Предположеніе это, также какъ и Принсепово о Силенѣ, осталось не доказаннымъ. Танцовщица изображена съ необыкновеннымъ изяществомъ и хотя въ позѣ, нѣсколько напоминающей позу Венеры Милосской, но съ индійскими украшеніями на головѣ

и рукахъ и у пояса. Это одна изъ тѣхъ небесныхъ плясуней, о которыхъ такъ много говорится въ буддійскихъ „видѣніяхъ неба“; онѣ плясали не на землѣ, а на небѣ въ грандіозныхъ чертогахъ, разукрашенныхъ высокими башнями и хрустальными колоннами,—въ тѣхъ чертогахъ, гдѣ подъ звуки не умолкающей музыки блаженствовали по смерти добродѣтельные люди. Изображенія такихъ танцовщицъ-богинь ставились буддистами у дверей храмовъ и у вратъ оградъ кругомъ ступы.

Изъ надписей на пьедесталахъ *) мы узнаемъ, что уже въ послѣднія столѣтія до Р. Х., въ эпоху владычества Индо-Скиѳовъ, въ Матхурѣ рядомъ съ буддистами жили и Жайны; этими несомнѣнными данными подтверждаются извѣстія какъ буддійскихъ, такъ и жайнскихъ легендъ, и доказывается существованіе жайнской секты въ эпоху, близкую съ началомъ распаденія буддійской общины на нѣсколько враждебныхъ другъ другу сектъ. Въ одной жайнской географіи или точнѣе „Описаніи святынь“, о Матхурѣ, говорится, какъ о городѣ святомъ для Жайновъ; здѣсь, кромѣ нѣсколькихъ священныхъ изображеній, секта имѣла священное древо Kalpadruma и необыкновенно великую ступу. Ступа была такъ великолѣпна и роскошна, что еретики, не жайны, буддисты и брахманы называли ее своею; но ступа была жайнскою и украшалась громадною статуей жайнскаго святого. О существованіи громадныхъ статуй въ Матхурѣ мы узнаемъ изъ раскопокъ Чаубарскаго кургана, гдѣ найдены были: голова 14 вершковъ въ длину; ступня, большой палецъ, который имѣетъ 8 вершковъ въ длину; ладонь футъ въ длину. Жайны, нынѣ въ Индіи повсюду называемыя сарауги (отъ скр. сравака, слушатель), немногочисленны въ Матхурѣ. Этои

*) Найденныхъ въ Kankali Tila къ юго-западу отъ города, на мѣстѣ бывшаго жайнскаго монастыря.

секты главнымъ образомъ держится каста купеческая (банья). Ихъ религіозныя процессіи и голые идолы составляютъ предметъ отвращенія для правовѣрныхъ Индусовъ, и въ Делги брахманы добились того, что правительство запретило Жайнамъ религіозныя процессіи; это запрещеніе сильно взволновало всю жайнскую общину: составился адресъ, который и былъ поданъ deputy commissioner'у. Требуя отмѣны запрещенія, Жайны приводятъ въ доказательство законности своей просьбы подлинныя слова манифеста королевы отъ 1-го ноября 1858 года, въ которомъ между прочимъ сказано: „We declare it to be our Royal will and pleasure, that none be in anywise favored, none molested, or disquieted by reason of their religious faith or observances, but that all shall alike enjoy the *equal* and *impartial protection of the Law*“. Далѣе просители говорятъ, что процессіи имъ не запрещены ни въ Бенаресѣ, ни въ Гаѣ, гдѣ брахманическій элементъ гораздо сильнѣе, нежели въ Делги, и даже дозволены въ независимыхъ владѣніяхъ, „гдѣ законъ и порядокъ едва утверждены“ (where law and order are scarcely established). Адресъ, написанный такъ убѣдительно, былъ поданъ въ февралѣ 1875 года, но еще въ октябрѣ того же года запрещеніе не было отмѣнено, и Жайны въ Делги сильно пріуныли.

Это столкновеніе двухъ сектъ въ XIX вѣкѣ есть слабое подражаніе длинному ряду столкновеній, раздоровъ, преній, повторявшихся между буддистами и Жайнами, или между тѣми и другими съ одной стороны и брахманами съ другой. О Жайнахъ буддійскія легенды говорятъ часто и всегда враждебно относятся къ этимъ еретикамъ, называя ихъ различными именами: голыми, „безъ узъ“, то-есть безъ одѣяній. Называя противниковъ такими именами, буддисты имѣли въ виду самую выдающуюся внѣшнюю особенность жайнской

секты. Жайны учатъ: „Нагота всѣмъ людямъ присуща... нага рождается душа; нага уходитъ она въ другое бытіе. Не тотъ нагъ, кто хотя и раздѣтъ, но въ покровъ нравственности облаченъ; кто безнравственъ и одѣтъ, тотъ нагъ!“ Въ британской Индіи нагіе Жайны не встрѣчаются, но и до сихъ поръ жайнскіе монахи (изъ секты Дигамбары) вкушаютъ ѣду, хотя бы даже въ чужомъ домѣ и на глазахъ у многихъ, не иначе какъ совершенно раздѣвшись и освободившись отъ всякихъ покрововъ. За исключеніемъ этой особенности Жайны очень схожи съ буддистами, которыхъ они впрочемъ сильно презираютъ и увѣряютъ, что буддисты ѣдятъ всякаго рода мясо, что̀, конечно, справедливо только относительно непальскихъ. Въ своихъ преданіяхъ и монашескихъ учрежденіяхъ Жайны имѣютъ много общаго съ буддистами. Жайнскій монахъ въ своемъ красномъ плащѣ съ виду совершенно схожъ съ цейлонскимъ бикшу въ желтой чиварѣ. Но Жайны нетерпимы и скрытны, чего никакъ нельзя сказать о южныхъ буддистахъ. Имѣя много общаго съ буддистами, Жайны въ то же время не составляли одного цѣлаго съ буддійскою общиной: въ началѣ, въ древности различія между двумя сектами не могли быть многочисленны или значительны, но ихъ было однако совершенно достаточно для нарушенія взаимнаго согласія между ними. Обѣ стороны одинаково свидѣтельствуютъ, что разладъ и вражда существовали въ старь между ними. Этотъ разладъ, имѣвшій нѣкогда весьма печальныя послѣдствія для той или другой стороны, начинался иногда съ дѣтскихъ выходокъ. Въ Паталипутрѣ (то-есть, въ нынѣшней Патнѣ) во время царя Асоки было много буддистовъ, а также и еретиковъ, расхаживавшихъ всюду нагими, не брившихъ волосъ, а выдергивавшихъ ихъ, пившихъ воду изъ пригоршни и не употреблявшихъ никакихъ сосудовъ. Эти еретики, то-есть, Жайны,

овладѣли разъ статуей Будды и повергли ее къ ногамъ статуи, изображавшей ихъ учителя. Буддисты, узнавъ объ этомъ, взволновались и подняли крикъ; донесли о святотатствѣ царю: Асока, покровительствовавшій буддистамъ, воздвигъ гоненіе на еретиковъ; онъ оцѣнилъ голову Жайна въ динаръ, и произошло великое избіеніе еретиковъ. Такъ разказывается легенда буддистами; съ своей стороны, Жайны также не умалчиваютъ о притѣсненіяхъ буддистовъ. Объ одномъ гоненіи разсказываетъ Хемачандра въ своей исторіи жайнскихъ патріарховъ: въ городѣ Жахапури въ одно время жило много какъ буддистовъ, такъ и Жайновъ. Царь покровительствовалъ буддистамъ, и Жайны были въ загонѣ; но этого было мало буддистамъ, и они захотѣли помѣшать Жайнамъ совершать служеніе. Такъ какъ при всякомъ богослуженіи необходимы цвѣты, то буддисты уговорили цвѣточниковъ возвысить цѣну на цвѣты; Жайны были богаты и покупали цвѣты, не смотря на высокую цѣну. Тутъ въ дѣло вмѣшался царь и запретилъ продавать цвѣты Жайнамъ. Раздоры между буддистами и Жайнами, случавшіеся въ другихъ городахъ, весьма естественно могли повторяться въ Матхурѣ, гдѣ ступы и храмы тѣхъ и другихъ были многочисленны и стояли почти рядомъ; въ Матхурѣ также, какъ и въ другихъ индійскихъ городахъ, происходили религіозныя препирательства; диспуты интересовали обыкновенно всѣхъ горожанъ и самого царя. Являлся въ городѣ странствующій философъ и на перекресткѣ или на базарѣ, возжегши факелъ, посылалъ вызовъ мѣстнымъ ученымъ. Если вызовъ бывалъ принятъ, то назначался день диспута; и въ тотъ день, въ назначенный часъ на арену состязанія являлись горожане и царь во главѣ своего двора. Эти диспуты были однимъ изъ мѣстныхъ общественныхъ увеселеній и по сказанію легендъ, въ нихъ принимали участіе и женщины.

На юго-востокъ отъ Матхуры, за cantonments, то-есть, европейскимъ кварталомъ, находится курганъ, прозванный Кённингэмомъ jail-mound. На этомъ мѣстѣ стоялъ или храмъ, или ступа значительныхъ размѣровъ. Раскопки обнаружили нѣсколько столбовъ, на которыхъ находились цифры; цифрами, вѣроятно, обозначался порядокъ, въ которомъ стояли столбы, и назначены онѣ были каменьщиками въ руководство, какъ ихъ разставлять. На колоннахъ сохранились надписи, свидѣтельствующія, что ихъ приносили въ даръ отдѣльныя лица; такъ, напримѣръ, кругомъ пьедестала одной колонны вырѣзаны извѣстія о томъ, когда и кѣмъ колонна была принесена въ даръ; надпись не сохранилась вполнѣ, а изъ уцѣлѣвшей части явствуетъ, что приношеніе было сдѣлано монастырю, выстроенному „великимъ царемъ, царемъ царей, сыномъ боговъ (Индо-Скиѳомъ) Хувишкою". Монахъ, воздвигшій столбъ, заканчиваетъ свою дарственную словами: „Да будетъ (мой даръ) во благо всѣмъ существамъ и духовенству четырехъ странъ свѣта". На другомъ столбѣ, найденномъ тутъ же, какой-то брâхманъ, по фамиліи Гажавара, состоявшій въ какихъ-то отношеніяхъ къ сатрапу Саудасу, разказываетъ, что онъ подарилъ тому же монастырю прудъ, колодезь и столбъ. Саудаса, упоминаемый въ этой надписи, называется сатрапомъ; изъ чего слѣдуетъ, что онъ владѣлъ Матхурою, будучи вассаломъ какого-то царя, имя котораго изчезло изъ надписи; но онъ имѣлъ право бить монету: въ Матхурѣ найдена одна мѣдная монета съ его именами. На одной сторонѣ монеты вырѣзано, кромѣ имени, свастика, буддійскій знакъ благополучія, или крестъ съ загнутыми концами, а на другой сторонѣ представлена женская фигура, которую два слона съ двухъ сторонъ поливаютъ изъ хоботовъ. Тутъ, очевидно, изображена Мая, мать Будды, въ моментъ омовенія, послѣ безболѣзненныхъ родовъ. Изобра-

женіе Маи, матери Будды, было найдено въ Матхурѣ еще въ другомъ мѣстѣ: около мечети Жамы Кеннингомъ открылъ въ 1853 году барельефъ, изображающій царицу Маю подъ деревомъ Sal. Изъ этихъ двухъ изображеній мы можемъ заключить, что уже до начала нашей эры легенда о чудесномъ рожденіи Будды въ главныхъ чертахъ была выработана, то-есть, Мая святая, непорочно зачавшая, изображалась на монетахъ, а повѣсть о безболѣзненномъ рожденіи въ лѣсу, безъ людской помощи, изображалась въ храмахъ торговаго многолюднаго города. Барельефъ былъ найденъ въ Katra; тамъ гдѣ теперь стоитъ мечеть Жама, и гдѣ при Таверньe еще стоялъ брахманскій великолѣпный храмъ, а ранѣе того—буддійскій монастырь. Тутъ же была найдена статуя Будды, нынѣ находящаяся въ агрскомъ музеѣ; на пьедесталѣ этой статуи была надпись, въ которой значилось, что статуя принесена въ даръ монастырю, по имени *Yaso*. Тараната упоминаетъ, что нѣкій брахманъ *Yasika* (санскр. форма) выстроилъ храмъ въ Махтурѣ; его-то храмъ, вѣроятно, прозывался *Yaso* въ народномъ говорѣ и стоялъ на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ центръ стараго города и гдѣ послѣдовательно воздвигались брахманскій храмъ и мечеть. *Katra*, мѣсто, о которомъ сейчасъ было упомянуто, находится на западной окраинѣ города. Въ 1650 году здѣсь еще стоялъ храмъ бога Кришны. Таверньe видѣлъ его въ этомъ году и подробно описалъ; въ 1669 году Аурангзэбъ разрушилъ храмъ и на его мѣстѣ выстроилъ нынѣшнюю мечеть; она не отличается красотой и безъ всякихъ архитектурныхъ достоинствъ; зданіе стоитъ среди загороди, имѣетъ 804 фут. въ длину и 653 фут. въ ширину, на двухъ террасахъ; нижняя терраса имѣетъ 286 фут. въ длину и 268 въ ширину; на высотѣ пяти футовъ находится другая терраса, меньшая, 172 фут. въ длину и 86 фут. въ ширину. Мѣсто, теперь со всѣхъ сторонъ застроенное незначитель-

ными зданіями, не красиво: по преданію, Ямуна текла встарь у подножія террасъ, на которыхъ возвышался храмъ, и конечно, совершенно измѣняла общій характеръ мѣстности.

2.

Современный городъ полонъ воспоминаній о событіяхъ изъ жизни бога Кришны: онъ считается святымъ потому, что въ окрестностяхъ родился Кришна, жилъ, царствовалъ и наслаждался. Ежегодно въ мѣсяцъ *Bhadon* (августъ-сентябрь) сходятся въ Матхурѣ тысячи индійцевъ различныхъ вишнуитскихъ сектъ. И въ день рожденія Кришны начинается *parikrama*, или молитвенное обхожденіе Матхуры и ея окрестностей. Съ начала XVI вѣка, со времени появленія въ Матхурѣ Вишнуитовъ, здѣсь нѣтъ рощи, нѣтъ пруда, которые не были-бъ освящены памятью о какомъ нибудь событіи изъ жизни Кришны; богомольцы исхаживаютъ до 140 миль по городу и окрестностямъ. Иногда какой нибудь богачъ устраиваетъ на свой счетъ *Râslîla*, драматическое представленіе: разыгрываются сцены изъ жизни Кришны въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ пріурочила ихъ миѳическая исторія: поютъ, играютъ и плящутъ въ тѣни тѣхъ же рощъ, гдѣ плясывалъ богъ-пастухъ съ своими пастушками. Въ Матхурѣ и въ окрестныхъ деревняхъ есть множество брахмановъ, мастеровъ устраивать драматическія представленія. Эти Râs-dhâri не имѣютъ другихъ средствъ къ жизни. Большая часть Расъ-дхаріевъ живетъ въ деревняхъ: Карахла или Нсаіо. *Расъ-лила*—не записанная религіозная драма, которую они разыгрываютъ передъ богомольцами, весьма сходна по содержанію съ средне-вѣковыми мистеріями. Въ этомъ драматическомъ представленіи актеры изображаютъ различныя событія изъ жизни бога Кришны. Представленіе въ полномъ составѣ длится болѣе мѣсяца; каждая сцена, какъ сейчасъ было сказано, изображается на томъ

самомъ мѣстѣ, куда событіе пріурочивается преданіемъ. Иногда представленія даются ночью при свѣтѣ факеловъ или же при лунномъ освѣщеніи.

Потѣха эта сопряжена съ значительными расходами и обыкновенно устраивается какимъ нибудь богачемъ богомольцемъ, не пожалѣвшимъ отъ пяти до шести тысячъ рупи.

Труппа состоитъ изъ дѣтей, изображающихъ Кришну и Радху, пѣвцовъ и музыкантовъ, составляющихъ хоръ подъ управленіемъ Расъ-дхари и какого нибудь Госайна, пользующагося репутаціею святого человѣка.

Исторія Кришны совершенно затемнѣна миѳическими подробностями поздняго происхожденія. Сказанія о немъ, неизвѣстно когда начавшіяся, разрослись съ усиленіемъ Вишнуитовъ въ громадную эпопею. Изъ первоначальнаго типа великодушнаго героя Вишнуиты сдѣлали теперь всемогущаго бога любви и воспѣваютъ его любовныя похожденія, придавая своимъ разсказамъ мистическій смыслъ. Въ массѣ легендъ, связанныхъ съ именемъ Кришны, есть одинъ циклъ, относящійся къ его дѣтству, который особенно останавливаетъ на себѣ вниманіе европейскаго читателя, ибо, не смотря на всѣ тривіальныя преувеличенія, которыхъ такъ трудно избѣжать восточному поэту, онъ можетъ быть сближаемъ съ первыми главами Евангелія отъ св. Матѳея. Генеалогія Кришны ведется отъ матери по восходящей линіи; при его рожденіи происходитъ избіеніе младенцевъ; его родители спасаются бѣгствомъ, онъ воспитывается среди настуховъ, и настухамъ объявляетъ въ первые свою божественную природу. Въ образахъ Кришны на колѣнахъ у кормилицы замѣтно сходство съ образами Богородицы. Появленіе всѣхъ этихъ чертъ въ позднѣйшемъ индійскомъ эпосѣ объясняютъ христіанскимъ вліяніемъ; указываютъ на преданіе о путешествіи св. Ѳомы въ Индію и на занесеніе св. апостоломъ въ Индію евангелія

отъ св. Матоея; такимъ образомъ сказанія о дѣтствѣ Кришны суть ни что иное, какъ неумѣлая брахманская передѣлка св. Слова. Противъ такого объясненія нельзя было бы ничего возразить, еслибы предварительно доказали, что до Р. Х. не существовало въ Индіи ни культа Кришны, ни сказаній о немъ, что самое имя его было неизвѣстно, и что сказанія о дѣтствѣ Кришны начались со времени позднѣйшихъ вишнуитскихъ пуранъ. Такъ какъ всего этого до сихъ поръ не было сдѣлано, то и объясненіе сходства легендъ о Кришнѣ съ евангельскимъ разсказомъ путемъ христіанскаго вліянія можетъ пока считаться преждевременнымъ. До сихъ поръ нѣтъ положительно вѣрныхъ извѣстій о Матхурѣ до появленія здѣсь буддизма, который былъ силенъ здѣсь еще въ VII вѣкѣ; Сюанъ-цзанъ нашелъ въ Матхурѣ до трехъ тысячъ буддійскихъ монаховъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ нашелъ въ Матхурѣ и брахманскую религію. Брахманизмъ существовалъ здѣсь, по всей вѣроятности, до буддизма, потомъ одновременно съ нимъ и пережилъ его до нашихъ временъ. О процвѣтаніи брахманизма въ этихъ мѣстахъ, послѣ буддизма, мы узнаемъ изъ исторіи мусульманскихъ войнъ и грабежей. Въ 1017 году Махмудъ-Газневидъ овладѣлъ городомъ; храмы были сожжены и срыты; на сотнѣ верблюдовъ вывезли серебро и золото отъ поломанныхъ истукановъ. Городъ обстроился затѣмъ, но извѣстно, что подвергся еще два раза такой же участи въ XV и XVII столѣтіяхъ.

Изъ всѣхъ этихъ отрывочныхъ извѣстій можно считать несомнѣнно вѣрнымъ, что брахманизмъ существовалъ встарь въ Матхурѣ, начало же теперешнихъ святынь, какъ въ городѣ, такъ и въ окрестностяхъ, относится къ XVI столѣтію, то-есть, послѣ того, какъ въ Вриндабанѣ поселились послѣдователи Бенгальца Чайтаніи, а въ Гокулѣ другая вишнуитская секта Валлабхâчарьевъ. Оба мѣста находятся въ близ-

комъ разстояніи отъ Матхуры и первое изъ нихъ, Вриндабанъ, примѣчательно и помимо тѣхъ историческихъ воспоминаній, которыя связаны съ его именемъ. Городъ лежитъ въ шести миляхъ къ сѣверу отъ Матхуры. Дорога туда скучна и пролегаетъ по однообразной мѣстности. Самый городъ напоминаетъ своею чистотой и правильностью постройки Матхуру; въ немъ 21,000 жителей и болѣе тысячи храмовъ. Городъ быстро разростается и хотя новъ съ виду, но стоитъ на мѣстѣ, изстари считавшимся святымъ; Вишнуиты даже выдумали миѳъ въ объясненіе его имени, хотя это имя и произошло отъ *vrindâ*, то же что *tulsi*, Ocymum sanctum. До поселенія послѣдователей Чайтаніи здѣсь былъ непроходимый лѣсъ, такой же, какой видиѣется до сихъ поръ на противоположномъ берегу Ямуны, у *Bhandir-ban'a*: отъ лѣса и произошло имя города —„лѣсъ изъ vrindâ“.

Замѣчательнѣйшій храмъ здѣсь, и можетъ быть, даже во всей сѣверной Индіи выстроенъ былъ въ царствованіе Акбара. Храмъ этотъ, называемый храмомъ Гобиндъ-девы, построенъ въ видѣ креста; срединное пространство имѣетъ сто футовъ въ длину и столько же поперегъ. Надъ нимъ возвышается куполъ, четыре конца креста прикрыты сводами, толщина стѣнъ почти всюду не менѣе десяти футовъ, онѣ перерѣзаны на два этажа, причемъ верхній есть совершенно правильный triforium; по внутренней лѣстницѣ въ стѣнѣ подниматься на верхъ. Входъ въ срединное пространство съ востока; на западной сторонѣ, между двухъ нишей и подъ роскошнымъ скульптурнымъ навѣсомъ, есть ходъ въ *хоръ*, комнату футовъ двадцать въ длину; за ней находится garbhagriha, то-есть, *sacrarium*, съ двумя боковыми придѣлами; всѣ три отдѣла одинаковыхъ размѣровъ съ хоромъ; высокіе купола прикрываютъ четыре отдѣла. Говорятъ, что прежде надъ куполами возвышались башни: ихъ было пять надъ ку-

поломъ срединнаго пространства, и четыре надъ четырьмя отдѣленіями къ западу. При нападеніи Ауранзеба онѣ были снесены, а sacrarium срытъ; въ настоящее время его замѣняетъ другой, грубо построенный изъ кирпичей, въ которомъ стоятъ изображенія Кришны, Чайтаньи и его ученика Нитьянанды. Подъ юго-западнымъ придѣломъ есть подземная часовня; она посвящена богинѣ Pâtâl Devî, и говорятъ, что это древнѣйшая вишнуитская часовня въ городѣ. Храмъ выстроенъ изъ краснаго песчаника; его высокіе купола, строгая простота и живописная комбинація вертикальныхъ и горизонтальныхъ линій, красивыя высокія окна производятъ очень пріятное и сильное впечатлѣніе. Я видѣлъ его въ то время, когда онъ реставрировался, а потому не могъ вполнѣ оцѣнить красоты извнѣ.

Храмъ былъ выстроенъ въ 1590 году, на средства предка Жайпурскаго ражи; но уже при Ауранзебѣ величественное зданіе сильно пострадало—одинъ только образъ Кришны успѣли вывезти въ Жайпуръ. До 1873 г. храмъ стоялъ такимъ, какимъ оставилъ его Ауранзебъ; по стѣнамъ стали рости деревья, и нѣтъ сомнѣнія, что въ нѣсколько лѣтъ онъ развалился бы совершенно. Теперь, благодаря вмѣшательству англійскаго правительства, храмъ реставрируется на деньги, пожертвованныя Жайпурскимъ ражою; для полной реставраціи потребна громадная сумма, свыше ста тысячъ рупи или болѣе семидесяти-пяти тысячъ рублей. Храмъ имѣетъ свои собственные доходы съ довольно значительной поземельной собственности въ Алварѣ, Жайпурѣ и въ городѣ Вриндабанѣ, но всѣ эти деньги поглощаются на содержаніе новаго храма, воздвигнутаго подъ тѣмъ же именемъ, рядомъ со старымъ.

Въ Вриндабанѣ есть еще нѣсколько большихъ храмовъ; но они поражаютъ не столько своею красотою, сколько сум-

мами денегъ, затраченными на ихъ постройку; такъ прямо противъ сейчасъ описаннаго храма стоитъ храмъ, выстроенный банкирами, братьями Гобинъ-дасомъ и Радха Кришнаномъ; на его построеніе было затрачено 45 лакховъ рупи. Каждый лакхъ равняется семидесяти-пяти тысячамъ рублей. Ежегодная поддержка храма стоитъ пятьдесятъ-семь тысячъ рупи; изъ этихъ денегъ болѣе половины, тридцать тысячъ рупи, истрачивается на кормленіе священнодѣйствующихъ и богомольцевъ. Доходъ этого храма свыше лакха рупи.

Изъ другихъ окрестностей Матхуры я былъ только въ двухъ—въ Гокулѣ и Махабанѣ. Гокулъ лежитъ на противоположномъ берегу; огромныя лодки перевозятъ туда богомольцевъ: лодки съ сотнями странниковъ безпрестанно отчаливаютъ; переправа свершается очень медленно, при неумолкаемыхъ воззваніяхъ народа къ рѣкѣ: „Ямуна-жи, Ямуна-жи!" Городъ издали кажется красивымъ, но разочарованіе начинается при приближеніи къ противоположному берегу и вполнѣ наступаетъ, какъ только взойдешь въ узенькія, пыльныя, потоками дождя изрытыя улицы. Въ городѣ нѣтъ ничего любопытнаго: его дома не красивы и грязны; храмовъ много, но всѣ они новы и не отличаются красотою. Множество странниковъ-богомольцевъ встрѣчается тутъ во всякое время года; они снуютъ по улицамъ, толпятся въ храмахъ, бродятъ по базару. Мѣстные жители очень не дружелюбно посматриваютъ на европейца и даже неохотно подпускаютъ его къ храмамъ.

Отъ Гокула до Махабана не болѣе мили: дорога идетъ въ гору по печальнѣйшей мѣстности. Въ небольшомъ разстояніи отъ города, на берегу Ямуны стоитъ ассикхамба, то-есть, восемьдесятъ столбовъ, или дворецъ Нанды, воспитателя Кришны, мужа его кормилицы. Судя по стилю колоннъ, зданіе это должно быть отнесено къ IX или X вѣку. Колон-

ны расположены пятью рядами, по семнадцати въ ряду; открытая съ трехъ сторонъ колоннада имѣетъ совершенно плоскую кровлю. Небольшое изображеніе будды находится на внутренней стѣнѣ. Сюда являются матери для свершенія обряда очищенія, на шестой день послѣ родовъ. Ассикхамба не считается храмомъ, а потому осматривать зданіе можно безъ всякихъ затрудненій. Въ день рожденія Кришны сюда собираются массы богомольцевъ на поклоненіе выставляемой здѣсь колыбели бога и изображенію его кормилицы. Махабанъ былъ разрушенъ Махмудомъ Газневидомъ и съ тѣхъ поръ нисколько не оправился и не обстроился. Его храмы не значительны, и всѣ постройки грязны и безвкусны. Хотя Махабанъ и значитъ „великій лѣсъ", но окрестность примѣчательна именно отсутствіемъ растительности. Весьма вѣроятно, что Махабанъ есть древній городъ Clisobora, упоминаемый Арріаномъ и Пиниіемъ; около Ассикхамбы, говорятъ, находили буддійскіе идолы, что̀, конечно, указываетъ на древность мѣстности.

3.

Въ Вриндабанѣ и Гокулѣ живутъ и имѣютъ свои храмы двѣ первенствующія секты вишнуитскія. Поклонники бога Вишну дробятся на множество сектъ и подраздѣленій, и хотя весьма часто держатся діаметрально противоположныхъ ученій, но всѣ носятъ общее названіе „Вайшнава" (Вишнуиты, или поклонники бога Вишну), оттого что всѣ признаютъ за главное божество Вишну, что̀ однакоже не исключаетъ различій какъ въ формѣ, такъ и въ предметѣ культа. Начало этихъ сектъ очень позднее; ранѣе XI столѣтія нѣтъ слѣдовъ ихъ самостоятельнаго существованія; наиболѣе же распространенныя и наиболѣе живучія, какъ напримѣръ, послѣдователи Чайтаньи или Валлабхачарья явились даже только въ XVI вѣкѣ.

Считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о современномъ соціальномъ значеніи слова „Вайшнава" или вишнуиты.

Вайшнава въ Бенгаліи, гдѣ ихъ всего болѣе, обозначаетъ не только религіозную секту, но и касту. Какъ каста,—вишнуиты дѣлятся на шесть классовъ: 1) Санжоги, 2) Байраги, 3) Сахиби, 4) Дарвешъ, 5) Саинъ и 6) Баулъ. Къ первымъ тремъ классамъ принадлежатъ богатые женатые люди, занимающіеся торговлею или какимъ нибудь промысломъ. Они держатся одного изъ четырехъ религіозныхъ толковъ: Раматъ,Ниматъ, Мадхавачарья или же Срисампрадая. Къ остальнымъ классамъ принадлежатъ отшельники и нищіе.

Вишнуиты, держащіеся толковъ Раматъ или Ниматъ,—брахманы по происхожденію. Хотя Чайтанья не признавалъ кастъ и училъ равенство, нынѣ Вишнуиты образовали изъ себя отдѣльную общественную группу или касту; ѣдятъ только другъ съ другомъ и браки заключаютъ только внутри своей собственной общины.

Вишнуиты отличаются во многихъ отношеніяхъ отъ другихъ Индусовъ. Они считаютъ себя отдѣльною кастою, и за таковую признаются другими; но у нихъ нѣтъ строгой и послѣдовательной исключительности, необходимой принадлежности касты. Всякій индіецъ можетъ сдѣлаться вишнуитомъ, къ какой бы онъ не принадлежалъ кастѣ, высшей или низшей; но брахманы, каястхи и другія высшія касты рѣдко дѣлаются вишнуитами; брахманъ дѣлается вишнуитомъ въ большей части случаевъ только тогда, когда лишается своей собственной касты, напр. за любовную связь съ женщиною низшей касты; такому отверженному брахману остается только одно—пристать къ вишнуитамъ, которые легко примутъ его въ свою среду.

Вишнуиты не ѣдятъ мяса, не пьютъ крѣпкихъ напитковъ

и хоронять, а не сжигають своихъ мертвецовъ. Они дозволяють своимъ вдовамъ выходить за мужъ. Брахмановъ они не уважають предпочтительно предъ другими людьми, но ихъ Госайны, или духовные учителя непремѣнно принадлежать къ этой кастѣ.

Наружно они отличаются отъ другихъ индусовъ особымъ знакомъ (тилака) на носу, проведеннымъ бѣлою глиною: этою-же глиною (гопичанданъ) они мажуть свои тѣла.

Между вишнуитами много нищихъ и бродячихъ музыкантовъ. Эти нищіе и музыканты, мужчины и женщины, сбривають волосы на головѣ, оставляя на темени не большой пучекъ волосъ.

Поступленіе въ секту очень легко; лицо, желающее сдѣлаться Вишнуитомъ, обыкновенно обращается съ просьбою къ Госайну, платить ему смотря по своимъ средствамъ отъ полтины до нѣсколькихъ рублей. Съ помощью того же Госайна новый членъ общины устраиваетъ праздиество (махотсабъ) для паствы Госаина. Послѣ вкушенія пищи вмѣстѣ съ паствою новобранецъ становится вишнуитомъ. Очень многія проститутки становятся такимъ образомъ вишнуитками. Обыкновенно это случается такъ: несчастная и одинокая женщина, сильно заболѣвъ и чувствуя приближеніе смерти, посылаетъ за Госайномъ; платитъ ему, что слѣдуетъ за свое принятіе въ паству и уговаривается относительно праздиества (махотсабъ). Праздиество устраивается; больная вкусивъ пищи вмѣстѣ съ паствою Госайна, становится Вайшнава и успокаивается. По смерти таже паства позаботится прилично похоронить ее.

По ученію Чайтанья вишнуиты должны были соблюдать обѣтъ безбрачія: но нынѣ большинство ихъ женато, а тѣ, кто не женатъ, завѣдомо не цѣломудренны.

Положеніе Госаиновъ въ этой сектѣ совершенно оригн-

нально; они, брахманы по происхожденію, считаются вишнуитами за членовъ ихъ касты, но въ то же время не ѣдятъ пищи, приготовленной вишнуитами. Госайнъ часто имѣетъ свой собственный храмъ (матхъ), гдѣ молится богу Кришнѣ. Въ такомъ случаѣ онъ называется *махантомъ* и паства его бываетъ довольно значительною. *Матхи* бываютъ очень богатые, владѣютъ землями, въ такомъ случаѣ Госайнъ не только поддерживаетъ бѣднѣйшихъ своей паствы, но и матхъ его служитъ странно-пріемнымъ домомъ для всѣхъ *байраги*. *Байраги* въ смыслѣ касты значитъ тоже, что *вайшнава*, и въ такомъ случаѣ этимъ словомъ обозначаются не одни только нищіе и странники; этимологически это слово значитъ „безстрастный" и имъ всего чаще обозначаютъ нищихъ, странниковъ. Байраги славятся какъ пѣвцы и весьма часто нанимаются для распѣванія священныхъ гимновъ при сраддхахъ, пужахъ и другихъ празднествахъ.

Ученіе и стремленія позднѣйшихъ индійскихъ реформаторовъ были не болѣе какъ видоизмѣненныя попытки идти по тому же пути и къ той же цѣли, по которому шли и къ каковой стремились болѣе древніе индійскіе реформаторы; несомнѣнно, что Чайтанья въ своихъ реформатскихъ замыслахъ во многомъ сходится съ Буддой, а потому въ извѣстномъ смыслѣ современные вишнуитскіе теологи и правы, утверждая, что ихъ „*sampradâya* (слово значитъ и церковь, и секта) безначальна, ибо ведетъ свое начало отъ Бога, который безначаленъ".

Изъ двухъ толковъ, о которыхъ я намѣренъ теперь сказать нѣсколько словъ, послѣдователи Чайтаньи имѣютъ свои главнѣйшіе храмы въ Вриндабанѣ; сюда они являются на богомолье, родина же ихъ главнымъ образомъ Бенгалія, гдѣ поклонниковъ Чайтаньи насчитываютъ до десяти милліоновъ; въ Бенгаліи же родился Чайтанья (1485—1527 гг.). Городъ

Надія (въ старину Навадвипа), мѣсто его родины, до сихъ поръ считается индійскимъ Оксфордомъ. Онъ былъ основанъ въ 1063 году и считался столицею Бенгаліи до 1203 года; слава его мѣстныхъ ученыхъ и коллегій (толь) пережила политическое значеніе города, и въ наше время отъ Лагора до Калькутты высоко уважается тотъ пандитъ, который учился въ Надіи, въ городкѣ, лежащемъ въ глуши, вдали отъ желѣзной дороги. Въ его коллегіяхъ встрѣчаются и старцы, и юноши, ученики съ противоположныхъ концовъ Индіи, изъ Лагора, изъ Декана, изъ Пури. Здѣсь удержались еще до нашихъ дней многіе старинные порядки; напримѣръ, студенты не имѣютъ печатанныхъ книгъ, а изучаемое сочиненіе должны сами списывать. Учатся по долгу; выбравшій своею спеціальностью „законы" (smriti) долженъ проучиться этому въ коллегіи по крайней мѣрѣ лѣтъ восемь, а срокъ для изученія логики опредѣляется въ десять лѣтъ. Вакаціи здѣсь длинны и часты; въ это свободное время студенты бродятъ по окрестностямъ и живутъ милостынею. Но этотъ обычай выводится въ настоящее время также точно, какъ и другой, столь же древній; въ прежнее время пандитъ учитель не только училъ, но кормилъ, одѣвалъ, отводилъ квартиру ученикамъ, и все это дѣлалось безвозмездно. Его наградою была слава какъ учителя, обезпечивающая ему приглашенія на религіозныя церемоніи, и подарки въ это время отъ сосѣднихъ помѣщиковъ; въ наши дни пандиты даромъ только отводятъ квартиры ученикамъ: за все остальное требуютъ платы. Плата эта, конечно, ничтожна; живутъ студенты чуть не подъ открытымъ небомъ, въ глиняныхъ мазанкахъ, тѣснящихся кругомъ аудиторіи, высокой платформы, едва прикрытой съ трехъ сторонъ и совершенно открытой съ четвертой.

Въ этомъ-то ученомъ городѣ въ концѣ XV столѣтія и родился въ брахманской семьѣ Чайтанья; по обычаю страны,

онъ женился рано и до двадцати четырехъ лѣтъ прожилъ семьяниномъ; затѣмъ сдѣлался вайраги, то есть, оставилъ домъ, принялъ обѣты воздержанія и цѣломудрія и сталъ бродить по богомольямъ; шесть лѣтъ онъ провелъ въ странствіяхъ, переходя изъ Матхуры въ Жаганнахъ; къ этому времени относится начало его проповѣднической дѣятельности, продолжавшейся до конца его жизни (1527 г.). Отъ Чайтаньи не осталось никакихъ литературныхъ произведеній, а объ его проповѣднической дѣятельности и ученіи мы узнаемъ изъ писанія его непосредственныхъ учениковъ. Чайтанья проповѣдывалъ „вѣру" въ бога Кришну, бога сущаго и верховнаго, причину всѣхъ причинъ, безначальнаго и безконечнаго, не умаляющагося, не возрастающаго, не преходящаго, творца, охранителя и разрушителя міра, для спасенія людей по временамъ рождающагося между ними; спастись можно, только увѣровавъ въ Кришну. Послѣдователямъ онъ предписывалъ: „Вѣруйте и славьте Кришну, и будете спасены". Обязанности были немногосложны: требовалось, чтобы вѣра росла, крѣпла въ сердцѣ, развиваясь постепенно отъ спокойной увѣренности въ бытіе бога до рабскаго отношенія къ богу; и переходя затѣмъ въ дружбу и любовь къ богу, вѣра завершала свое развитіе, становясь страстью. „Слава Кришнѣ Слава Кришнѣ! и только! Въ нашъ вѣкъ (буквально въ періодъ Кали) иного спасенія нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!" Такъ славятъ бога поклонники Чайтаньи. Его проповѣдь сопровождалась громаднымъ успѣхомъ; въ короткое время число поклонниковъ возросло до значительной цифры; старцы и юноши шли за нимъ вслѣдъ, увлекаемые его экстазомъ. Разсказываютъ, что ни одна проповѣдь не обходилась безъ prânapralap. Съ Чайтаньи дѣлались конвульсіи, и онъ впадалъ въ забытье; въ продолженіи цѣлыхъ часовъ онъ, оставаясь нечувствительнымъ ко всему окружающему, лежалъ восклицая

время отъ времени: „Кришна! Кришна!“ Разсказы о мистическихъ видѣніяхъ, бывшихъ ему въ это время, дѣйствуя на фантазію толпы, увлекали ее за нимъ, и эта болѣзнь, какъ зараза, распространилась между его учениками За нимъ шли многіе, ибо вѣра доступна каждому, и онъ не отворачивался ни отъ кого, принимая въ число своихъ учениковъ индійцевъ всѣхъ кастъ и мусульманъ. „Милосердіе божье не разбираетъ ни рода, ни семьи! Чандалъ (то-есть, низшей касты человѣкъ), въ комъ грѣхъ рожденія огнемъ пречистой вѣры уничтоженъ, прославленъ мудрымъ... Не рабъ, кто въ Господа вѣруетъ, тотъ Господомъ превозвышенъ“... Таковыя и подобныя изреченія приводятся учениками Чайтаньи, какъ его собственныя слова. Онъ установилъ особый обычай: его поклонники вкушали жертвенныя приношенія Богу (prasad) всѣ вмѣстѣ безъ различія кастъ и происхожденія. Современные вишнуиты держатся того же обычая въ извѣстныхъ только случаяхъ, о чемъ было говорено выше; и въ своихъ воззрѣніяхъ на касты, они не такъ исключительны, какъ прочіе индусы, но отъ кастъ они не съумѣли вполнѣ отказаться. Они легко допускаютъ въ свою секту всѣ касты, но равенство остается теоретическою аксіомой; брахманъ вишнуитъ, какъ уже выше было замѣчено, ни за что не поѣстъ вмѣстѣ съ мусульманиномъ и хотя твердитъ: „Не тотъ, кто изучилъ четыре веды, мой поклонникъ! Мнѣ милѣе чандалъ, вѣрующій въ меня! Ему даруй и отъ него пріемли! Сей долженъ быть чтимъ такъ же, какъ и я!“ Но при этомъ брахманъ вишнуитъ не пріиметъ воды изъ рукъ европейца.

Сдѣлавъ изъ Чайтаньи аватару Кришны, его послѣдователи развили ученіе о значеніи гуру (учителя) до уродства. Ихъ учителя суть потомки учениковъ Чайтаньи: у Чайтаньи было два главныхъ ученика: Адвайтанандъ Госвами изъ Сантипура и Нитьянандъ изъ Надія. Объ нихъ разсказываютъ, что они обла-

дали чудотворною силою и каждый изъ нихъ имѣетъ титулъ „*прабху*“ господа. Шесть другихъ учениковъ Чайтаньи назывались: Рупъ, Санатанъ, Жибъ, Рагхунатхъ-бхатта, Рагхунатхъ-дасъ и Гопалъ-бхатта. Они имѣли титулъ „гуру“, наставника, который удержался и за ихъ потомками. Современныя гуру, или учителя имѣютъ своихъ агентовъ по всей Индіи; агенты эти носятъ названіе „фауждаровъ“ или „Чхаридаровъ“ и разсылаются учителями для сбора подати съ вишнуитовъ и для пропаганды. Отъ гуру поклонникъ получаетъ мантру и становится членомъ секты, дѣлается вайшнава; какъ бы онъ ни вѣровалъ, но безъ мантры ему грозятъ муки ада; мантру же (то-есть, мистическія слова: kling, Кришна!) можетъ сообщить только гуру, потомокъ Чайтаньи. Отсюда значеніе учителей: и эта секта подобно всѣмъ вишнуитамъ утверждаетъ: „Сперва почти учителя, а потомъ Кришну! Коль Кришна разгнѣвается, учитель спасетъ; никому не спасти, коль учитель разгнѣвается!“ И каждый поклонникъ принадлежитъ всецѣло учителю, передаетъ учителю и себя, и все свое.

Значеніе учителя, понимаемое въ такихъ широкихъ, почти-что безграничныхъ размѣрахъ, на практикѣ можетъ доходить до безобразнѣйшихъ явленій, и новѣйшая исторія секты Махараджей или Валлабхачарьевъ доказала это вполнѣ. Ученіе этой секты извѣстно очень неудовлетворительно, впрочемъ не по недостатку письменныхъ источниковъ—Валлабхачары имѣютъ громадную литературу,—а потому, что сектанты, какъ бы чувствуя уродливость нѣкоторыхъ изъ своихъ ученій, тщательно скрываютъ отъ постороннихъ глазъ свою письменность; съ большимъ трудомъ можно достать кое-какіе болѣе невинные и менѣе значительные памятники. Случившійся нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ средѣ секты скандалъ повелъ къ процессу, во время котораго разоблачены были многія изъ

тайныхъ и тщательно скрываемыхъ ученій Валлабхачарьевъ. Основатель этой секты Валлабхачарья, сынъ брахмана изъ Телинганы, былъ современникомъ Чайтаньи (1479—1531 гг.) и родился въ Сѣверной Индіи около Бенареса, въ глухой мѣстности, во время бѣгства родителей отъ преслѣдованія мусульманъ. Воспитывался въ Гокулѣ и говорятъ былъ очень ученъ; проведя всю жизнь въ странствіяхъ и въ проповѣди культа младенца Кришны (Bâl-gopal), онъ не былъ аскетомъ и не увлекалъ за собою примѣромъ строгой, постнической жизни и восторженнымъ словомъ о спасеніи чрезъ вѣру въ милосердаго Бога. Свое ученіе онъ назвалъ *pushti mârga*, „путемъ къ процвѣтанію", и его потомки, наслѣдственные учителя секты, развили это ученіе до крайнихъ предѣловъ возможнаго.

Основной догматъ, на которомъ построено все ученіе секты, есть *„единеніе съ Богомъ"* (Brahma sambandha); самъ Валлабхачарья излагаетъ его такъ: „1. Въ глубокую ночь, одиннадцатаго числа первой половины мѣсяца çravana, во очію мнѣ Господомъ рѣченное, дословно передаю: 2. Отъ единенія съ Господомъ изчезнетъ грѣхъ тѣла и души у всякаго... 3. Безъ этого откровенія не изчезнетъ грѣхъ!..." Единеніе же съ Богомъ есть, по ученію этой секты, передача себя и всего того, что считаешь своимъ, Господу, или же—что по ихъ понятіямъ одно и то же — учителю; ибо не только объ учителѣ Валлабхачарьѣ они говорятъ, что для „вящаго единенія съ собою свой ликъ Господь объявилъ на землѣ", но и всѣ его потомки, нынѣшніе махараджи, учителя секты суть то же, что и онъ: „земли желанная краса, асуровъ (то-есть, ихъ ученій демоническихъ) порицанія, причина достиженія блаженства, огонь на сожженіе грѣховъ!" На практикѣ этотъ догматъ выражается слѣдующими двумя обрядами, обязательными для каждаго члена секты: когда ребенокъ дости-

гаетъ двухъ-трехъ лѣтъ, онъ приносится къ махараджѣ, или учителю, который даруетъ ему первую молитву: „Кришна мое убѣжище!“ и повязываетъ на шею снурокъ изъ tulsi (ocymum sanctum). Этимъ заканчивается церемонія, составляющая только предварительное посвященіе; когда мальчикъ достигаетъ одиннадцати или двѣнадцати лѣтъ, тогда наступаетъ время для samarpana, то-есть, полнаго посвященія себя Кришнѣ или его инкарнаціи, учителю. Обрядъ этотъ обязателенъ и для женщинъ: онѣ подвергаются ему передъ вступленіемъ въ бракъ. „*Единеніе съ Господомъ*“ есть точное и неуклонное исполненіе словъ молитвы, полученной при второмъ, полномъ посвященіи. Эту молитву вѣрующій долженъ повторять ежедневно, нѣсколько разъ; слова ея слѣдующія: „Омъ! Сри Кришна мое убѣжище! Истомленный безмѣрными муками и страданіями, происходящими отъ тысячелѣтіями измѣряемой разлуки съ Кришной, я посвящаю Господу Кришнѣ тѣло, чувство, дыханіе, сердце съ его способностями, жену, домъ, достояніе и себя. Я есмь твой рабъ, о Кришна!“ Принявъ это посвященіе, человѣкъ становится полнымъ членомъ секты, и на него налагается рядъ обязанностей въ отношеніи къ живому представителю бога на землѣ, вполнѣ отожествляемому съ небеснымъ.

Махаражѣ служатъ какъ богу, припадая къ его стопамъ; прахъ изъ-подъ его ногъ ѣдятъ; вода отъ его омовенія считается цѣлебною; остатки его пищи, изжеванный имъ бетель принимаются и вкушаются, какъ святыня. Прикосновеніе его ноги къ груди умирающаго освобождаетъ отъ грѣха; тысячи рупій платятся за таковую милость учителя. Можетъ показаться страннымъ и невѣроятнымъ, что махаражи, люди по большей части очень невѣжественные, до сихъ поръ съумѣли удержать такую власть надъ своими адептами. Ихъ значеніе ни сколько не уменьшается; и по прежнему эти богатые и

развращенные потомки Валлабхачарьи суть полновластные заправители дѣлъ секты. Въ дѣйствительности имущество и семья сектаторовъ принадлежатъ учителямъ, и бывали очень гнусныя злоупотребленія наивною вѣрою невѣжественныхъ поклонниковъ. Махаража не есть лицо духовное; онъ женатъ, семьянинъ и вполнѣ принадлежитъ жизни, не отказался ни отъ житейскихъ удовольствій, ни отъ преслѣдованія житейскихъ цѣлей. Онъ весьма часто занимается торговлей, и благодаря своему исключительному положенію, всегда очень богатъ; источникъ его доходовъ неизсякаемъ: это—*lâgâ*, или пошлина на всѣ товары, продаваемые сектаторами; нѣкоторые изъ учителей произвольно возвышаютъ эту пошлину, и все-таки вѣрующіе безропотно оплачиваютъ ее.

Секта распространена главнымъ образомъ въ Гузератѣ и въ Бомбеѣ, среди торговаго и зажиточнаго класса, въ такихъ мѣстахъ Индіи, къ которымъ названіе захолустья вовсе не приложимо, и до сихъ поръ она живуча и многочисленна.

VII.

Мусульмане въ Индіи.

1.

Восемь столѣтіи властвовалъ Исламъ въ Индіи. Появился же онъ впервые тамъ еще ранѣе того. Сперва арабы производили набѣги на Синдъ; грабили и разрушали города и храмы; затѣмъ тюркскія полчища въ нѣсколько походовъ покорили часть Индіи. За турками владычествовали авганы; ихъ смѣнили монголы, уступившіе власть англичанамъ.

Арабы стали появляться въ Индіи уже въ первомъ столѣтіи хиджры; ихъ полчища не оставались по долгу въ Индіи, удовлетворяясь грабежами и увозомъ индійскихъ женъ, плѣнявшихъ своею красотою арабскихъ пиратовъ. Объ этихъ первыхъ набѣгахъ арабовъ сохранились извѣстія, отличающіяся удивительнымъ однообразіемъ; содержаніе всѣхъ разсказовъ сводится къ тому, что такой-то плѣнилъ, грабилъ, разорилъ и т. д. Индія мало привлекала арабовъ; они знали главнымъ образомъ Синдъ. Развѣдчики Калифа Омара отзывались о странѣ такимъ образомъ: „воды тамъ мало, плоды плохи, разбойники дерзновенны; если послать туда мало войска, оно будетъ побито,—большое же войско умретъ тамъ съ голоду!“

Въ VIII ст. произошло первое сильное столкновеніе между арабами и индусами. Разсказываютъ, что какой-то цейлонскій царь послалъ въ подарокъ губернатору Ирана нѣсколько мусульманскихъ дѣвушекъ. Суда съ этимъ драгоцѣннымъ даромъ были захвачены пиратами изъ Девала или Дебала. Девалъ, большой приморскій городъ, стоялъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь Карачи.

Арабы, услышавъ о захватѣ судовъ, потребовали ихъ выдачи. Индійскій раджа Дахаръ далъ уклончивый отвѣтъ. Девалъ, говорилъ онъ, не подвластенъ ему. Раздраженные отвѣтомъ, арабы выслали противъ царя небольшое войско и потерпѣли неудачу.

Тогда подъ предводительствомъ Махмеда Касима изъ Шираза выступила значительная сила. Войско, достигнувъ Девала, обложило сильно укрѣпленный городъ. Жители долго не сдавались; въ городѣ стоялъ священный храмъ, и жители вѣровали, что до тѣхъ поръ, пока водруженное на храмѣ знамя цѣло и развѣвается, никому не взять ихъ твердыни.

Махмедъ Касимъ, узнавъ объ этомъ народномъ суевѣріи, направилъ свои бойницы прямо на храмъ. Однимъ удачнымъ выстрѣломъ знамя было снесено. Жители, пораженные паникой, вскорѣ сдались.

По взятіи города арабы стали дѣйствовать такъ же, какъ они всюду и всегда поступали. Завоеватель, занявъ городъ, предложилъ побѣжденнымъ брахманамъ и служителямъ храма принять обрѣзаніе. Его предложеніе было отвергнуто и въ слѣдъ затѣмъ началась расправа: мужчины свыше шестнадцати лѣтъ были перебиты; женщины же и молодое поколѣніе обращены въ рабство. — Взятіе Девала было первымъ крупнымъ актомъ мусульманъ въ Индіи. Затѣмъ арабы доходили до Мултана и до Малвы. Свѣдѣнія объ этихъ походахъ очень скудны; несомнѣнно однакоже, что арабы не покоряли

Индіи, а производили только набѣги: не ими также исламъ былъ утвержденъ въ Индіи.

Покореніе Индіи мусульманскому владычеству началось нѣсколько позднѣе, уже при Гáзневидахъ.

Первый сильный ударъ, нанесенный Индіи мусульманами, былъ въ 1001 г. Разрушеніе Сомнатскаго истукана есть начало мусульманскаго владычества. Въ 1193 г. былъ завоеванъ Делги.

Около 1202 г. мусульманскія войска покорили всѣ сѣверо-западныя провинціи, Бихаръ и Бенгалію.

Патаны и монголы, приходившіе побѣждать, не съумѣли въ Индіи истребить стараго населенія, съ его вѣрованіями и обычаями. Тѣ и другіе селились въ Индіи массами; особенно въ сосѣдствѣ съ Делги. Но исламъ въ Индіи никогда не достигалъ преобладающаго господства; ни старой вѣры, ни старыхъ обычаевъ онъ не разрушилъ тамъ. Въ другихъ странахъ политическое господство мусульманъ имѣло необходимымъ слѣдствіемъ уничтоженіе старой вѣры побѣжденныхъ. И въ Индіи всякое сопротивленіе со строгостью и безъ состраданія наказывалось мусульманами; они разрушали и уничтожали храмы забранныхъ городовъ, расхищали ихъ богатства, но политеизма онѣ не умѣли уничтожить въ Индіи, онъ пережилъ ихъ господство. Можетъ быть это слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что между мусульманскими властелинами въ Индіи изувѣровъ было не много. Хиндуизмъ, обложенный налогами, былъ терпимъ. Побѣдители, живя и умирая среди побѣжденныхъ, должны были оказывать соціальное вліяніе на нихъ; привлекаемые житейскими выгодами индусы обращались въ мусульманство; но и исламъ въ Индіи принялъ въ себя много терпимости. Воинственные искатели приключеній, основывавшіе новыя династіи въ сѣверной Индіи или выкраивавшіе себѣ царства въ Деканѣ, весьма мало заботились о

религіозныхъ вопросахъ: большинство ихъ не имѣло ни досуга, ни охоты или умѣнья заниматься прозелитизмомъ. Грубые монголы были сами не тверды въ догматахъ вѣры Магомета и къ тому же имъ недоставало того семитическаго энтузіазма, коимъ были воодушевлены арабы, поднявшіе впервые знамя пророка.

Ихъ владычество было военное и поддерживалось побѣдами; они были настолько сильны, что могли мѣшать и предотвращать религіозную амальгамацію индусовъ, или развитіе изъ трибъ націй, но обратить въ мусульманство всю Индію они не могли, ибо исламъ въ ихъ собственной средѣ не имѣлъ политическаго преобладанія или авторитета. Они успѣли поддерживать въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтіи абсолютизмъ, но самый тронъ не былъ вполнѣ наслѣдственнымъ.

Такое правительство, поддерживаемое внутри и извнѣ силою и побѣдами, не могло имѣть духовнаго вліянія.

Вся исторія Индіи до временъ Аурангзеба состояла въ постепенномъ расширеніи и укрѣпленіи мусульманской власти: въ промежуткахъ происходили возстанія индійскихъ раджей и мусульманскихъ правителей, интриги или заговоры при императорскомъ дворѣ. Иногда случалось, что индусу или мусульманину удавалось создать независимое царство и удержаться въ немъ. Многіе изъ индійскихъ владѣній оставались непокоренными. Всѣ эти движенія не касались сердцевины общества и возмущали только его поверхность. Земледѣлецъ отрывался отъ поля и становится солдатомъ, жнитвы уничтожались и появлялись грабители, мѣшавшіе правильному развитію промышленности. Полиціи не было и кулачное право царило. Но и при всѣхъ неурядицахъ жизнь текла по старому: общественный строй не измѣнялся.

Высшей славы мусульманское правленіе достигло во время

царствованія Акбара (1556—1605), потомка Тимура и Чингисъ-хана. Современные ему правовѣрные считали Акбара чуть-ли не за нечестивца. При немъ монгольскій дворъ занимался религіозными и философскими вопросами. Духовные всѣхъ вѣръ, даже христіане находили покровительство при дворѣ: объясняли и защищали свои религіи передъ лицемъ Великаго Могола.

Акбаръ въ числѣ своихъ женъ имѣлъ дочь Раджпутскаго царя и даже одну христіанку: въ Фатехпуръ-Сикри около Агры до сихъ поръ указываютъ домъ послѣдней, украшенный христіанскими эмблемами.

При немъ правленіе получило окончательную организацію во всѣхъ частяхъ. Администраторами избирались способнѣйшіе люди: индусы и мусульмане безразлично. Податная система, выработанная его министромъ финансовъ, до сихъ поръ лежитъ въ основаніи англійской податной системы.

Въ его царствованіе и въ царствованіе его наслѣдниковъ Жахангира и Шахъ-Жагана Индія покрылась сѣтью большихъ дорогъ. Эти тѣнистыя аллеи и общественныя зданія до сихъ поръ составляютъ красу Индіи и возбуждаютъ изумленіе путешественника.

Деванихасъ въ Дели, волшебная прелесть Тажа въ Агрѣ и всѣ другіе архитектурные памятники двухъ монгольскихъ столицъ—донынѣ поражаютъ своимъ величіемъ и великолѣпіемъ. Почти одновременно съ монгольскою властью возникъ особый языкъ Индустани или Урду, до сихъ поръ удержавшійся въ Индіи и завѣщанный мусульманами современнымъ владѣтелямъ Индіи.

За царствованіемъ Акбара и его непосредственныхъ наслѣдниковъ наступили тяжкія времена безграничнаго фанатизма: Аурангзебъ былъ неуклонный, неудержимый преслѣдователь всего индусскаго: по всей сѣверной Индіи древніе

храмы были грабимы и уничтожаемы. Но и ему не удалось подчинить Индію исламу.

Великій изувѣръ, проведшій долгіе годы въ войнѣ съ независимыми царствами въ Деканѣ, умеръ въ 1707 г. и одновременно съ этимъ остъ-индская компанія укрѣпилась въ фортѣ Вильямъ, въ нынѣшней Калькуттѣ.

При наслѣдникахъ Аурангзеба (1707—1761) власть моголовъ постепенно склонялась къ упадку.

Въ 1765 г. англичане получили право на диванъ или на финансовое управленіе Бенгаліей, Бихаромъ, Ориссою; вмѣстѣ съ этимъ въ Индіи появляется новая болѣе грозная для старыхъ порядковъ сила.

2.

Въ одной изъ предыдущихъ главъ была приведена численность мусульманъ въ Индіи; изъ этой цифры (40,882,537) почти половина приходится на Бенгалію (19,553,831); значительное количество мусульманъ находится также въ Пенджабѣ (9,337,685) и въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ (4,189,348); почти половина населенія Ассама также исповѣдуетъ исламъ (1,104,601); въ Синдхѣ они составляютъ 81,13 процентъ всего населенія, за то въ остальныхъ частяхъ Индіи хотя также есть мусульмане, но они составляютъ тамъ ничтожный процентъ: можно принять, какъ приблизительно точное, таковое распредѣленіе индійскаго населенія по религіямъ: 14,20 мусульманъ, 78,69 индусовъ, 7,10 другихъ религій.

Въ Бенгаліи, въ центральныхъ и восточныхъ частяхъ этой провинціи, половина населенія исповѣдуетъ исламъ; въ нѣкоторыхъ округахъ мусульмане даже составляютъ значительное большинство населенія. Мусульмане въ Бенгаліи суть не только потомки прежнихъ завоевателей Индіи, но главнымъ образомъ индусы низшихъ кастъ, обращенные въ

исламъ: они говорятъ особымъ языкомъ, отличнымъ и отъ Урду и отъ *Бенгали* индусовъ и имѣютъ оригинальную литературу на этомъ языкѣ. Въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ хотя мусульманъ свыше четырехъ милліоновъ, но они составляютъ ничтожный процентъ всего населенія. Нѣкоторые изъ мусульманъ Рохилкханда производятъ себя отъ арабовъ, древнихъ завоевателей Индіи. Въ Синдхѣ и въ Пенджабѣ мусульманское населеніе частью потомки различныхъ завоевателей, частью также какъ и въ Бенгаліи суть индійскіе туземцы, обращенные въ исламъ.

Болѣе ста лѣтъ истекло съ тѣхъ поръ, какъ власть мусульманскаго правительства въ Индіи стала мало по малу переходить въ руки христіанъ: весьма естественно, что вмѣстѣ съ тѣмъ соціальное положеніе исповѣдниковъ ислама въ Индіи значительно измѣнилось: говорятъ, что исламъ до нашихъ дней все болѣе и болѣе распространяется въ Индіи: фактъ этотъ не слѣдуетъ объяснять особою живучестью религіи или тѣми обстоятельствами, въ силу которыхъ индусы обращались въ исламъ встарь, когда въ Индіи неограниченно господствовали мусульмане и когда за обращеніемъ въ вѣру пророка человѣку открывалась перспектива жизненныхъ успѣховъ.

Въ исламъ обращаются тѣ, кому хиндуизмъ отвелъ презрѣнное положеніе въ своемъ общественномъ строѣ; обращаются представители низшихъ кастъ и отверженные члены хиндусскаго общества. Единственная выгода, извлекаемая новообращеннымъ, состоитъ въ томъ, что его общественное положеніе измѣняется: онъ становится членомъ общины не столь презрѣнной, какъ та которую онъ оставилъ и кромѣ того приравнивается къ остальнымъ членамъ той же общины. Другихъ выгодъ мусульманская община въ настоящее время не можетъ доставить новообращенному

ибо эта община при британскомъ правительствѣ утратила свое прежнее значеніе, съѣдаема хроническимъ недугомъ глухаго неудовольствія противъ современнаго порядка вещей, подозрѣваема правительствомъ, и какъ бы находится не у дѣлъ. Мусульмане сознаютъ, что въ настоящій моментъ у нихъ неотъемлемы преданія о блестящемъ прошломъ, но пока предъ ними не открывается блестящаго будущаго; мусульманская аристократія лишилась всѣхъ тѣхъ средствъ, которыя доставляли ей въ старые годы богатство; при англичанахъ конечно не мыслимы грабежъ и насиліе; въ старые года мусульмане были господами въ странѣ; мусульманинъ, заручившійся поддержкою сильныхъ міра сего не рѣдко безнаказанно грабилъ своего сосѣда; высылалъ стаи вооруженныхъ слугъ на мирныя деревни, сбиралъ пошлину съ странствующихъ торговцевъ, если могъ — не выплачивалъ поземельнаго сбора; обкладывалъ особымъ налогомъ свершеніе индускихъ обрядовъ при свадьбахъ, родинахъ и другихъ житейскихъ случаяхъ, сбиралъ въ свою пользу акцизъ съ крѣпкихъ напитковъ.

Сборъ имперскихъ налоговъ былъ монополіей мусульманской аристократіи. Полицейская власть была также въ ея рукахъ и составляла также источникъ доходовъ. Суды были исключительно въ рукахъ мусульманъ. Затѣмъ передъ ними же была военная карьера.

Мусульмане были завоеватели и все управленіе было въ ихъ рукахъ. За сто съ небольшимъ лѣтъ передъ каждымъ благорожденнымъ мусульманиномъ открывались три поприща: онъ могъ сдѣлаться военнымъ или избрать дѣятельность сборщика податей, обильный источникъ богатства, могъ заняться судебнымъ дѣломъ также прибыльнымъ; кромѣ того для мусульманина были открыты еще другіе дороги, напр., придворная служба.

Всѣ эти поприща закрыты благорожденному мусульманину въ настоящее время. Индійскій туземецъ можетъ поступить въ британскую армію только солдатомъ: случаи повышенія на столько рѣдки для него, что могутъ считаться исключительными. Такимъ образомъ армія въ настоящее время не можетъ привлекать мусульманина-аристократа: военная дѣятельность не можетъ доставить ему ни славы, ни почестей, ни богатства; и вслѣдствіе этого мусульманинъ-аристократъ не идетъ служить въ британскую армію. При мусульманскихъ правителяхъ сборъ налоговъ былъ въ рукахъ мусульманской аристократіи. Завоеватели считали своимъ не только самый налогъ, но и въ сборѣ его видѣли источникъ дохода и потому признали должности сборщиковъ податей своею неотъемлемою монополіей; храбрые и не практичные, они презирали подробности дѣла, и вслѣдствіе этого взяли индусовъ для непосредственныхъ сношеній съ земледѣльцемъ; но высшія должности сборщиковъ оставались въ рукахъ мусульманъ; изъ индусовъ былъ образованъ персоналъ второстепенныхъ сборщиковъ; высшіе же чиновники, непосредственно сносившіеся съ центральною властью, были мусульманами; послѣдніе были лицами отвѣтственными передъ высшимъ правительствомъ за полный сборъ всего налога; налогъ, какъ уже выше было указано, собирался мечемъ; если за какой либо деревней оказывалась недоимка,—въ нее высылался отрядъ разбойниковъ, которые грабили и жгли до тѣхъ поръ, пока было что грабить у земледѣльца. Земледѣлецъ и родной ему по происхожденію второстепенный сборщикъ налога постоянно пытались всего требуемаго не доплатить, часть утаить —каждый въ свою пользу. Высшій чиновникъ мусульманинъ старался напротивъ взять побольше... Когда Остъ-Индская компанія сдѣлалась *диваномъ* великаго Могола, т. е. главнымъ сборщикомъ поземельнаго и

всякаго другого налога, въ началѣ мусульманская система сбора налога и мусульманская администрація были вполнѣ удержаны. Мусульманскіе чиновники сохраняли свои должности: преобразованія и замѣненіе мусульманъ исполнителями другихъ вѣроисповѣданій вводились англичанами весьма осторожно; но тѣмъ не менѣе реформы начались: сперва осторожно и даже робко англичане мѣняли старое на свое новое, затѣмъ они становились все смѣлѣе и смѣлѣе въ своихъ преобразованіяхъ, и наконецъ въ 1793 узаконеніе лорда Корнваллиса (Permanent Settlement) нанесло окончательный ударъ всей мусульманской системѣ налога. Законоположеніе 1793 игнорировало должность высшихъ мусульманскихъ чиновниковъ, посредниковъ между правительствомъ и второстепеннымъ сборщикомъ податей, или заминдаромъ: на мѣсто этихъ посредниковъ съ ихъ войсками компанія назначила своихъ коллекторовъ съ немногочисленнымъ и невооруженнымъ полицейскимъ штатомъ. Мусульманская аристократія была устранена отъ прибыльной для нея должности: часть ея осталась заинтересованною въ дѣлѣ сбора поземельнаго налога, но уже—какъ заминдары.

О Permanent Settlement было говорено въ одной изъ предъидущихъ главъ; въ дополненіе къ сообщенному тамъ слѣдуетъ замѣтить еще, что главнѣйшею цѣлію этого мѣропріятія было признаніе поземельной собственности за заминдарами, т. е. за такими лицами, которые при мусульманскихъ владѣтеляхъ занимали второстепенныя должности въ администраціи,—то были не болѣе какъ мѣстные агенты, собиравшіе налогъ непосредственно съ земледѣльца. Англійское законоположеніе признавало и обращало вниманіе только на три звѣна мусульманской системы: государство, заминдара и земледѣльца. Посредствующія звѣнья мало по малу были устранены. Законоположеніемъ 1793 г. создавался классъ собственниковъ изъ сбор-

щиковъ податей индусовъ и уничтожался классъ верховныхъ наблюдателей за этимъ сборомъ, существовавшiй при мусульманскомъ правленiи: послѣднихъ замѣнили коллекторы, чиновники компанiи. Мусульманская аристократiя до сихъ поръ жалуется и упрекаетъ англичанъ въ томъ, что они не сдержали даннаго слова: великiй Моголъ передалъ компанiи администрацiю Бенгалiи, но при этомъ подразумѣвалось само собою, что новые администраторы удержатъ старую систему; англичане-же, почувствовавъ себя достаточно усилившимися, разбили эту систему. Старая система, несомнѣнно, была создана для обогащенiя немногихъ, притѣснявшихъ большинство; англичане, уничтоживъ ее, были совершенно правы съ своей точки зрѣнiя: они были правы также, устранивъ для самозащиты мусульманскую аристократiю изъ армiи; но ихъ точки зрѣнiя непонимаетъ мусульманская аристократiя, до сихъ поръ считающая англичанъ выскочками, зазнавшимися и непомнящими благодѣянiй Великаго Могола.

До англичанъ все гражданское управленiе было въ рукахъ мусульманъ: въ настоящее время они какъ бы остались за штатомъ. Само собою разумѣется, мусульманамъ это кажется очень обиднымъ, и они указываютъ на то, что эту власть у нихъ отобрали хитростью, изъ-подтишка. Нѣкоторое время послѣ того, какъ Бенгалiя была занята англичанами, гражданское управленiе оставалось въ рукахъ мусульманъ. Изъ мусульманъ назначались сборщики налоговъ, или коллекторы; полицiя была въ вѣдѣнiи Фауждаровъ и Гхатваловъ изъ мусульманъ: уголовное судопроизводство было отдано въ вѣдѣнiе Низама въ Муршидабадѣ. Тюрьмами управляли мусульмане. Кади засѣдали въ гражданскихъ судахъ, и даже тогда, когда стали изрѣдка появляться судьи изъ англичанъ. Страна управлялась мусульманскими законами; судопроизводство велось на персидскомъ языкѣ, извѣстномъ главнымъ образомъ

только мусульманамъ. И такой порядокъ дѣлъ продолжался въ первые пятьдесятъ лѣтъ англійскаго управленія. Во второй половинѣ перваго столѣтія англо-индійскаго владычества мало по малу положеніе мусульманъ начинаетъ измѣняться. Оставленъ былъ языкъ, чуждый для массы населенія и понятный единственно бывшимъ мусульманскимъ властителямъ; разныя второстепенныя должности новые правители стали замѣщать индусами, мусульмане-же устранялись и въ концѣ концовъ мусульмане увидѣли себя совершенно вытѣсненными изъ управленія страною: должности клерковъ, должности въ судахъ и въ полиціи въ настоящее время замѣщаются индусами, прошедшими черезъ англійскія школы. Въ 1871 году статистика показываетъ таковое распредѣленіе должностей по вѣроисповѣданіямъ: въ Бенгаліи на 681 индуса, занимающихъ различныя оффиціальныя должности, приходится только 92 мусульманина. Въ главныхъ городахъ президентства есть департаменты, гдѣ нѣтъ ни одного мусульманина, занимающаго хотя бы какую-нибудь самую низшую должность; во всѣхъ профессіяхъ, напр. медицинской или юридической мусульмане оказываются въ меньшинствѣ.

Мусульмане остались такимъ образомъ не у дѣлъ и какъ бы за штатомъ главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что они не могутъ соперничать съ индусами, которые забиваютъ ихъ, не потому что даровитѣе ихъ, а въ силу своей переимчивости, умѣнія приноравливаться къ обстоятельствамъ времени и извлекать изъ нихъ возможно большую для себя пользу. При господствѣ мусульманъ индусы помирились съ своей судьбою; то же самое повторилось и теперь при британской гегемоніи: тогда успѣхъ въ жизни зависѣлъ отъ усвоенія себѣ мусульманской цивилизаціи и знанія персидскаго языка; индусы выучивались персидскому языку также точно, какъ въ настоящее время они выучиваются англійскому. Они тогда

и теперь пошли охотно на сдѣлку и выиграли, обезпечивъ за собою житейскій успѣхъ, хотя и не особенно значительный. Мусульманъ англичане въ началѣ своей индійской исторіи застали въ другомъ положеніи: они были не только политическою, но и умственною силою въ то время; сознавая это, бывшее господствовавшее населеніе не приняло англійской системы воспитанія; оно отказалось отъ воспитанія, которое не давало ему преимуществъ надъ презрѣнными съ его точки зрѣнія рабами и идолопоклонниками. Мусульмане не хотѣли учиться у идолослужителей, да еще на языкѣ невѣрныхъ. Съ теченіемъ времени часть, хотя далеко не значительная, вынуждена была помириться съ совершившимся фактомъ и стала понемногу пользоваться благодѣяніями англійскихъ школъ; но значительное большинство все еще держится въ сторонѣ отъ англійскаго воспитанія и разобщило себя окончательно съ индусскимъ населеніемъ, отъ котораго оно отличается въ настоящее время одеждою, способомъ привѣтствія и другими внѣшними признаками.

Мусульмане не идутъ въ правительственныя школы, напр. въ Бенгаліи, вслѣдствіе трехъ главныхъ причинъ: они указываютъ съ неудовольствіемъ на то, что преподаваніе въ школахъ ведется на бенгальскомъ языкѣ, который они презираютъ; не менѣе того они презираютъ и ненавидятъ учителя бенгальца, который изъясняется на урду, какъ на языкѣ усвоенномъ, а не родномъ. Въ этихъ школахъ, говорятъ они далѣе, мусульманскій мальчикъ не можетъ научиться ни языку, ни всему тому, что необходимо для мусульманина, какъ для религіозныхъ цѣлей, такъ и для того, чтобы мусульманское общество считало его за человѣка образованнаго; всякій образованный мусульманинъ долженъ знать по-персидски, но персидскій языкъ не преподается въ правительственныхъ школахъ. Всякій мусульманинъ долженъ читать

свои молитвы или по-персидски, или по-арабски: но въ тѣхъ же школахъ этому не учать. Правительственныя школы, ропщетъ мусульманинъ, совершенно игнорируютъ религіозное воспитаніе мусульманскаго юношества; индуское юношество точно также не получаетъ религіознаго воспитанія въ школахъ: но этотъ пробѣлъ не можетъ быть чувствителенъ для индусовъ въ такой же степени, какъ для мусульманъ: индусы имѣютъ многочисленную касту, на попеченіи которой находится религіозное воспитаніе народа. Такой касты мусульмане не имѣютъ.

Такимъ образомъ школы, не удовлетворяя потребностямъ мусульманъ, до сихъ поръ весьма мало посѣщаются ими и они имѣютъ полное основаніе жаловаться на то, что англійское правительство обираетъ съ нихъ деньги для школъ враждебныхъ имъ идолопоклонниковъ: наши деньги, твердятъ они часто, завѣщанныя на доброе дѣло, на религіозное воспитаніе мусульманъ, присваиваются невѣрными и употребляются для цѣлей враждебныхъ исламу: при этомъ указывается на англійскую колледжъ въ Хугли, содержащуюся на деньги, завѣщанныя однимъ мусульманиномъ.

Но мусульмане жалуются не только на то, что ихъ деньги идутъ на школы, которыми они не могутъ и не хотятъ пользоваться; они ропщутъ еще на большее зло, содѣянное имъ англійскимъ правительствомъ; они говорятъ, что у нихъ отнята всякая возможность воспитывать юношество въ духѣ ихъ религіи.

Съ незапамятныхъ временъ въ Индіи туземные правители имѣли обычай дарить земли храмамъ, монастырямъ или отказывать ихъ на воспитаніе юношества. Съ этихъ земель не собирался въ казну налогъ, и онѣ до сихъ поръ извѣстны въ Индіи подъ названіемъ „лакхиражъ“.

Въ періодъ упадка Монгольской имперіи, при ослабленіи

центральной власти, правомъ изъятія земель изъ общей повинности стали пользоваться также губернаторы отдаленныхъ провинцій и даже подчиненные последнимъ начальники отдельныхъ областей; поземельный налогъ былъ на откупѣ, и губернаторъ, получивъ полное количество налога, причитавшееся съ отдѣльнаго округа, мало заботился о томъ, какъ этого достигалъ подчиненный ему начальникъ того округа, была ли тамъ обложена налогомъ вся земля, или же часть ея была отчуждена въ пользу какого нибудь храма или мечети: такимъ образомъ случалось весьма часто, что суровый сборщикъ податей замаливалъ передъ смертью грѣхи тѣмъ, что отказывалъ часть подвѣдомственной ему земли въ пользу храма или мечети. Кромѣ того при прежнихъ правительствахъ, предшествовавшихъ англійскому, часть поземельнаго дохода нерѣдко отчуждалась правительствомъ въ пользу какого-нибудь лица, оказавшаго услуги государству или пріобрѣтшаго милость и благоволѣніе верховнаго правителя.

Земли отчуждались правительствомъ на различныхъ условіяхъ: иногда они отдавались только въ пожизненное пользованіе, или-же дарственная дѣлалась на вѣчныя времена съ правомъ передавать землю по наслѣдству. Когда Бенгалія перешла въ вѣдѣніе англичанъ, оказалось, что одна четвертая земель всей провинціи была отчуждена такимъ образомъ отъ государства. Ни В. Гастингсъ, ни лордъ Корнвалисъ не рѣшались на конфискацію отчужденнаго добра. Англичане признали законность такого рода землевладѣнія, и въ Бенгаліи въ 1793 г., въ періодъ знаменитаго узаконенія или Magna Charta заминдаровъ, земли „лакхиражъ" оставались не тронутыми. Такъ продолжалось нѣсколько лѣтъ. Въ началѣ настоящаго столѣтія англійское правительство вдругъ почувствовало, что оно терпитъ отъ земель лакхиражъ значительный ущербъ въ своихъ доходахъ. Столько до-

бра отчуждено и—для какой же цѣли? Массы лѣнтяевъ и негодяевъ ведутъ праздную жизнь, полную довольства на счетъ государства, пользуются привилегіями въ ущербъ правительству и народу. Правительство признало это за скандалъ, за оскорбленіе общественной нравственности: нѣкоторые изъ чиновниковъ, проникнувшись убѣжденіемъ правительства, стали даже проводить параллель между Бенгаліей и дореволюціонной Франціей: вслѣдствіе всѣхъ таковыхъ сообсоображеній вопросъ о конфискаціи земель лакхиражъ былъ поднятъ уже въ 1828 году. Отъ владѣтелей земель лакхиражъ потребованы были документы, въ силу которыхъ они владѣли этими землями. Требованіе правительства было конечно совершенно законно, и во всякой другой странѣ, но не въ Индіи, большинство владѣтелей могло бы удовлетворить ему безъ всякихъ затрудненій. Въ Индіи, тамъ, гдѣ домы такъ часто горятъ и разваливаются, гдѣ климатъ сыръ, гдѣ массы бѣлыхъ муравьевъ и всякихъ другихъ насѣкомыхъ такъ много истребляютъ всякихъ рукописей, для большинства владѣтелей было совершенно невозможно отыскать старинные документы. Послѣ столькихъ лѣтъ спокойнаго пользованія отъ нихъ потребовали доказательствъ законности этого пользованія. Началось разслѣдованіе; съ одной стороны отбирались земли и сотни семей ввергались въ нищету: съ другой стороны, многіе изъ владѣтелей, въ продолженіи долгаго времени совершенно законно пользовавшіеся землями лакхиражъ, но утративъ настоящія старинныя, дарственныя, прибѣгали къ обману и подделкѣ. Подделка, обманы, производившіеся очень неумѣло, скоро открывались; правительство ни того, ни другого не могло оставить безнаказаннымъ, и жестоко преслѣдовало.

Это мѣропріятіе англійскаго правительства доставило ему лишнихъ триста тысячъ фунтовъ стерлинговъ въ годъ; но

приращеніе дохода было куплено дорогою цѣною. Ни для кого не тайна въ настоящее время, что конфискація земель была мѣрою очень не политичною; противъ нея были раздражены одинаково индусы и мусульмане, владѣтели земель лакхиражъ и люди не собственники, но религіозные; ибо земли отбирались одинаково отъ частныхъ лицъ, богатыхъ и старинныхъ фамилій, и отъ храмовъ, мечетей и т. д. Въ Бенгаліи большинство пострадавшихъ отъ этой мѣры семей было мусульманскихъ: и тамъ же большая часть земель лакхиражъ принадлежала или мечетямъ и была отдана въ пользу воспитанія мусульманскаго юношества. Понятно, почему еще теперь мусульмане жалуются, что англичане ихъ обобрали. Та же мѣра была распространена и на другія части Индіи, гдѣ пострадали собственники другихъ религій. Но всего болѣе пострадали отъ этой мѣры мусульманскія аристократическія семьи и мусульманское воспитаніе.

Жалобамъ мусульманъ въ Индіи нѣтъ конца; лишенные возможности занимать то же общественное положеніе, какъ въ старь, они говорятъ теперь, что англичане притѣсняютъ ихъ въ отправленіи религіозныхъ обязанностей: правительство въ 1863 г. отказалось назначать *кади* и предоставило самому мусульманскому обществу выбирать изъ своей среды это полудуховное, полусвѣтское должностное лицо: мусульманское же общество считаетъ такое избраніе незаконнымъ; кади, по понятіямъ индійскихъ мусульманъ, долженъ быть назначаемъ правительствомъ, и только до тѣхъ поръ, пока правительство назначаетъ кади. Индія не перестаетъ быть „страною ислама“, „въ противномъ случаѣ по толкованію мусульманскихъ законниковъ она становится „страною враждебною“.

Англичане, въ концѣ прошлаго столѣтія занявъ Бенгалію, признали кади въ должности судьи; рядомъ правительственныхъ распоряженій опредѣлялись его обязанности: со-

временное распоряженіе англійскаго правительства, по собственному сознанію англичанъ, явилось вслѣдствіе недоразумѣнія, но тѣмъ не менѣе оно оскорбляетъ религіозное чувство мусульманъ, которые ропщутъ еще, что правительство игнорируетъ ихъ праздники; признавъ табельными днями пятьдесятъ два индусскихъ празднества, оно даровало мусульманамъ не болѣе одиннадцати табельныхъ дней.

И такъ мусульмане имѣютъ цѣлый рядъ болѣе или менѣе основательныхъ причинъ жаловатся на современные порядки. Но это недовольство, поставляя мусульманское населеніе въ болѣе или менѣе враждебное отношеніе къ правителямъ Индіи, не сближаетъ ихъ съ другими соотечественниками; разбирая причины мусульманскаго недовольства, легко убѣдится, что интересы мусульманъ и индусовъ разобщены; какое дѣло индусу до жалобъ родовитаго мусульманина? Онѣ не трогаютъ индуса, ибо не понятны ему; индусъ не можетъ сочувствовать мусульманину: все святое и чтимое однимъ оскорбляетъ религіозное чувство другого; они, живя въ одной и той части Индіи, говорятъ различными нарѣчіями, пишутъ различными азбуками, держатся различныхъ обычаевъ; одѣваются не одинаково, не ѣдятъ другъ съ другомъ; за оскверненіе, за грѣхъ почтетъ индусъ принять воду или ѣду изъ рукъ мусульманина.

При такихъ условіяхъ возможна ли общность интересовъ? И вся современная исторія Индіи показываетъ, что ея нѣтъ. Вахабиты возмущались противъ англичанъ, но они же предварительно рѣзались съ Сикхами, и конечно это движеніе ненавистно индусамъ въ такой же степени, какъ и англичанамъ.

Начало всѣхъ распрей между индусами и мусульманами коренится въ ихъ религіозныхъ ученіяхъ; празднества, всѣ мелкія подробности культа однихъ оскорбительны для дру-

гихъ. Въ глазахъ индуса корова „священное существо"; въ Бенаресѣ есть громадный храмъ, посвященный коровѣ, мусульманинъ же рѣжетъ корову, и какъ истый иконоборецъ старается свершить это грѣховное по понятіямъ индуса дѣло публично, на улицѣ, передъ глазами тѣхъ, кто обожаетъ священное существо. Индусъ, видя это святотатство и не находя защиты и покровительства у „любителя бифштекса", скорбитъ въ душѣ и исполняется глубокою ненавистью къ мусульманину. Англичане стараются быть при этомъ безпристрастными; но до тѣхъ поръ, пока распря не перешла въ открытый и шумный безпорядокъ,—ихъ симпатіи, конечно, на сторонѣ мусульманъ. Скорбь и жалобы индуса имъ не могутъ быть понятны, и какъ на все непонятное, чуждое и далекое, такъ и на это у англичанина одинъ отвѣтъ: but how stupid!! или What a nonsense!!

Тайная и глухая ненависть, разобщающая индуса и мусульманина, весьма часто переходитъ въ открытую вражду и сопровождается шумными волненіями. Такъ бывало въ старь и такъ повторяется до нашихъ дней.

Разсказы объ этихъ столкновеніяхъ ярко характеризуютъ отношенія двухъ враждебныхъ общинъ, ихъ фанатизмъ и общее міросозерцаніе.—Въ началѣ настоящаго столѣтія (1809) въ Бенаресѣ, въ кварталѣ, заселенномъ ткачами, жили два брата Достъ-Махамедъ и Фатехъ-Махамедъ; они пользовались неограниченнымъ авторитетомъ въ средѣ своей касты, всѣ дѣла касты подлежали ихъ вѣдѣнію. Всякое собраніе созывалось отъ ихъ имени, и они предсѣдательствовали на всѣхъ совѣщаніяхъ.

Въ томъ же кварталѣ среди населенія, главнымъ образомъ мусульманскаго, жило разсѣянно нѣсколько индусовъ. Случилось, что одинъ изъ тамошнихъ индусовъ по имени Мадху-Рай заболѣлъ. Во время болѣзни Мадху-Раю было видѣніе:

боги объявили ему, что онъ одержимъ демономъ (бхутомъ). Мадху-Рай далъ обѣщаніе, что если демонъ оставитъ его, то онъ выстроитъ новый каменный храмъ Хануману, или богу обезьянѣ, на томъ самомъ мѣстѣ подъ древомъ Пипалъ, у святого храма Висвесваръ, гдѣ до того богъ имѣлъ только маленькую глиняную часовеньку. Мадху-Рай выздоровѣлъ и во исполненія своего обѣщанія принялся собирать камни и другой строительный матерьялъ у сказаннаго мѣста.

Мѣсто это было спорнымъ между мусульманами и индусами; оно находилось между мечетью Ауранзеба и святымъ храмомъ Висвесваръ и могло одинаково принадлежать той и другой святынѣ. Мусульмане, увидѣвъ, что Мадху-Рай собираетъ строительный матерьялъ у ненавистной имъ часовни, старались отклонить его отъ благочестиваго дѣла и говорили ему, что они не допустятъ сооруженія новаго храма на этомъ мѣстѣ; Мадху-Рай пріостановилъ свое дѣло; но упорно стоялъ на своемъ, и грозился воздвигнуть новый храмъ. Для обсужденія положенія дѣлъ Достъ-Мохамедъ собралъ всѣхъ ткачей на совѣтъ въ Имамбара или мечеть Ауранзеба; всѣ мусульмане явились на призывъ, они наполнили весь дворъ мечети, спорное мѣсто и даже забрались туда, гдѣ были исключительно индускія святыни. По свершеніи моленія стали разсуждать о дѣлѣ; неизвѣстно, что говорилось при этомъ, какъ Достъ-Мохамедъ представилъ дѣло толпѣ;— по собственному ли побужденію, или подстрекаемая вожаками, толпа двинулась на индусскія святыни и осквернила ихъ: деревья вырывались съ корнями, надъ идолами безобразничали, били ихъ башмаками и всячески неистовствовали.

Свидѣтелями всѣхъ безобразій и неистовствъ мусульманъ были три индуса: Мадху-Рай и двое факировъ. Въ ужасѣ они бѣжали оттуда,—и вѣсть о святотатствѣ мигомъ обошла весь городъ. На другой день, на разсвѣтѣ, массы индусовъ,

вооруженныхъ ражпутовъ, собрались у храма Висвесваръ и не долго думая, отплатили мусульманамъ оскверненіемъ ихъ мечети. Когда мусульмане узнали объ этомъ, они порѣшили отметить индусамъ разореніемъ храма Висвесваръ, и дѣйствительно толпа правовѣрныхъ съ воплями— Хассанъ! Хусейнъ! двинулась по этому направленію. На встрѣчу имъ со всѣхъ концовъ Бенареса стали сбѣгаться ражпуты, вооруженные съ ногъ до головы, а за ними брахманы—съ молитвенными обращеніями къ „Господу всѣхъ“ и съ воплями отчаянія; у святыни обѣ толпы встрѣтились, и произошло великое избіеніе. Обѣ стороны дрались отчаянно, но мусульмане должны были уступить численности и отступили. Отступая, они задумали нанести новое, еще болѣе тяжкое оскорбленіе религіозному чувству своихъ противниковъ: они отправились къ другой святынѣ индусовъ, и тамъ передъ святою колонною бога Сивы зарѣзали корову, окропили ея кровью всѣ мѣста кругомъ, обмазали ею же святую колону, а самое тѣло бросили въ находящійся по сосѣдству священный прудъ; самая колонна была повержена и разбита въ куски.

Когда объ всемъ этомъ узнали индусы,—они были ошеломлены, и не смѣли двинуться къ оскверненному мѣсту. Городъ не спалъ всю ночь, во всю ночь раздавался звонъ колоколовъ во всѣхъ храмахъ; по базару была такая же бѣготня и суетня, какъ днемъ. Всѣ дома были освѣщены, никто изъ индусовъ не смыкалъ глазъ, а по домамъ главнѣйшихъ вожаковъ изъ ражпутовъ обсуждался образъ дѣйствій на слѣдующій день. На другой день индусы надумавшись, выступили рѣшительно съ тѣмъ, чтобы нанести мусульманамъ окончательный ударъ, они сожгли Имамъ-бара, окропили все это мѣсто свиною кровью и произвели избіеніе мусульманъ. Всякій мусульманинъ, старецъ или младенецъ, попадавшійся на глаза,

избивался безпощадно. Волненія и безпорядки продолжались еще нѣсколько дней. Потребовалось вмѣшательство вооруженной силы для укрощенія враждующихъ сторонъ.

Подобныя волненія, быть можетъ не въ такихъ же размѣрахъ, повторяются до нашихъ дней. Въ половинѣ семидесятаго года во многихъ городахъ и мѣстечкахъ Пенжаба произошло избіеніе многихъ мясниковъ мусульманъ. Слѣдствіе показало, что преступленіе было совершено послѣдователями новой сикхской секты, основанной нѣкіимъ Рамъ-Сикхомъ-Кука. Секта эта особенно чтитъ корову. Убійцы были найдены и казнены. Но Куки не успокоились послѣ того: въ январѣ 1872 г. вся секта открыто возмутилась противъ англійскаго правительства. Возстаніе было усмирено очень скоро, хотя съ помощью военной силы. Въ 1871 году въ Амритсарѣ произошло новое волненіе: какой-то мясникъ мусульманинъ, желая насолить индусамъ, бросилъ въ прудъ послѣднихъ коровью кость. Индусы взволновались и не только въ Амритсарѣ, но и по другимъ мѣстамъ Пенжаба дѣло дошло до стычекъ и пролитія крови. Въ нѣкоторыхъ туземныхъ газетахъ въ то время отъ англійскаго правительства требовалось запрещеніе убивать коровъ.

Въ началѣ 1874 года въ Бомбеѣ, среди бѣлаго дня, произошло волненіе мусульманъ, поразившее многихъ своею неожиданностью. Какой-то Парсъ напечаталъ гузератскій переводъ книги В. Ирвинга „Жизнь Магомета“; мусульмане сочли себя оскорбленными: они считали эту книгу пасквилью, и всѣ мусульмане понимавшіе по-гузератски, и не понимавшіе, поднялись какъ одинъ человѣкъ, къ фанатикамъ пристало нѣсколько арабовъ съ судовъ, бывшихъ тогда у Бомбея. 13-го февраля того же года, толпа мусульманъ произвела нападеніе на дома парсовъ; дома разрушались, имущество расхищалось, владѣтели избивались, и такъ продолжалось

нѣсколько часовъ среди бѣлаго дня, въ многолюдномъ городѣ; только вмѣшательство вооруженной силы усмирило и разогнало бунтовщиковъ.

Таковые факты очень хорошо обрисовываютъ отношеніе индусовъ къ мусульманамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что вражда эта вмѣстѣ съ распространеніемъ образованія должна сама собою или прекратиться, или принять менѣе острый характеръ. Но пока мусульманская община всего менѣе поддается вліянію Запада и сторонится отъ англійскихъ школъ.

VIII.

Молодая Индія и Брахмаисты.

1.

Англичане овладѣвъ Индіею, задумали переустроить индійское общество по своему образцу: они захотѣли извнѣ внести въ это общество и быстро создать для него все то, что англійское общество само создавало въ продолженіи столѣтій. Англичане въ Индіи взяли въ свое вѣдѣніе и на свое попеченіе военную защиту, гражданское и уголовное судопроизводство. По иниціативѣ правительства страна покрылась желѣзными дорогами, проведены были каналы, дороги, всѣ общественныя предпріятія, начиная отъ постройки общественныхъ зданій и кончая осушкою болотъ около деревень, воспитаніе народа, больницы, тюрьмы, — все въ Индіи находится подъ покровительствомъ правительства. Всякое научное и промышленное розысканіе предпринимается правительствомъ, и оно же руководитъ имъ; оно приняло на себя обязанность отыскивать мѣры для прекращенія зла отъ періодически повторяющагося голода. Безъ содѣйствія и надзора правительства ни одно изъ муниципальныхъ учрежденій Индіи не проживаетъ и одного дня. Учрежденія эти были заве-

дены англичанами и ими же съ великою заботливостью поддерживаются. Правительство не только въ теоріи, но на самомъ дѣлѣ владѣетъ всею землею въ Индіи и постоянно вмѣшивается въ дѣла своихъ арендаторовъ; такое широкое вмѣшательство правительства въ частныя дѣла, какое дѣйствительно существуетъ въ Индіи, на родинѣ англичанъ было бы вполнѣ немыслимо. Во главѣ общества туземнаго и англійскаго стоятъ высшія оффиціальныя лица. Всѣ не оффиціальные англичане къ какому бы они не принадлежали общественному классу, какъ представители господствующей расы, самими туземцами, быть можетъ, и не совсѣмъ добровольно, почитаются за привелигированное сословіе, за „господъ"—сахабъ-локъ, за лицъ авторитетныхъ. Несомнѣнно, что значеніе и вліяніе англичанъ въ Индіи громадно: они явились дѣйствовать среди народа, который весьма немногіе изъ нихъ до сихъ поръ понимаютъ, и еще меньшее число любитъ; большинство ненавидитъ ту среду, куда оно призвано дѣйствовать и преобразовать которую оно захотѣло, принявъ на себя обязательство не оскорблять туземной религіи и невмѣшиваться въ туземные обычаи. Насколько это обязательство исполнено англичанами, отчасти можно было усмотрѣть изъ нѣкоторыхъ фактовъ, сообщенныхъ на предъидущихъ страницахъ.

Но съ какимъ бы предубѣжденіемъ не посмотрѣлъ на англійское владычество въ Индіи посторонній наблюдатель, со стороны, онъ долженъ однакоже признать: подъ владычествомъ англичанъ страна наслаждается миромъ и порядкомъ, чего она не знала въ продолженіи многихъ столѣтій до нихъ. Онъ долженъ признать кромѣ того, что общественная организація, созданная и поддерживаемая англичанами, принесенная имъ цивилизація ни гдѣ не пустила глубокихъ корней въ индійскомъ обществѣ: ибо конечно нельзя назвать то об-

щество вполнѣ цивилизованнымъ, гдѣ грубое суевѣріе и общественная неправда въ видѣ кастъ вполнѣ господствуютъ. Въ Индіи, дѣйствительно, есть слой общества или вѣрнѣе незначительное меньшинство образованныхъ, неспособныхъ взволноваться изъ-за оскверненія священнаго пруда коровьею костью или не усматривающихъ въ развратномъ учителѣ инкарнаціи бога; но это меньшинство, искусственно созданное англичанами, пока еще не сильно ни численностью, ни умственною производительностью и не вліятельно.

Масса народа, не смотря на всѣ усилія западныхъ цивилизаторовъ, осталась въ Индіи такою же, какою она была до ихъ пришествія, а потому англичане вправѣ утверждать, что какъ скоро они оставятъ въ настоящій моментъ Индію, британскіе порядки погибнутъ,—и страна опять впадетъ въ ту же анархію, въ какой застали ее европейцы въ XVIII ст.

Какъ ни незначительно въ настоящее время образованное меньшинство въ Индіи, но самый фактъ его существованія несомнѣненъ, и несомнѣнно также, что это меньшинство, благодаря англійскому правительству, съ каждымъ годомъ увеличивается; англійскіе порядки вообще и англійскія школы въ частности все болѣе и болѣе измѣняютъ тѣ условія, среди которыхъ фанатизмъ и идолопоклонство растутъ и развиваются.

Мало по малу и въ Индіи старая вѣра какъ бы стала таять на нашихъ глазахъ; подгниваютъ корни этого непроходимаго лѣса.

Все то, что было порождено невѣжествомъ и косностью до англійскаго владычества, поддерживалось политическими смутами и происходившею отсюда общею неувѣренностью и небезопасностью. Но вотъ закончился воинственный періодъ англійскаго владычества, продолжавшійся съ 1846 по 1856 г.

Въ продолженіи двѣнадцати лѣтъ англичане успѣли раз-

сѣять двѣ арміи, разрушить два ново-нарождавшихся царства.

Они смирили суевѣрное бѣшенство индусовъ и безповоротный энтузіазмъ мусульманъ.

На тѣхъ и другихъ они наложили свое ярмо, разоружили Индію. Воинственный періодъ закончился, и началось царство закона и своего рода преуспѣянія. Они даровали туземцамъ личную безопасность. Заведя школы и стараясь о распространеніи образованія, англичане принесли въ Индію высшіе дары цивилизаціи: научный методъ и критическій духъ; они открыли врата, въ которыя хлынули потоки западнаго знанія.

Столкновеніе съ Европою должно было сказаться на развитіи такого даровитаго и умнаго племени, какъ индусы. Толчекъ былъ данъ и—движеніе началось.

Духъ безпокойства сказывается и среди мусульманъ, и среди индусовъ. Старые боги и старыя вѣрованія не исчезли еще и попрежнему дороги массамъ; но передъ вѣяніемъ новаго времени трепещутъ уже косность и невѣжество.

А между тѣмъ юная Индія, Индія прошедшая черезъ англійскія школы, хотя и медленно, но постоянно численно увеличивается и вмѣстѣ съ тѣмъ духъ отрицанія все болѣе и болѣе развивается и распространяется.

Какъ ни слабо это настроеніе, какъ ни мало оно распространено въ настоящее время, никто не сумѣетъ предсказать, какой интенсивности оно достигнетъ съ теченіемъ времени, если англійскіе порядки будутъ продолжаться въ Индіи.

И въ этомъ заключается особенный интересъ современной Индіи и быть можетъ опасность положенія англичанъ въ Индіи.

Туземцы, по крайней мѣрѣ въ меньшинствѣ, утратили гармонію между тѣмъ, что они знаютъ и во что вѣрятъ.

Отсюда—появленіе множества попытокъ возстановить утра-

ченное, возникновеніе множества сектъ, стремленіе образовать вѣру болѣе возвышенную, появленіе такого отвлеченнаго, по формѣ не національнаго ученія, какъ Брахма-самаонъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, правда, пока еще глухо и неясно, туземцы начинаютъ заявлять свои права на самоуправленіе. Лучшіе изъ нихъ задумываются о благосостояніи „Индіи вообще", а не отдѣльной касты или отдѣльной религіозной общины. И эти стремленія и высокія думы въ Индіи существуютъ бокъ о бокъ съ тѣми странными явленіями первобытнаго и суевѣрнаго общества, упоминать о которыхъ мнѣ приходилось такъ часто на предъидущихъ страницахъ.

Есть нѣкоторая аналогія между святыми градами Индіи и современнымъ индійскимъ обществомъ.

Столѣтія блуждали индійцы по духовной пустынѣ; вся ихъ исторія прошла въ исканіи религіозной истины, въ постоянныхъ стремленіяхъ и усиліяхъ выработать высшій идеалъ, въ непрестанныхъ попыткахъ подняться къ чему-то болѣе выспреннему, и въ концѣ концовъ они не сумѣли придать своей религіи католическаго характера, не сумѣли создать скиніи, куда бы сходились всѣ индійскія расы и трибы.

До сихъ поръ страна покрыта множествомъ храмовъ, часовень, монастырей, различными мѣстами молитвъ и жертвоприношеній.

Среди всѣхъ этихъ зданій наблюдатель совершенно теряется: онъ не находитъ ни единства плана, ни прогресса въ религіозномъ сознаніи; присматриваясь къ народнымъ вѣрованіямъ и религіознымъ церемоніямъ, онъ выноситъ впечатлѣніе какой-то мозаики старыхъ и новыхъ суевѣрій.

Этотъ общій характеръ народной религіи сказался и въ большинствѣ индійскихъ храмовъ. Многіе изъ нихъ выстроены на мѣстѣ старыхъ зданій и изъ ихъ остатковъ. Рѣзные колонны съ эмблемами одного бога вставлены въ храмы другого;

фаллическіе символы разставлены по тѣмъ же нишамъ, гдѣ нѣкогда стояли статуи Будды. Мусульманскіе купола покоятся на колоннахъ индійскаго стиля, награбленныхъ изъ храмовъ индійскихъ боговъ. Такіе храмы мы видѣли во множествѣ въ Бихарѣ, и таковъ весь Бенаресъ, „святой городъ“ для множества индусовъ, съ незапамятныхъ временъ ихъ Іерусалимъ.

Бенаресъ—городъ древній, городъ святой, выстроенъ амфитеатромъ на берегу рѣки; изъ конца въ конецъ, на протяженіи болѣе четырехъ миль, надъ спусками (гхатъ) къ святой рѣкѣ тянется вереница храмовъ, многоэтажныхъ дворцовъ, надъ ними выше опять храмы и высокіе дома среди вѣчно зеленыхъ деревъ. Рѣка во всякое время дня усыпана лодками, а по гхатамъ толпы разнообразныхъ странниковъ, богомольцевъ торгашей, лодочниковъ. Здѣсь у этихъ святынь процвѣтаютъ торговля, религія и удовольствія. По узкимъ улицамъ старого города толпы народа съ цвѣтами въ рукахъ стремятся къ алтарямъ и святымъ источникамъ. Дикія изувѣры стоятъ или сидятъ на перекресткахъ, не измѣняя въ продолженіи цѣлыхъ годовъ разъ принятаго положенія. Всюду толпы нищихъ, шутки и смѣхъ у алтарей и святыхъ ключей. Это городъ—тысячалѣтіями считающій свою исторію, городъ легіона боговъ, гдѣ чтутъ корову и обезьяну, куда умирать стремится всякій индусъ, — на самомъ дѣлѣ представляетъ весьма мало древняго, и все древнее является среди новой оригинальной обстановки; онъ весь напоминаетъ тѣ индійскіе храмы, о которыхъ сейчасъ было говорено. Снуя по городу, любопытный антикварій, дѣйствительно, можетъ отыскать нѣсколько высоко изящныхъ колоннъ и карнизовъ въ подновленныхъ храмахъ, напр. у Висвесвара, обломки будійскихъ статуй и святынь въ мусульманскихъ мечетяхъ и новобрахманическихъ храмахъ, но пусть тотъ же антикварій броситъ

взглядъ на грандіозный рядъ дворцовъ и храмовъ по набережной Ганга,—здѣсь все ново, ибо все древнее погибло еще во времена Аурангзеба, и высокіе минареты его мечети, невольно бросающіеся въ глаза, какъ бы говорятъ о новомъ періодѣ въ исторіи Индіи.

Рядомъ съ этимъ идолопоклонствомъ, въ Бенаресѣ есть свободная пресса, „Government college", есть туземцы, зачитывающіеся англійскими книгами и газетами, умѣреннолиберально, но иногда умно и съ толкомъ критикующіе своихъ правителей. Поговорите съ любымъ изъ нихъ, и онъ вамъ скажетъ, что одного образованія имъ (туземцамъ) мало, что они жаждутъ еще большаго отъ правительства, именно самоуправленія. Они ищутъ знанія, не изъ одной отвлеченной любви къ нему: имъ нужна осязательная награда за ихъ трудъ, т. е. участіе въ управленіи страною.

Толчекъ, данный Индіи изъ Европы, произвелъ тамъ странныя явленія. Индія стремительно развивается; едва ли въ жизни другой какой страны бывалъ такой быстрый переходъ изъ одного фазиса развитія въ другой.

Англичане настроили въ Индіи желѣзныхъ дорогъ прежде, нежели сами индійцы додумались до сознанія пользы и необходимости шоссейныхъ. Такой же прыжокъ они заставили индійца сдѣлать въ его умственномъ развитіи, подъ вліяніемъ ихъ школъ, отъ пуранъ и тантръ онъ перешелъ прямо къ Дарвину и Бёклю.

2.

Новое индійское религіозное движеніе и умственное состояніе индійской молодежи есть невольное созданіе англичанъ, ихъ законоположеній и системы воспитанія, революціонно дѣйствующихъ на индійское общество.

Съ 1854 въ основаніи народнаго просвѣщенія принята новая система, которой правители Индіи держатся по сіе

время; они преслѣдуютъ двоякую цѣль: массамъ народа доставить начальное образованіе и высшее достаточнымъ классомъ. Европейское знаніе распространяется на языкахъ, доступныхъ большинству народа; и хотя изученіе англійскаго языка всячески поощряется, но вмѣстѣ съ тѣмъ обращено должное вниманіе и на изученіе мѣстныхъ языковъ и литературъ.

Въ каждомъ президентствѣ и губернаторствѣ есть особый департаментъ просвѣщенія, управляемый *директоромъ*, и кромѣ того есть *инспекторы просвѣщенія*, ихъ помощники, вѣдѣнію которыхъ подлежатъ школы и коллегіи, поддерживаемыя или управляемыя правительствомъ; на обязанности инспекторовъ лежитъ наблюдать за экзаменами и руководить преподавателями. Одновременно съ введеніемъ этой системы были основаны университеты. Университеты Индіи не имѣютъ никакого сходства съ нашими; они устроены по образцу лондонскаго; то суть учрежденія для оцѣнки воспитанія, полученнаго въ школахъ и коллегіяхъ и для раздачи ученыхъ степендій. Такихъ университетовъ три въ Индіи: въ Калкуттѣ, Бомбеѣ и Мадрасѣ. Въ то время уже т. е. въ 1854 г. въ Бенгаліи было пять коллегій (Government Colleges), кромѣ того Sanskrit College и Мусульманское Медресе; въ сѣверозападныхъ провинціяхъ пять коллегій. Въ бомбейскомъ президенствѣ было три коллегіи: Elphinstone Institution, Poona Callege и Grant Medical Callege; въ Мадраскомъ: Высшая школа (High School).

За этими высшими учебными заведеніями учреждены были высшія *Zillah school*, т. е. школы приготовляющія къ вступительному экзамену въ университетъ, иными словами къ поступленію въ одну изъ названныхъ коллегій. Каждое изъ среднихъ учебныхъ заведеніи имѣетъ въ своемъ распоряженіи нѣсколько стипендій (schalarship), назначенныхъ для поощренія

тѣхъ, кто поступаетъ въ коллегіи и за тѣмъ ищетъ ученыхъ степеней.

Но кромѣ того правительство, какъ выше было сказано, преслѣдовало еще другую цѣль; оно желало доставить массѣ народа возможность пріобрѣтать запасъ свѣдѣній, необходимыхъ для людей находящихся въ самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеніяхъ. Правительство желало придти на помощь къ тѣмъ, кто безъ этой помощи не могъ бы образоваться. Съ этой цѣлью устроены были двоякаго рода школы: въ однѣхъ преподаваніе велось на англійскомъ языкѣ, въ другихъ на мѣстныхъ нарѣчіяхъ; въ тѣхъ и другихъ были стипендіи, учрежденныя съ цѣлью привлекать учениковъ къ высшему образованію, доставлять имъ возможность переходить въ высшія учебныя заведенія.

Правительство, проводя эту систему народнаго просвѣщенія, не могло игнорировать зачатковъ туземнаго народнаго просвѣщенія. Въ Бенгаліи и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ Индіи уже въ старь были туземныя начальныя школы (патсала), высшія—для изученія санскрита и священной индусской литературы (толъ), школы для изученія корана.

Патсалы до сихъ поръ существуютъ въ Бенгаліи; преподаваніе въ нихъ ведется на мѣстномъ нарѣчіи и исчерпывается слѣдующими предметами: чтеніе, письмо и элементарная ариѳметика. Учитель получаетъ въ мѣсяцъ около пяти рупи (т. е. немного менѣе полфунта стерлинговъ). Число учениковъ не одинаково въ различныхъ школахъ; въ нѣкоторыхъ оно не превышаетъ 10 или 12, въ другихъ доходитъ до 50 или 60. Количество этихъ школъ, находящихся нынѣ въ вѣдѣніи помощниковъ инспектора въ Бенгаліи, возростаетъ съ каждымъ годомъ. Въ 1872 ихъ было 2,719, въ слѣдующемъ году число ихъ доросло до 10,787, а число учащихся достигло 255,728; въ 1874—75 было открыто 1050 новыхъ

школъ и число учащихся увеличилось на 36.095; въ 1875—76 году было открыто только 376 новыхъ школъ, но число учащихся повысилось на 30.891. Въ это число не включены школы, не находящіяся въ вѣдѣніи правительства.

Расходы по народному просвѣщенію въ Бенгаліи достигаютъ 100,000 ф. ст.; около половины этой суммы (190,000 ф. ст.) собирается съ народа, остальное доплачивается государствомъ.

Въ сѣверозападныхъ провинціяхъ индіи народныя школы называются *халкабанди*; онѣ устраиваются въ центрѣ и въ ближайшемъ разстояніи отъ нѣсколькихъ деревень, и бываютъ трояваго рода: 1) правительственныя, число которыхъ въ 1875 году доходило до 4,080 съ 146,181 учащихся; 2) *частныя*, получающія субсидію отъ правительства; 58 и 2,299 учащихся; 3) *частныя*, не получающія правительственной субсидіи: 5,109 и 62,889 учащихся. Учитель въ школахъ, именуемыхъ халкабанди, получаетъ отъ 10 ф. ст. до 11 ф. ст. въ годъ. Преподаваніе ведется на Хинди или Урду и обнимаетъ исторію, географію и ариѳметику. Въ нѣкоторыхъ школахъ преподается персидскій языкъ.

Таковыя же элементарныя школы подъ другими названіями и съ нѣкоторыми измѣненіями разсѣяны по всей Индіи; въ 1872—73 году число всѣхъ элементарныхъ школъ въ Британской Индіи достигало 30,477, а число учащихся 963,000. Съ тѣхъ поръ число какъ тѣхъ, такъ и другихъ возросло. Въ нѣкоторыхъ независимыхъ владѣніяхъ заводятся также элементарныя школы по образцу существующихъ въ британской Индіи.

Элементарныя школы главнымъ образомъ назначены для сельскаго населенія; средніе же школы устроены для городского населенія. Въ Бенгаліи въ нѣкоторыхъ изъ этихъ послѣднихъ школахъ преподаваніе ведется на англійскомъ язы-

кѣ, въ другихъ на мѣстномъ языкѣ. Въ 1872—73 г. всѣхъ такихъ школъ было 1,374 съ 66,515 учащимися. Изъ этого числа 432 школы съ 22,038 учащимися принадлежали къ первому разряду, т. е. имѣли преподаваніе на англійскомъ языкѣ.

По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, школы эти наиболѣе поддерживаются народомъ; но и правительство даетъ имъ также субсидію. Плата за посѣщеніе классовъ этихъ школъ отъ 11 рупи 12 анна до 16 рупи 3 анна. Въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ среднія школы не учатъ англійскому языку. Но школы съ англійскимъ языкомъ встрѣчаются въ Пенджабѣ. Общее число ихъ въ Британской Индіи, въ 1872—73 г. было 2,506 съ 144,538 учащихся.

Затѣмъ идутъ высшія школы, имѣющія своею цѣлью приготовлять къ вступительному экзамену въ университетъ; въ высшихъ школахъ не только учатъ англійскому языку, но и все преподаваніе ведется на этомъ языкѣ. Онѣ устроены во всѣхъ главныхъ городахъ округовъ и при всѣхъ университетскихъ коллегіяхъ. Высшія школы бываютъ не только правительственныя, или получающія правительственную субсидію, но устраиваются также и на частныя средства.

Для приготовленія преподавателей во всѣ эти школы въ Индіи заведены особыя нормальныя школы. Въ 1872—73 году въ Бенгаліи было 28 таковыхъ школъ съ 1,319 учащихся. Изъ этихъ школъ выходятъ *Гуру*, или сельскіе учителя, и *Пандиты*, т. е. учителя для среднихъ школъ. Въ нормальной школѣ Патны преподается также англійскій языкъ. Курсъ въ этихъ школахъ продолжается три года и обнимаетъ слѣд. предметы: географію, исторію, геометрію и другія части математики. Число нормальныхъ школъ пока незначительно, но онѣ заведены по всей Индіи: въ трехъ президенствахъ, въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ, гдѣ въ

12 школахъ приготовляются учителя и учительницы, и даже въ Пенжабѣ есть девять нормальныхъ школъ.

Высшее образованіе доставляютъ университетскія коллегіи. Таковыхъ коллегій въ Бенгаліи 15; десять коллегій учреждены правительствомъ; пять на частныя средства и получаютъ субсидію отъ правительства. Въ этихъ коллегіяхъ, черезъ два года по выдержаніи вступительнаго экзамена учащійся держитъ экзаменъ, именуемый *First Arts*; черезъ два года послѣ того онъ держитъ экзаменъ на степень *Bachelors*. Въ девяти изъ Бенгальскихъ коллегій изучается юриспруденція; для изученія медицины въ 1835 году была основана лордомъ Бентинкомъ Medical College of Bengal. Санскритская коллегія (Calcutta Sanskrit College) была основана въ 1824 г. Въ этихъ же коллегіяхъ производятся экзамены для поступленія на гражданскую службу. Въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ четыре коллегіи правительственныя, четыре учреждены на частныя средства и получаютъ правительственную субсидію. При всѣхъ этихъ коллегіяхъ учреждены стипендіи; стипендіи эти не одинаковы, — такъ студенты до выдержанія перваго экзамена получаютъ отъ 4 до 5 рупи въ мѣсяцъ, выдержавшій первый экзаменъ можетъ получать стипендію въ 10 рупи (т. е. одинъ фунтъ ст. въ мѣсяцъ); получившій степень *Bachelor* имѣетъ право на стипендію въ 18 рупи. Для имѣющихъ степень Master of Arts есть также стипендія въ 25 рупи.

Нѣкоторыя изъ индійскихъ коллегій даютъ спеціальное образованіе, напр. Agra Medical College или Rurki Civil Engineerig College. Въ Пенжабѣ двѣ коллегіи, подчиненныя Лагорскому университету. Бомбейскому университету подчинено шесть коллегій, мадрасскому— тринадцать.

Число выдержавшихъ экзаменъ въ университетъ въ десять лѣтъ измѣнилось такимъ образомъ: въ 1865—66 г. въ калькуттскомъ университетѣ выдержало 510 вступительный

экзаменъ; 202—First Arts Examination; 79—B. A., черезъ десять лѣтъ (1874—75) цифры эти измѣнились такимъ образомъ: 1) 966, 2) 193, 3) 90.—Въ Мадрасскомъ университетѣ въ 1865—66 г. вступительный экзаменъ выдержало 229, First Arts Examination—76; B. A.—6. Въ 1874—75 первыхъ было—781; вторыхъ—184; третьихъ—55. Въ Бомбейскомъ университетѣ въ 1865—66 г. вступительный экзаменъ держало—111; First Arts Examination—46; B. A.—12; въ 1875—76 г. первыхъ было—212; вторыхъ—74; третьихъ—30.

Индійскіе университеты были учреждены въ 1857 г. въ приснопамятный годъ индійскаго возстанія. Въ Калькуттскомъ университетѣ держатъ экзамены изо всей Бенгаліи, Сѣверо-Западныхъ провинцій, Ауда и Центральныхъ провинцій. Университетъ управляется Синдикатомъ, состоящимъ изъ Vice-Chancellor, и шести членовъ Сената: это правленіе разсматриваетъ учебники, назначаетъ предметы преподаванія и распоряжается экзаменами. То же устройство и та же система экзаменовъ какъ въ Калькуттскомъ университетѣ существуютъ и въ двухъ другихъ университетахъ: Бомбейскомъ и Мадрасскомъ. Оба послѣднихъ были основаны въ одинъ годъ съ первымъ, но располагаютъ не одинаковыми средствами.

Въ 1872—73, въ британской Индіи включительно съ Бирмой было 40,700 учебныхъ заведеній, 1.280,940 учащихся и на все это затрачено было 758,337 ф. ст.

Всего менѣе процвѣтаетъ женское образованіе въ Индіи. Въ 1873 году въ Бенгаліи было 245 школъ для дѣвочекъ: всѣ онѣ за исключеніемъ одной были учреждены на частныя средства. Въ Сѣверо-западныхъ провинціяхъ въ томъ же году было 420 школъ и 8,130 ученицъ. Въ Бомбейскомъ президентствѣ было 11,000 ученицъ, а въ Мадрасскомъ 11,330 Во всей британской Индіи насчитывалось 1,640 женскихъ школъ съ 57,000 учащимися.

Кромѣ школъ англичане завели по большимъ городамъ музеи для распространенія въ народѣ разнообразныхъ познаній. Калькуттскій Indian Museum, или Бомбейскій Government Central Museum пользуются общею извѣстностью, обладаютъ обширными библіотеками и богатыми разнообразными коллекціями. Независимо отъ правительства, много школъ по Индіи заводится различными христіанскими миссіонерами, число которыхъ въ 1872 г. достигало 606. Кромѣ переводовъ священнаго писанія ими было издано множество учебныхъ книгъ и пособій, для изученія мѣстныхъ языковъ. Заслуги миссіонеровъ по части народнаго образованія такъ значительны, что не отрицаются даже тѣми туземцами—не христіанами, для которыхъ дѣло народнаго образованія близко и дорого.

3.

Даровавъ Индіи такую систему народнаго образованія, англичане не ограничились однимъ этимъ. По ихъ же инищіативѣ, въ Индіи явилась почти всюду новая литература: на всѣхъ главнѣйшихъ нарѣчіяхъ Индіи существуетъ учебная литература. Результаты европейской науки дѣлаются доступными туземцамъ въ переводахъ и болѣе или менѣе умѣлыхъ компиляціяхъ.

Въ послѣднее время въ европейскихъ газетахъ весьма много говорилось о цензурѣ въ Индіи. Новое законоположеніе имѣетъ главнымъ образомъ въ виду прессу на туземныхъ языкахъ, которая такъ же, какъ и все европейское въ Индіи, была заведена тамъ англичанами. 23 мая 1818 года начала издаваться первая газета на туземномъ языкѣ: газета *Дарпанъ*, печаталась въ Серампурѣ. Инищіатива всего дѣла исходила отъ миссіонеровъ. Появленіе первой газеты на туземномъ языкѣ было встрѣчено очень благосклонно англо-индійскимъ правительствомъ. Тогдашній генералъ-губерна-

торъ Маркизъ Гастингсъ въ письмѣ къ издателямъ выразился такъ: It is salutary for the supreme authorety to look to the control of public scrutiny.

Англичане, заводя въ Индіи газеты, поступали въ данномъ случаѣ совершенно такъ же, какъ и при всѣхъ своихъ реформахъ въ Индіи; основывая туземную прессу, они имѣли въ виду ассимилировать индійское общество своему родному. Англичанину необходимо свободное обсужденіе общественныхъ дѣлъ; утвердивъ британское правленіе въ Бенгаліи, онъ заводитъ тамъ же прессу, даруетъ покоренному народу право свободно высказывать свое мнѣніе, по поводу общественныхъ событій. При этомъ упускалось только изъ виду, насколько этотъ народъ дѣйствительно жаждетъ этого права; на сколько оно ему нужно и могъ-ли онъ вполнѣ оцѣнить даръ и воспользоваться имъ. Туземная пресса, заведенная англичанами въ Бенгаліи, въ настоящее время по всей Индіи развилась и разраслась до довольно значительнаго числа различныхъ періодическихъ изданій. Большинство изданій конечно не могутъ считаться представителями общественнаго мнѣнія: они не серьезны и удовлетворяютъ главнымъ той народной потребности, которая заставляетъ индійца идти на базаръ и подбирать тамъ всѣвозможные вѣроятные и невѣроятные слухи.

Одновременно съ газетою Дарпанъ въ Серампурѣ сталъ издаваться журналъ Дигдашанъ. Вскорѣ послѣ того появился *Brahmanical Magazine*, издававшійся знаменитымъ Рамъ-МаханъРойемъ. Періодическая литература несомнѣнно оказала одну великую услугу: она обогатила, очистила бенгальскій языкъ и создала литературный стиль. Пресса сдѣлала въ Индіи относительно языка то же, что было сдѣлано въ Италіи Данте или въ Германіи Лютеромъ.

Съ внѣшней стороны, индійскія газеты отличаются отъ

европейскихъ громкими названіями, въ родѣ слѣдующихъ: Полнолуніе, Благожелатель Народа, Солнце Бенгаліи, Совершитель Благополучія, Связка Любопытнаго, Благодѣтель, и т. д.

На листахъ этихъ газетъ съ громкимъ названіемъ, издающихся частью внутри страны, читатель найдетъ картины и описанія жизни не девятнадцатаго столѣтія. Онъ убѣдится, что Британское вліяніе не затронуло еще весьма многаго въ Индіи. Деревня осталась еще такою же, какою она была нѣсколько столѣтій тому назадъ.

Всѣхъ періодическихъ изданій въ Индіи (въ 1874—75) насчитываютъ 382 на мѣстныхъ языкахъ и 166 на англійскомъ. Всего болѣе таковыхъ изданій въ Бенгаліи, именно 102; 88—на бенгальскомъ языкѣ; 49—на англійскомъ; 14—на двухъ языкахъ, англійскомъ и бенгальскомъ. Въ Мадрасскомъ президентствѣ число періодическихъ изданій—58; въ бомбейскомъ—86; въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ—65; въ Пенжабѣ—32. Въ остальныхъ частяхъ Индіи число періодическихъ изданій ничтожно.

Среднимъ числомъ, газеты имѣютъ около четырехъ сотъ подписчиковъ, но конечно число читателей гораздо значительнѣе, такъ какъ газеты выписываются въ складчину и изъ рукъ въ руки передаются, или же читаются однимъ подписчикомъ въ слухъ нѣсколькимъ другимъ. Сельское населеніе, земледѣльцы и рабочіе мало читаютъ газеты: они удовлетворяются тѣмъ, что имъ другіе поразскажутъ изъ газетъ. Но лавочники, старшины, школьные учители, мелкіе люди по судамъ и въ качхари зачитываются газетами. Туземная пресса особенно страшна для мелкихъ чиновниковъ изъ туземцевъ: ея обличенія безпощадны и обыкновенно бываютъ очень рѣзки. Многіе изъ тѣхъ-же чиновниковъ любятъ

популярничать и бываютъ весьма довольны, когда какая нибудь газета скажетъ о нихъ доброе слово.

Въ Бенгаліи большинство газетъ издается людьми, прошедшими черезъ университетъ и знающими кое что и внѣ Индіи; бенгальскія газеты поэтому распространены среди болѣе или менѣе образованнаго класса. Бомбейскія газеты не многимъ отличаются отъ бенгальскихъ: Мадрасская же туземная пресса нѣсколько слабѣе.

Въ лучшихъ изъ туземныхъ газетъ весьма часто встрѣчаются очень длинныя передовыя статьи по мѣстнымъ вопросамъ. Къ такимъ газетамъ въ Бенгаліи нужно отнести издающуюся съ 1853 г. еженедѣльную газету по-англійски *The Hindu Patriot*. Газета эта вполнѣ независимая, но не враждебная британскому правительству; она считается весьма многими за національный органъ всей Индіи: The Hindu Patriot съ достоинствомъ высказываетъ нужды, желанія и чувства туземцевъ. Правительство и общество съ должнымъ вниманіемъ прислушиваются къ мнѣніямъ этого органа. Наиболѣе распространенною газетою въ Бенгаліи нужно считать Амрита-базаръ-Патрика; число ея подписчиковъ достигаетъ до 1,500. Эта газета очень враждебна англичанамъ. Къ числу лучшихъ газетъ Бенгаліи, принадлежитъ также Муршедабадъ-Патрика, отличающаяся либеральнымъ направленіемъ и религіознымъ индеферентизмомъ.

Въ бомбейскомъ президентствѣ туземная пресса—главнымъ образомъ въ рукахъ Парсовъ, сильно англизированныхъ. Лучшими газетами считаются три *Растъ-Гофтаръ, Инду Пракашъ, Гузератъ Митра.* Послѣдняя газета издается Динъ-шахъ-ардеширомъ, извѣстнымъ индійскимъ публицистомъ. Въ Мадрасскомъ президентствѣ, при очень хорошихъ англійскихъ газетахъ, туземная пресса, какъ уже выше было сказано, очень слаба. Она находится въ рукахъ Му-

сульманъ, урожденцевъ Южной Индіи. Туземныя газеты въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ весьма часто именуются фамиліями бывшихъ англійскихъ генералъ-губернаторовъ или губернаторовъ, напр.: Lawrence Gazette, Muir Gazette, Strachey Gazette, Mayo Gazette. Въ этихъ газетахъ, весьма плохенькихъ и не имѣющихъ большого вліянія, очень много говорится объ Авганистанѣ, о русскихъ успѣхахъ въ Средней Азіи и т. п.

4.

Однимъ изъ самыхъ любопытныхъ явленій въ современной Индіи несомнѣнно нужно считать Брахмаизмъ. Брахмаизмъ есть какъ бы необходимое слѣдствіе реформаторской политики англичанъ; по своимъ конечнымъ цѣлямъ и задачамъ онъ долженъ почитаться полнымъ отрицаніемъ старой Индіи. Можно спорить о томъ, насколько эта секта живуча и сильна, но едвали возможно отрицать знаменательность ея появленія среди индійскаго общества.

Брахмаизмъ, новая индійская секта деистовъ, возникла въ началѣ настоящаго столѣтія въ Бенгаліи среди лицъ, получившихъ европейское образованіе, знакомыхъ съ англійскою литературой и ученіемъ корана. Исторія ея начинается съ Рамъ-маханъ-роя (1774—1833 гг.), брахмана высоко образованнаго и богато одареннаго отъ природы. Онъ родился въ области Бардванъ, въ городѣ Радханагарѣ. Отецъ его, человѣкъ очень богатый и занимавшій оффиціальное положеніе при мусульманскихъ властителяхъ, задумалъ дать сыну такое образованіе, какое тогда требовалось въ Индіи отъ туземцевъ, желавшихъ поступить на правительственную службу. Съ этою цѣлью молодой Рамъ-маханъ-рой былъ отправленъ въ Патну, для изученія арабскаго и персидскаго языка. Здѣсь, читая коранъ, Аристотеля и Евклида въ арабскихъ переводахъ, онъ сталъ задумываться о смыслѣ окружавшаго его

идолопоклонства. Позднѣе отецъ послалъ его въ Бенарессъ изучать санскритскій языкъ; изученіе священной индійской литературы дало результаты, совершенно нежданные отцомъ и всею семьею. На шестнадцатомъ году Рамъ-маханъ-рой выступилъ съ полемическимъ трактатомъ противъ родной религіи. Эта выходка глубоко оскорбила отца, строгаго индуса; между нимъ и сыномъ произошло охлажденіе, онъ запретилъ сыну возвращаться домой. Рамъ-маханъ-рой отправился путешествовать. Четыре года странствій онъ употребилъ на ближайшее ознакомленіе съ различными религіями, изъѣздилъ всю сѣверную Индію и заходилъ даже въ Тибетъ. Наконецъ, настоянія матери убѣдили отца; старикъ простилъ сына и призвалъ его къ себѣ. На двадцать-второмъ году Рамъ-маханъ-рой сталъ учиться англійскому языку, которымъ впослѣдствіи владѣлъ въ совершенствѣ; его важнѣйшіе трактаты написаны по-англійски. Вскорѣ по возвращеніи домой онъ поступилъ на службу Остъ-Индской компаніи, на которой и состоялъ до 1814 года. Въ этомъ году онъ оставилъ службу и переѣхалъ въ Калькутту, гдѣ предался осуществленію своихъ завѣтныхъ плановъ. Въ Калькуттѣ онъ прожилъ до 1831 года: здѣсь написаны имъ были важнѣйшія изъ его сочиненій, какъ по религіознымъ, такъ и по соціальнымъ вопросамъ.

Въ это время Англичане задумали уничтожить извѣстное индусское установленіе, *сати*, то-есть, сожиганіе вдовъ; реформа эта встрѣтила сильную оппозицію въ мѣстномъ обществѣ, и особенно между брахманами. Рамъ-маханъ-рой, человѣкъ независимый по своему положенію и богатству, не состоя уже болѣе на службѣ англійскаго правительства, объявилъ себя его сторонникомъ. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій, появившемся еще до уничтоженія жестокаго обычая, онъ пишетъ, обращаясь къ защитникамъ сожиганія вдовъ,

слѣдующее: „Недостатки, которые вы приписываете женщинамъ, не природою вкоренены въ ихъ характеръ, а потому было бы весьма преступно, вслѣдствіе одной предосторожности, осуждать этотъ полъ на смерть. Приписывая женщинамъ всякаго рода неприличное поведеніе, вы, дѣйствительно, съ успѣхомъ убѣдили индійское общество смотрѣть свысока на нихъ, какъ на существа презрѣнныя и зловредныя, и оттого онѣ были подвержены постояннымъ бѣдствіямъ. По этому поводу я имѣю сдѣлать нѣсколько замѣчаній. Вообще женщины физически слабы и менѣе энергичны, нежели мужчины; вслѣдствіе того, мужчины общины, воспользовавшись ихъ тѣлесною слабостью, стали отрицать у женщинъ тѣ высокія достоинства, на которыя онѣ имѣютъ притязанія по природѣ; и затѣмъ они были готовы говорить, что женщины, по своей природѣ, не способны пріобрѣсти эти способности. Но по зрѣломъ обсужденіи вопроса, легко удостовѣриться, согласуется или нѣтъ ваше обвиненіе съ истиной. Что касается до ихъ низшаго пониманія, когда вы честно давали имъ случай выказывать природныя способности? Какъ же вы можете обвинять ихъ въ недостаткѣ пониманія? Если лицо, которому передавалось знаніе и мудрость, не можетъ обнять и удержать всего того, что ему передавалось, такое лицо мы можемъ считать недостаточно умнымъ; но такъ какъ вообще вы лишаете женщинъ воспитанія и познанія, а потому, по справедливости, вы не можете объявлять ихъ низшими... Вы обвиняете ихъ въ недостаткѣ рѣшительности, и я очень удивленъ этимъ: ибо не безпрестанно ли видимъ мы въ странѣ, гдѣ слово „смерть“ заставляетъ содрогаться мужчину, женщина, отъ крѣпости духа, предлагаетъ себя на сожженіе вмѣстѣ съ тѣломъ ея умершаго мужа; и все-таки вы обвиняете этихъ женщинъ въ недостаткѣ рѣшительности!“ (The last days in England of the Rajah Rammohun Roy. Cal-

cutta. 1866), стр. 87. Эта важная реформа и многія другія были проведены правительствомъ не безъ содѣйствія Рамъ-маханъ-роя. Къ нему обращалось остъ-индское правительство постоянно за разъясненіями по разнымъ вопросамъ, какъ въ Индіи, такъ и въ Англіи, куда онъ поѣхалъ въ 1831 году, и гдѣ умеръ въ 1833 году, въ Бристолѣ.

Рамъ-маханъ-рой, находясь постоянно въ сношеніяхъ съ Англичанами, поддерживая правительство во всѣхъ прогрессивныхъ начинаніяхъ, остался при всемъ томъ Индусомъ, не сдѣлался христіаниномъ, не лишился своей касты и не порвалъ связей съ роднымъ обществомъ, въ которомъ у него было болѣе враговъ, нежели друзей. Онъ стоялъ на рубежѣ между старымъ и новымъ и искалъ оправданія и поддержки своимъ новымъ начинаніямъ въ древнихъ индійскихъ книгахъ. Эта смѣсь новаго, не индійскаго, съ старыми предразсудками поражала его современниковъ; онъ писалъ, напримѣръ, слѣдующее: „Изъ личнаго опыта я выношу убѣжденіе, что чѣмъ болѣе будетъ общенія между нами и Европейцами, тѣмъ болѣе будетъ успѣха въ литературныхъ, общественныхъ и политическихъ цѣляхъ“ (ibid., стр. 99). Но въ то же время онъ держался нѣкоторыхъ предписаній касты: ни разу не пообѣдалъ съ Европейцемъ, хотя и сиживалъ за обѣдами Европейцевъ. Стараясь всею душой о распространеніи деизма въ Индіи, онъ завелъ въ своемъ домѣ общество Брахма-сабха (божье общество); въ этомъ обществѣ изучались, между прочимъ, и Веды, но въ отдѣльной комнатѣ и въ присутствіи однихъ брахмановъ, остальные члены общества не допускались туда; можетъ быть, это и было причиною того, что брахманисты такъ долго искали въ Ведахъ деизма.

Рамъ-маханъ-рой не написалъ ни одного сочиненія, въ которомъ излагались бы его вѣрованія вполнѣ и систематично; но онъ издалъ многіе переводы древнихъ санскритскихъ

философскихъ трактатовъ (упанишадъ) съ болѣе или менѣе обширными предисловіями и напечаталъ нѣсколько антологій, напримѣръ: „Selections from sevaral books of the Vaidanta“. Такой родъ сочиненій всего ближе подходилъ къ его задачѣ, какъ онъ ее понималъ: „Ни въ одномъ изъ моихъ сочиненій или въ словесныхъ разсужденіяхъ, говоритъ онъ, — я не притязалъ на преобразованіе или открытіе ученія о единствѣ Бога, а также не принималъ названія реформатора или открывателя; чуждый такимъ притязаніямъ, въ каждомъ обнародованномъ мною трудѣ я настаивалъ, что ученіе о единствѣ Бога есть настоящій хиндуизмъ, какъ эта религія понималась нашими предками и какъ она извѣстна и въ настоящее время многимъ ученымъ брахманамъ“ (A Defence of Hindoo Theism, стр. 2). Въ одномъ изъ своихъ позднѣйшихъ сочиненій, онъ утверждаетъ, что не только Веды, но и Пураны, Тантры суть „састры“, то-есть, книги священныя, и ихъ изреченія для него имѣютъ значеніе авторитета. Онъ делаетъ, потому что, по его словамъ, „тексты Ведъ единогласно доказываютъ божественность того существа, которое внѣ пониманія и превыше всякаго описанія“ (Preface to the translation of the Ishopanishad, стр. 1). Правда, „Веды, Пураны, Тантры очень часто утверждаютъ множество боговъ и богинь... но эти мѣста нужно понимать въ иносказательномъ смыслѣ“ (ibid., стр. 4)... „Я, говоритъ онъ о себѣ, — былъ первый указавшій безсмысленность идолопоклонства и настаивавшій на необходимости чистаго божественнаго служенія, предписываемаго Ведами, Смрити и Пуранами“.

Сильно нападая на идолопоклонство своихъ соотечественниковъ, Рамъ-маханъ-рой рисовалъ мрачными красками ихъ современную религію: „Индійцы нашего времени крѣпко вѣрятъ въ дѣйствительное существованіе многочисленныхъ боговъ и богинь, изъ коихъ каждый обладаетъ полною и не-

зависимою мощью въ своей области; для умилостивленія ихъ, а не истиннаго Бога, воздвигаются храмы, совершаются обряды... На образа боговъ они взираютъ не только какъ на средство возвысить умъ до уразумѣнія этихъ предполагаемыхъ существъ: образа суть сами по себѣ предметы почитанія; ибо всякій индусъ, купившій на базарѣ идола, или создавшій его своими руками, или заставившій подъ своимъ наблюденіемъ содѣлать таковой, не уклоняется отъ обычая совершать обряды, называемые *Prânpratishtha*, или „дарованіе дыханія"; черезъ эти обряды, онъ вѣруетъ, природа идола становится отличною отъ матеріала, изъ котораго онъ былъ созданъ; идолъ не только оживаетъ, но и начинаетъ обладать сверхъестественными силами. Черезъ короткое время послѣ того, если идолъ мужескаго пола, его женятъ на идолѣ женскаго пола, съ торжественностью и великолѣпіемъ не меньшими, чѣмъ при праздновании брака собственныхъ дѣтей. Таинственный процессъ этимъ заканчивается; богъ и богиня начинаютъ считаться полновластными заправителями судебъ и постоянно пользуются пламеннымъ обожаніемъ. Въ то же самое время поклонникъ образовъ приписываетъ имъ заодно природы человѣка и сверхъестественныхъ существъ. Заботясь о ихъ предполагаемыхъ потребностяхъ, какъ живыхъ существъ, каждое утро и вечеръ, онъ видимо кормитъ или предполагаетъ, что кормитъ ихъ; какъ въ жаркое время онъ заботливо опахиваетъ ихъ, такъ въ холодное, одинаково внимательный къ ихъ удобствамъ, днемъ прикрываетъ идола теплыми одѣяніями, а на ночь кладетъ въ уютную кровать. Суевѣріе еще не здѣсь находитъ свой предѣлъ: о дѣйствіяхъ, рѣчахъ идоловъ, о принятіи ими различныхъ формъ и цвѣтовъ важно разсказываютъ брахманы, обольщенные же поклонники, крѣпко, со всѣми знаками почтенія, вѣруютъ въ это (ibid., стр. 8). „Много ученыхъ брахмановъ вполнѣ со-

знаютъ безразсудство идолопоклонства и очень хорошо знаютъ природу болѣе чистаго богопочитанія. Но такъ какъ въ обрядахъ, церемоніяхъ и празднествахъ они обрѣтаютъ источникъ своихъ удобствъ и богатства, то не только не упускаютъ случая защищать идолопоклонство отъ нападокъ, но и поддерживаютъ и распространяютъ его всѣми силами, скрывая отъ остальнаго народа знаніе писанія" (ibid., стр. 6).

Изданія Рамъ-маханъ-роя, не смотря на свою малую притязательность, производили сильное впечатлѣніе и сразу вызвали сильную оппозицію, подъ знамя которой соединились всѣ доселѣ разъединенные члены индійскаго общества. Его не столько старались опровергать, сколько запугать; были даже покушенія на его жизнь. Родственники удалились отъ него; мать, плохо понимая его замыслы, ушла въ Пури, гдѣ и умерла, скорбя о пропавшей душѣ любимаго сына, который слылъ между индусами нигилистомъ (настика), человѣкомъ безбожнымъ, стремящимся къ разрушенію религіи и всего того, во что твердо должно вѣровать; а между тѣмъ онъ не отказывался отъ брахманизма и не хотѣлъ его разрушенія,—онъ желалъ только, чтобъ его сограждане возвратились къ ихъ же родному, но болѣе древнему ученію. Не менѣе, едва ли не болѣе раздражены были противъ него мѣстные миссіонеры. Рамъ-маханъ-рой, не бывъ христіаниномъ, но зная еврейскій и греческій языки, прочелъ и Библію, и Евангеліе въ подлинникахъ. Какъ результатъ своихъ занятій Священнымъ Писаніемъ, онъ издалъ въ 1820 году: „The precepts of Jesus the Guide to Peace and Happiness". Эта книга вызвала яростныя нападки со стороны христіанскихъ проповѣдниковъ, хотя брахманъ и относился съ глубокимъ и полнымъ уваженіемъ къ практической сторонѣ христіанства, высоко чтилъ нравственное содержаніе Библіи и не сомнѣвался, что Библія

есть одинъ изъ возвышеннѣйшихъ, чистѣйшихъ кодексовъ. И такихъ воззрѣній онъ держался до конца жизни.

У него были однакожъ и послѣдователи, люди, раздѣлявшіе его воззрѣніе на религіозное состояніе Индіи. Изъ нихъ и образовалось въ 1828 году „Божье общество". Это общество собиралось еженедѣльно по средамъ, вечеромъ. Тутъ читались и объяснялись древнія ведантическія (философскія) произведенія; произносились проповѣди на бенгальскомъ языкѣ. Происходили пренія по вопросамъ религіознымъ и нравственной философіи. Собранія были открыты для людей всѣхъ религій и всякій разъ заканчивались пѣніемъ гимновъ, сочиненныхъ самимъ Рамъ-маханъ-роемъ или его друзьями. Общество занималось также изданіемъ небольшихъ сочиненій по вопросамъ религіи и нравственной философіи; печатало древнія санскритскія философскія (ведантическія) произведенія. Дѣятельность общества хотя и оставалась въ этихъ узкихъ предѣлахъ, но возбуждала сильное негодованіе между индусами-староверами; ихъ раздражало, что судры и млечхи т. е. варвары, или иностранцы слушаютъ слова святого писанія и вмѣстѣ съ брахманами призываютъ святое имя Брахмы и молятся ему. Неприязнь староверовъ къ Рамъ-маханъ-рою усилилась еще болѣе, когда онъ высказался, что отъ чтенія Библіи въ туземныхъ школахъ онъ ожидаетъ много добра для своихъ соотечественниковъ и не видитъ въ этомъ никакого зла.

Въ юные годы умъ его былъ пораженъ зломъ, проистекающимъ отъ слѣпой и слишкомъ большой вѣры; въ пору полной зрѣлости онъ видѣлъ, какъ въ Бенгаліи народилась партія юныхъ скептиковъ, отказавшихся отъ старой вѣры и не замѣнившихъ ее никакою новою; ихъ онъ чуждался болѣе, нежели самыхъ суевѣрныхъ староверовъ, считая принципы юной Бенгаліи пагубою для всякой нравственности. А въ его время этотъ скептицизмъ только-что нарождался. Съ тѣхъ

поръ онъ значительно усилился, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ англійское воспитаніе сдѣлало по всей Индіи громадные успѣхи. По всюду въ ней нерѣдко встрѣчаются люди, прошедшіе англійскую школу, начитавшіеся Дарвина, Бёкла, Тиндаля, Фарадея и многихъ другихъ, изучавшіе учебники на мѣстныхъ нарѣчіяхъ, въ которыхъ христіанство называется или *сатдхармъ* т. е. истиннымъ ученіемъ, или же *Попка жхутмать*, папскимъ лжеученіемъ; они не вѣрятъ христіанскимъ миссіонерамъ, не хотятъ быть христіанами; смѣются надъ Кешабомъ (современнымъ верховникомъ брахманистовъ) и слишкомъ далеко ушли впередъ отъ своихъ пандитовъ и гуру.

Эта странная раса бенгальскихъ и всякихъ другихъ *бабу*, прикрывающая риторическою фразеологіею бѣдность мысли разростается съ каждымъ годомъ. Они не мыслятъ самостоятельно и, заучивая чужія мысли, думаютъ прикрыть этимъ свою недозрѣлость. Юная Индія народилась въ странѣ благодаря заведеннымъ тамъ европейскимъ порядкамъ. Вліяніе Европы на Индію было двоякое: промышленное и научное. Англія заботилась и заботится въ Индіи объ одномъ,—построить прочную политическую систему; подъ защитою такой политической системы, по мнѣнію англійскихъ правителей, всѣ соціальныя отношенія могутъ безопасно развиваться. Они забываютъ только, что всѣ азіятскія общества до сихъ поръ всегда сплачивались религіей; только соединенные этимъ цементомъ, они находили свой покой. Но преслѣдуя разъ намѣченную цѣль, Англія оказываетъ свое вліяніе на Индію только въ промышленномъ и въ научномъ отношеніи. Она эмансипируетъ индійца, и не задаетъ себѣ вопроса, о томъ, что предприметъ этотъ индійскій умъ, вполнѣ освободившійся отъ всякихъ стѣснительныхъ узъ?

Задавалъ-ли себѣ этотъ вопросъ Рамъ-маханъ-рой — неизвѣстно; онъ былъ далекъ отъ юной Бенгаліи, которая въ

настоящее время едва-ли не сильнѣе самихъ брахманистовъ.

Десять лѣтъ по смерти Рамъ-маханъ-роя „Божье общество“ пережило, не дѣлая никакихъ успѣховъ; это было самое глухое время его жизни; оно поддерживалось на пожертвованія друзей покойнаго учителя, но въ его средѣ не было животворящей силы, и казалось, ему суждено умереть раннею смертью. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока во главѣ общества не стали новые способные дѣятели. Изъ нихъ особенно выдаются двое и оба они — Дебендра-Натхъ-Тагоръ и Кешабъ-Чандеръ-Сенъ—до сихъ поръ живы.

Дебендра-Натхъ-Тагоръ родился въ 1818 году и принадлежитъ къ кастѣ Пирали Брахмановъ *). Отецъ его Дваркапатхъ - Тагоръ былъ извѣстенъ въ индійскомъ обществѣ и торговомъ мірѣ подъ именемъ восточнаго Креза. Молодой Дебендра воспитывался среди великой роскоши. О юныхъ годахъ своей жизни и своемъ обращеніи онъ самъ повѣствуетъ въ одной проповѣди; она начинается такъ: „Если въ этомъ храмѣ Бога есть кто-либо, жаждущій праведности и истинной мудрости, если здѣсь есть кто-либо искренно и ревностно ищущій спасенія, тому я говорю: прими спасительныя истины „божія закона“ (брахма Дхарма)....... Я проповѣдую не сухую доктрину, выбранную изъ книгъ, а живую истину, выработанную среди торжественной дѣйствительности моего собственнаго опыта. Я объявляю то, что глубоко чувствую, а не то только, что я знаю. Для меня это — искреннее убѣжденіе, а не холодный, безжизненный богословскій догматъ; для меня это — верховная истина всей моей духовной жизни, а не логическій выводъ изъ моихъ умственныхъ иска-

*) Объ этой кастѣ см. Memoir of Dwarkanath Tagore. Calcutta. 1870, стр. 3. Одинъ изъ предковъ фамиліи женился на царевнѣ изъ касты судра. Отъ этого брака и произошла новая каста.

ній. Изъ внутреннѣйшей глубины сердца я говорю: если вы ищете спасенія, идите и пріймите чистую вѣру „божія закона". Софизмы не могутъ потрясти, антагонизмъ міра не можетъ уничтожить этой драгоцѣнной тайны моей жизни...... Вся моя исторія представляетъ поразительное свидѣтельство о спасительномъ дѣйствіи чистой вѣры. Рожденный отъ богатыхъ родителей, воспитанный въ домѣ, полномъ всякаго избытка, среди царственной роскоши, пышности и великолѣпія, я выросъ безъ всякой мысли о Богѣ. Свѣтъ обильно изливалъ на меня свои почести и блага. Когда я искалъ удовольствія, неизчислимые наперсники стремились на мою службу; если меня смущало желаніе, на его удовлетвореніе текли деньги, какъ непрерывный морской приливъ; когда я жаждалъ роскоши, тысячи средствъ и способовъ, подчиненныхъ царственному имуществу или изыскиваемыхъ силою, мгновенно являлись къ моимъ услугамъ. Рѣдко я видывалъ препятствіе между желаніемъ и пользованіемъ. Мнѣ нужно было только издать приказъ, выразить желаніе—и являлось немедленное удовлетвореніе. Изобиліе и покой принесли съ собою искушенія, и мое слабое сердце стало ихъ добычей. Я заботился только о наслажденіи настоящими мгновеніями и мало думалъ о томъ, что будетъ за тѣмъ. Свѣтъ очаровалъ меня своими прелестями, и я служилъ ему какъ рабъ. Я предался чувственности и не внималъ святымъ внутреннимъ увѣщаніямъ. Я отрѣшилъ совѣсть отъ ея высокаго служенія и на ея мѣсто возвелъ свою причудливую волю. Въ лихорадочномъ возбужденіи моего свѣтлаго поприща я распутно и несдержанно презиралъ религію, нравственность и не внималъ имъ. Опьяненный удовольствіями плоти, не внимая духовнымъ потребностямъ, мертвъ для совѣсти и Бога,—такъ я прожилъ пять лѣтъ, съ шестнадцатаго года по

двадцатый. И было угодно Господу открыть мнѣ свою любящую доброту чудеснымъ и неизъяснимымъ образомъ. Совершенно случайно было вмѣшательство Промысла въ спасеніе моей души, и вполнѣ не приготовленъ былъ я къ этой благовременной помощи. Однажды, въ пору семейнаго бѣдствія, когда я, изнемогая и сѣтуя, лежалъ въ уединеніи, Господь Славы открылъ Самого Себя въ моемъ сердцѣ; такъ всецѣло очаровалъ Онъ меня и смягчилъ мое сердце и душу, что нѣкоторое время я продолжалъ быть восхищеннымъ — погруженнымъ въ потокъ небеснаго сіянія. Міръ внѣшній и міръ внутренній, казалось, оба купались въ сладостномъ и ясномъ потокѣ небеснаго блеска... Долго я пребывалъ въ этомъ блаженномъ экстазѣ, широко упиваясь сладостью божественнаго общенія: ни временныя заботы, ни безпокойства не осмѣливались прервать этого сладкаго блаженства. Но радость была проходящая. Воспарившее сердце и переполненная душа постепенно осѣдали. И еще разъ я очутился въ моемъ уединенномъ и печальномъ положеніи; блуждающими взорами взглянулъ я на пасмурный міръ кругомъ... Такъ началась въ моей душѣ великая борьба ради прогресса... Дни, недѣли, мѣсяцы, годы проходили,—моя душа продолжала быть сценою непрерывной борьбы между страстями и совѣстью, между мракомъ и свѣтомъ, между міромъ и Богомъ... Съ Его святою помощью я вышелъ побѣдителемъ изъ борьбы и испытанія, преодолѣлъ искушенія, осаждавшія мой путь, очистилъ душу отъ неправды, накопившейся за прошлую жизнь... Божій законъ (Брахма Дхарма), какъ добрая мать, наполнилъ мой умъ спасительными истинами, мое сердце любовью къ Богу, и помогъ мнѣ исполнять многообразныя жизненныя обязанности... Я повторяю поэтому вразумительно, поддерживаемый поразительнымъ свидѣтельствомъ собственнаго опыта:

да пріиметъ тотъ, кто ищетъ спасенія, истинную и спасительную вѣру Божія закона“ *).

Къ „божьему обществу“, нынѣ называемому Брахма самажъ, Д. Н. Тагоръ присоединился только въ 1842 году. Нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, именно въ октябрѣ 1839 года, онъ учредилъ „общество для познанія истины (Tattvabodhinî çabhâ)“. Цѣль этого общества была такова: поддержать дѣятельность умершаго Рамъ-маханъ-роя, то-есть, стараться о постепенномъ распространеніи между туземцами монотеистическаго богопочитанія, предписываемаго первоначальными индійскими писаніями. Общество собиралось еженедѣльно въ домѣ Дебендра-Натха: при этомъ произносились проповѣди; сверхъ того, были и мѣсячныя собранія, на которыхъ, кромѣ произнесенія молитвъ, читались и объяснялись Упанишады. При обществѣ учреждена была школа; она просуществовала нѣсколько лѣтъ и была закрыта за недостаткомъ средствъ на ея содержаніе. Въ 1843 году общество соединилось съ прежде основаннымъ „божьимъ обществомъ“; мѣсячныя собранія обоихъ обществъ происходили одновременно и въ одномъ мѣстѣ; но „общество для познанія истины“ продолжало отдѣльно свою издательскую дѣятельность: издавало ежемѣсячный журналъ („*Tattvabodhinî Pattrikâ*“), печатало Упанишады и новыя изданія сочиненій Рамъ-маханъ-роя. Въ обоихъ обществахъ не было пока опредѣленной организаціи члены занимались ведантическою философіей и ничѣмъ не отличались, какъ отдѣльная, самостоятельная секта. Необходимость выяснить и формулировать то, что̀ составляло особенность общества, какъ секты, чувствовалась всѣми членами, и Д. Н. Тагоръ взялся написать и дѣйствительно приготовилъ „брахманческій завѣтъ“: онъ состоитъ изъ нѣсколь-

*) *The Theistic Annual*, january, 1872.

нихъ заповѣдей, предписывающихъ отказаться отъ идолопоклонства, чтить единаго Бога и жить добродѣтельно. Въ декабрѣ 1843 г. Дебендра-Натхъ-Тагоръ и двадцать его друзей торжественно исповѣдали свою вѣру, согласно съ этимъ завѣтомъ; они и образовали ядро брахманческой общины; въ 1847 году число принявшихъ завѣтъ возросло уже до 707.

Вскорѣ послѣдовало другое важное измѣненіе въ молодомъ обществѣ; брахманисты и ранѣе ихъ Рамъ-маханъ-рой постоянно толковали о Ведахъ, какъ о непогрѣшимомъ словѣ Бога. Неизвѣстно, на сколько Рамъ-маханъ-рой зналъ Веды; относительно же новыхъ членовъ общества не подлежитъ никакому сомнѣнію, что они не только не читали Ведъ, но даже не видѣли полнаго ихъ собранія, такъ какъ таковаго не имѣлось въ то время въ Калькуттѣ. Въ 1845 году общество отправило четырехъ пандитовъ въ Бенаресъ; имъ предписано было списать четыре Веды и изучить ихъ. Пандиты выполнили это порученіе добросовѣстно и привезли въ Калькутту всѣ четыре Веды вполнѣ; немного нужно было брахманистамъ читать, чтобъ убѣдиться, что ихъ ученіе прямо противоположно тому, что̀ содержится въ Ведахъ; но общество отказалось отъ Ведъ не вдругъ и не безъ внутренней борьбы; многіе члены и послѣ знакомства съ Ведами утверждали, что онѣ—непогрѣшимое слово Божье; но наконецъ истина взяла верхъ: на мѣсто Ведъ общество признало четыре основныхъ члена теистической вѣры (brahmadharmabijam). Всякій вступавшій въ это общество долженъ былъ принять ихъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того (въ октябрѣ 1850 г.) Дебендра-Натхъ-Тагоръ издалъ Брахма Дхарма, то есть, Божій законъ; эту книгу калькуттское „Божье общество“ считаетъ полнымъ изложеніемъ тѣхъ принциповъ, на которыхъ зиждется ихъ вѣра; она состоитъ, кромѣ четырехъ правилъ завѣта, еще

изъ изреченій, тщательно избранныхъ въ Упанишадахъ и въ другихъ позднѣйшихъ санскритскихъ сочиненіяхъ. Въ 1859 г. „общество для познанія истины“ прекратило свое существованіе; все его имущество—библіотека, типографія, журналъ, было передано въ „Божье общество“.

Другой изъ выдающихся современныхъ дѣятелей той же секты, Кешабъ-Чандеръ-Сенъ родился въ 1838 г. и принадлежалъ къ кастѣ Вайдья, врачей. Его дѣдъ, говорятъ, былъ въ близкихъ и даже дружескихъ отношеніяхъ съ извѣстнымъ оріенталистомъ Вильсономъ, но при этомъ оставался строгимъ Вишнуитомъ, и такова же была вся семья, въ которой родился К. Ч. Сенъ. Дома онъ росъ среди правовѣрныхъ индусскихъ идей и въ душной атмосферѣ обрядовъ, переполняющихъ, какъ извѣстно, всю жизнь старовѣра-индуса. Затѣмъ онъ попалъ въ калькуттскую Presidency College, гдѣ подъ вліяніемъ англійской литературы и наукъ отрѣшился отъ стараго, научился отрицать складъ родной жизни и не вынесъ никакихъ положительныхъ убѣжденій. По его собственнымъ словамъ, такое настроеніе владѣло и тяготѣло надъ нимъ до тѣхъ поръ, пока онъ не присталъ въ 1858 году, къ „Божьему обществу“.

Между тѣмъ „Божье общество“ сдѣлало значительные успѣхи; новые послѣдователи считались сотнями, въ различныхъ частяхъ Бенгаліи открыты были отдѣлы общества. Но во внѣшней жизни многіе члены мало отличались отъ своихъ соотечественниковъ-старовѣровъ; случалось не рѣдко, что лица, принявшія „завѣтъ“ и „четыре члена вѣры“, свершали, не смотря на то, всѣ религіозные обряды, предписываемые индусскимъ священнымъ законоположеніемъ. Это обстоятельство возмущало другихъ членовъ, державшихся болѣе крайнихъ мнѣній; молодые брахмаисты созывали собранія; на нихъ обсуждалось отступничество нѣкоторыхъ, что подавало

поводъ къ долгимъ и оживленнымъ спорамъ: изыскивали средства положить конецъ этому, съ точки зрѣнія теистовъ, предосудительному образу дѣйствій; но консервативная часть общества брала верхъ, старалась примирить противоположныя требованія, и въ концѣ концовъ старый порядокъ удерживался. Такъ продолжалось до вступленія въ общество К. Ч. Сена; прогрессивная часть общества пріобрѣла въ немъ смѣлаго и рѣшительнаго борца, человѣка способнаго безбоязненно проводить самыя крайнія новизны. Но въ началѣ онъ не принималъ на себя инициативы этихъ нововведеній. Отвѣтственность за первое рѣзкое нововведеніе пала на Дебендра-Натха-Тагора; въ іюлѣ 1861 года онъ выдалъ дочь замужъ, и бракъ свершался безъ индусскихъ обрядовъ, по новому ритуалу, сочиненному брахманистами; передъ тѣмъ Дебендра-Натхъ-Тагоръ удалилъ изъ своего дома всѣ идолы и снялъ съ себя „yajnopaviti“, жертвенный шнурокъ, внѣшнее священное отличіе брахмана. Для обрядовъ при рожденіи и смерти былъ изданъ также новый ритуалъ. Завелась новая воскресная школа (1859—1862 гг.), въ которой преподавалась теологія и этика новой секты; Д. Н. Тагоръ читалъ на бенгальскомъ языкѣ, К. Ч. Сенъ по-англійски. Около этого времени К. Ч. Сенъ издалъ рядъ брошюръ на англійскомъ языкѣ; въ нихъ излагалось ученіе новой секты примѣнительно къ пониманію юнаго возраста, а въ 1862 г. онъ же устроилъ Calcutta-College для воспитанниковъ младшаго возраста: школа эта просуществовала до 1868 года.

Въ 1862 году К. Ч. Сенъ былъ сдѣланъ „учителемъ„ (ачарья, то есть, священно-дѣйствующимъ, священникомъ); при этомъ въ домѣ у Дебендра-Натха-Тагора былъ обѣдъ, на который К. Ч. Сенъ явился вмѣстѣ съ женой. Въ глазахъ индусовъ такой поступокъ былъ вящимъ скандаломъ, ибо Д. Н. Тагоръ принадлежалъ по происхожденію къ брах-

манамъ отлученнымъ (Pirali) и, сверхъ того, самъ снялъ съ себя „жертвенный снурокъ". Отъ К. Ч. Сена отвернулась вся его семья, и онъ былъ изгнанъ изъ дому. Примиреніе между ними состоялось впрочемъ скоро. К. Ч. Сенъ опасно заболѣлъ, и ему дозволено было вернуться въ родной домъ, гдѣ послѣ того онъ пользовался полною свободой дѣйствій. То, что случилось съ К. Ч. Сеномъ, до сихъ поръ повторяется съ новыми прозелитами его церкви. Внутри Индіи, народъ нетронутый европейской цивилизаціей, относится къ брахманистамъ очень враждебно. Весьма часто они принуждены тайкомъ собираться вмѣстѣ и украдкою молиться. Пойманные за этимъ дѣломъ старовѣрами, юные брахманисты зачастую поголовно отлучаются отъ касты, изгоняются изъ отчаго дома, иногда даже гдѣ нибудь въ глуши селяне не прочь и побить индійскихъ реформаторовъ. Когда у К. Ч. Сена родился первый ребенокъ, *jat-karma*, обряды при рожденіи свершались по ритуалу брахманическому.

Около пяти лѣтъ Д. Н. Тагоръ и К. Ч. Сенъ дѣйствовали дружно на одномъ и томъ же поприщѣ; но мало по малу между ними сталъ сказываться разладъ вслѣдствіе неодинаковости взглядовъ на нѣкоторые частные вопросы; рядомъ взаимныхъ уступокъ они съумѣли протянуть совмѣстную дѣятельность до 1864 г. Въ этомъ году несходство воззрѣній повело къ полному разрыву между двумя главными дѣятелями, и, какъ слѣдствіе этого, явился расколъ въ самой сектѣ. Главнѣйшимъ поводомъ къ разногласіямъ были два обстоятельства, случившіяся около этого времени: Д. Н. Тагоръ, снявшій самъ „жертвенный снурокъ", допускалъ однакожъ священнодѣйствовать въ „Божьемъ обществѣ" такихъ лицъ, которыя упорно держались за это внѣшнее отличіе высшей касты въ Индіи: многіе не отказывались отъ „жертвеннаго снурка" не вслѣдствіе религіозныхъ убѣжденій,

а потому, что усматривали въ этомъ внѣшнемъ признакѣ нѣкоторое общественное отличіе; для многихъ, особенно же для невѣрующихъ „жертвенный снурокъ“ имѣлъ значеніе и цѣнность, одинаковую съ нашею дворянскою короною, выставляемою на визитныхъ карточкахъ; носившій снурокъ принадлежалъ необходимо къ одной изъ высшихъ кастъ и не отказывался отъ него вслѣдствіе мелочного тщеславія, а не потому, чтобъ еще колебался въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ. К. Ч. Сенъ относился къ „жертвенному снурку“ со всею строгостью и нетерпимостью неудержимаго прогрессиста; онъ считалъ его позорнымъ остаткомъ индусской исключительности и требовалъ отъ всѣхъ немедленнаго и обязательнаго снятія его. Жертвенный снурокъ въ глазахъ индійца—такая святыня, до которой коснуться не всегда безопасно. Вѣрующій индусъ рѣшится скорѣе умереть, нежели лишиться этого снурка. Въ Борелли по поводу этой святыни разгорѣлся года три тому назадъ цѣлый бунтъ въ тюрьмѣ.

Какой-то ревностный смотритель изъ англичанъ, желая сравнять между собою всѣхъ заключенныхъ, приказалъ съ нихъ снять жертвенные снурки. Они поднялись всѣ, даже тѣ, у кого никакого снурка не было; потребовалась военная сила для усмиренія взбунтовавшихся. Англичанинъ же былъ отставленъ отъ своей должности.

К. Ч. Сенъ зналъ очень хорошо значеніе жертвеннаго снурка въ глазахъ всѣхъ индусовъ и тѣмъ не менѣе, не побоялся сдѣлать этотъ вызовъ старому обществу. Другой вопросъ, по которому главы секты не сходились во мнѣніяхъ, былъ еще болѣе важенъ: въ октябрѣ 1864 года К. Ч. Сенъ повѣнчалъ двухъ лицъ, принадлежащихъ къ различнымъ кастамъ; черезъ допущеніе браковъ между всѣми кастами безъ различія онъ думалъ достигнуть постепеннаго уничтоженія кастъ. Д. Н. Тагоръ считалъ такой шагъ преждевременнымъ, опаснымъ, ибо

браки между разными кастами хотя и случались въ Индіи встарь, но никогда не были въ обычаяхъ страны. Юная прогрессивная партія добивалась для Индіи радикальнѣйшей реформы. И они достигли своей цѣли черезъ нѣсколько лѣтъ. Правительство пришло къ ней на помощь. Для англичанъ Брахманисты была такая же секта, какъ секта Куковъ чтителей коровъ; люди эти хотѣли особаго законнаго брака, не желали вѣнчаться по старымъ обрядамъ, и правительство въ концѣ концовъ нашло, что нѣтъ причины отказывать имъ въ ихъ желаніи Ихъ браки были признаны законными, хотя бы они и не заключались по старо-индускимъ обрядамъ. Брахманисты добились того, что бракъ между сикхомъ и бенгальскою уроженкою, между бомбейцемъ и жительницей Мадраса, между уроженцами разныхъ мѣстностей, принадлежащими къ различнымъ кастамъ, теперь могутъ заключаться совершенно законнымъ порядкомъ. Нельзя не видѣть въ этомъ нетолько шага къ уничтоженію кастъ, но и начала объединенія всей Индіи, хотя бы въ далекомъ будущемъ.

До сихъ поръ впрочемъ, несмотря на законъ 1872 (Native Marriage, act 1872 г.), браки по обряду брахманистовъ заключаются рѣдко, такъ какъ соціальная борьба не была прекращена закономъ. По статистическимъ даннымъ 1877 г. въ Бенгаліи въ 19 мѣсяцевъ таковыхъ браковъ свершено только 18; изъ нихъ 14 были заключены между членами различныхъ кастъ и кромѣ того четыре вдовы вступили во вторичный бракъ, что̀ опять противно старо-индійскимъ обычаямъ.

Множество другихъ болѣе мелкихъ вопросовъ вызывали безпрестанныя столкновенія между Д. Н. Тагоромъ и его партіей съ одной стороны и К. Ч. Сеномъ и его приверженцами съ другой. Наконецъ, въ октябрѣ 1865 г. огромное число юныхъ брахманистовъ покинуло калькуттское

„Божье общество“ и через годъ, въ ноябрѣ 1866 г., съ К. Ч. Сеномъ во главѣ они устроили новое общество, назвавъ его „Индійскимъ божьимъ обществомъ“. Съ этого года въ Индіи появилось два „божьихъ общества“: одно—подъ предсѣдательствомъ Д. Н. Тагора называется „первымъ“ и отличается консервативнымъ характеромъ, другое общество, прогрессивное, носитъ названіе „индійскаго“ и не имѣетъ предсѣдателя; прогрессисты говорятъ, что Богъ есть глава ихъ Самажа; К. Ч. Сенъ, хотя и полновластный заправитель всѣхъ его дѣлъ, считается только секретаремъ общества, какъ бы намѣстникомъ Бога. Раздоры между двумя партіями не прекратились съ образованіемъ новаго общества: годы не изгладили различій между ними и повели еще къ большему разъединенію.

5.

Противъ старѣйшаго „божьяго общества“ партія прогрессистовъ выставляетъ цѣлый рядъ обвиненій: она обвиняетъ консерваторовъ: 1) въ сухомъ раціонализмѣ, 2) въ національной исключительности, 3) въ удержаніи древне-индійскихъ формъ проповѣди, 4) во враждебномъ отношеніи ко всякимъ реформамъ общественнымъ, 5) въ желаніи удержать систему кастъ. Обвиненія эти высказывались путемъ печати, что̀ и дало возможность обвиняемому, отвѣчая на нападеія, выяснить основные мотивы и отличительный характеръ своей дѣятельности. Разъясненія эти весьма любопытны, такъ какъ даны лучшими представителями либеральной Индіи, людьми, пользующимися глубокимъ уваженіемъ даже въ средѣ, не раздѣляющей ихъ мнѣній. Брахманизмъ, по убѣжденію старѣйшаго „божьяго общества“, есть міровая религія: она не принадлежитъ исключительно какому-нибудь времени, избранному народу, сектѣ или личности: она не

есть исключительное достояніе народовъ древнихъ или новыхъ, индійцевъ или млечховъ (варваровъ), Вьясы или Христа, Зороастра или Конфуція; истины этой религіи находятся въ писаніяхъ всѣхъ народовъ, въ сочиненіяхъ благочестивыхъ людей всѣхъ временъ и всѣхъ странъ; но, будучи міровою религіей, брахмаизмъ не можетъ пока имѣть міровой формы; въ каждой странѣ онъ долженъ имѣть національную форму; пусть каждый народъ развиваетъ свободно дарованія, данныя ему отъ Бога. Наша ѣда, одежда, жизнь національны; мы чувствуемъ и мыслимъ національно. Какъ невозможно человѣку измѣнить цвѣтъ своего лица, также трудно ему чувствовать и думать не національно. Умъ, лишенный національной окраски, можетъ сдѣлаться таковымъ только послѣ предварительной сильной испорченности и есть уродство природы. Религіозныя мысли человѣка естественно должны принимать національные оттѣнки. Согласно съ этими воззрѣніями, сторонники Дебендра Натха-Тагора, для проповѣди теизма между индійцами усвоили индійскій образъ дѣйствія. Съ этою цѣлью они: 1) приняли книгу избранныхъ текстовъ изъ своихъ састръ; 2) удержали на столько изъ древне-индійскаго ритуала, на сколько это не противорѣчило ихъ религіознымъ убѣжденіямъ; 3) употребляютъ при богослуженіи санскритскій языкъ. Ихъ цѣль дѣйствовать въ родномъ обществѣ, обращать Индійцевъ, главнымъ образомъ тѣхъ, которые не получили европейскаго образованія; щадя національныя чувства этого слоя общества и въ интересахъ самого дѣла, они должны были дѣлать уступки; они отказались отъ индусскаго идолопоклонства, но не хотятъ порвать связь съ Индусами; ихъ цѣль —быть теистами, оставаясь въ то же время Индусами, быть народными въ своихъ міровыхъ замыслахъ. Они заботятся главнымъ образомъ объ Индійцахъ, остаются въ своихъ дѣйствіяхъ Индійцами, потому что считаютъ такой

путь кратчайшимъ и вѣрнѣйшимъ къ своей цѣли: для успѣха проповѣди среди чужого народа, нужно хорошо знать его духовныя потребности и особенности, безъ этого невозможно ожидать успѣха дѣлу. Практическая необходимость заставляетъ ихъ быть проповѣдниками единственно для своего народа. Не смотря на обвиненіе въ недостаткѣ сочувствія и даже во враждебномъ отношеніи къ соціальнымъ реформамъ, консерваторы заявляютъ, что цѣль ихъ общества — стараться объ уничтоженіи идолопоклонства и распространять нравственныя идеи; эта главная цѣль не мѣшаетъ и не мѣшала никогда отдѣльнымъ членамъ принимать живѣйшее участіе словомъ и дѣломъ во всѣхъ реформахъ. Они не отрицаютъ, что удерживаютъ касты, признаютъ ихъ необходимость какъ общественнаго учрежденія и не хотятъ нарушать его, дабы не оторваться окончательно отъ національной почвы. Словомъ, старѣйшее „божье общество" остается индійскимъ и хочетъ быть таковымъ: прогрессивное же „индійское божье общество" состоитъ исключительно изъ членовъ, понимающихъ свою задачу гораздо шире; для ихъ дѣятельности мало Индіи, они обращаются ко всему міру, проповѣдуютъ и пишутъ главнымъ образомъ по-англійски, посылаютъ даже миссіонеровъ въ Европу: свой символъ вѣры они издали на англійскомъ языкѣ. Вотъ достословный переводъ его:

Богъ. Богъ есть первая причина вселенной. Собственною волей и творческою силой Онъ создалъ изъ ничего всѣ предметы и всѣ живыя существа и поддерживаетъ ихъ въ первоначальной силѣ и жизни. Онъ—духъ, а не матерія. Онъ—совершененъ, безконеченъ и вѣченъ. Онъ—вездѣсущъ, всемогущъ, всевѣдущъ, всемилосердъ, всеблаженъ и святъ. Онъ—нашъ отецъ, хранитель, Владыка, Царь и Спаситель. Онъ—единъ и не имѣетъ себѣ подобнаго.

Безсмертіе. Душа безсмертна. Смерть есть только разло-

женіе тѣла; душа живетъ вѣчно въ Богѣ. По смерти нѣтъ новаго рожденія: будущая жизнь есть только продолженіе и развитіе настоящей жизни. Каждая душа отходитъ изъ этого міра съ своими добродѣтелями и пороками и постепенно преуспѣваетъ на пути вѣчнаго совершенствованія.

Писаніе. Истинныхъ писаній, начертанныхъ рукою Бога, два: книга природы и естественныя идеи, вкорененныя въ разумѣ. Мудрость, сила и милосердіе Творца начертаны золотыми буквами во вселенной. Изучая Его дѣла, ты познаешь Его. Всѣ основныя истины о Богѣ, безсмертіи и нравственности утверждены въ природѣ человѣка, какъ первичныя и очевидныя убѣжденія. Созерцательная вѣра есть корень „божьяго закона" (Брахма Дхармы).

Почитаніе. Почитаніе духовно; оно не имѣетъ внѣшнихъ обрядовъ. Любовь, вѣра, смиреніе и самообладаніе суть необходимые составы почитанія. Почитаніе состоитъ изъ четырехъ элементовъ: *обожаніе* великаго и святого Бога, созерцаніе Верховнаго Духа въ сокровенной душѣ, *благодареніе* милосердаго Отца за блага, полученныя, и *молитвы* къ Спасителю объ освобожденіи отъ грѣха. Ежедневнымъ почитаніемъ мы входимъ въ общеніе съ Богомъ.

Пророки. Самъ Богъ никогда не дѣлается человѣкомъ, облекаясь въ человѣческую плоть. Его божественность обитаетъ въ каждомъ человѣкѣ и выказывается болѣе ярко въ нѣкоторыхъ: Моисей, Іисусъ, Магометъ, Нанакъ, Чайтанья и другіе являлись въ опредѣленныя времена и даровали великія блага вѣрующему міру. Они поэтому имѣютъ право на міровую благодарность и любовь. Они не были безусловно святы и не были непогрѣшимы, но были людьми одаренными.

Путь ко спасенію. Почитаніе есть главное средство къ достиженію спасенія; другія же средства также должны быть употребляемы — хорошее общество, хорошія книги, изученіе

природы, созерцаніе Бога въ уединеніи, подчиненіе страстей, раскаяніе во грѣхахъ. Для спасенія необходимы стараніе человѣка достичь святости, согласно съ вышеозначенными средствами, и вліяніе Божьей благодати.

Отношеніе къ другимъ вѣрамъ. Брахма Дхарма отличенъ отъ всѣхъ другихъ религіозныхъ системъ, но есть сущность всѣхъ. Онъ не вполнѣ враждебенъ другимъ вѣрамъ. Онъ принимаетъ все, что есть истиннаго въ нихъ, и только отвергаетъ ошибки каждой. Онъ основанъ на природѣ человѣка, а потому—древенъ, вѣченъ и всеміренъ. Онъ не есть расколъ и не ограниченъ временемъ и мѣстомъ. Люди всѣхъ странъ и расъ, вѣрующіе въ эту естественную религію, суть брахмаисты, или теисты.

Каста. Все человѣчество принадлежитъ къ одной кастѣ и всѣ одинаково имѣютъ право принимать (Брахма Дхарма) „божій законъ"; онъ не признаетъ различій между брахманами и судрами, между индійцами и яванами (то есть европейцами). Кто вѣруетъ въ эту религію, тотъ можетъ быть допущенъ въ „божье общество". Богъ не пріемлетъ или не отвергаетъ людей извѣстныхъ кастъ. Кто вѣруетъ и справедливъ, того Онъ пріемлетъ. Цѣль брахманческой религіи—уничтожить вражду и неприязнь между кастами и соединить человѣчество въ единую семью.

Обязанности. Обязанности брахмаиста четырехъ родовъ: 1) Обязанности къ Богу: вѣровать, любить, почитать и служить единому и истинному Богу. 2) Обязанности къ себѣ: сохранять тѣлесное здоровье, пріобрѣтать знаніе и святить душу. 3) Обязанности къ другимъ: истинность, исполненіе обѣщаній, справедливость, благодарность, любовь къ родителямъ, братьямъ, сестрамъ, дѣтямъ, роднымъ, и увеличеніе благосостоянія всего человѣчества. 4) Обязанности къ жи-

вотнымъ: доброта къ птицамъ, животнымъ и всѣмъ низшимъ тварямъ.

Искупленіе. Всякій грѣшникъ долженъ выстрадать слѣдслѣдствія своихъ собственныхъ грѣховъ, рано или поздно, въ здѣшнемъ мірѣ или томъ: ибо нравственный законъ неизмѣненъ, и Божья справедливость не отмѣняема. Но Его милосердіе должно имѣть также свои пути. Какъ справедливый царь, Онъ посѣщаетъ душу сообразными муками, и когда грѣшникъ, будучи такъ наказанъ, послѣ того слезно молится, Онъ, какъ милосердый отецъ, освобождаетъ и пріемлетъ его: раскаявшееся чадо такимъ образомъ примиряется съ Нимъ. Такое примиреніе есть единственное искреннее искупленіе.

Спасеніе. Истинное спасеніе есть освобожденіе души не только отъ всѣхъ грѣшныхъ желаній и дѣлъ, но также отъ самаго корня порчи, и ея постоянное преуспѣваніе въ чистотѣ. Такой ростъ продолжается черезъ всю вѣчность, и душа становится все болѣе и болѣе божественною и счастливою въ томъ, кто есть источникъ безконечной святости и радости. (Сообщество съ Богомъ есть небо брахманета. (The Theist's Creed. Calcutta. 1874).

Прогрессисты, выйдя изъ первоначальнаго „божья общества", не знали, что начинать. „Словами нельзя описать уныніе и упадокъ духа, послѣдовавшіе за этимъ въ періодъ 1865 и 1866 годовъ. Но окончательный результатъ былъ по милости Божьей полонъ мира и радости. По основаніи въ 1866 году индійскаго „божьяго общества", между прогрессивными брахманистами явился необыкновенный приливъ набожности, и онъ измѣнилъ навсегда ихъ характеръ и опредѣлилъ будущее ихъ учрежденіе" (см. *The Theistic Annual* for 1871, стр. 12). Эта набожность, напавшая на прогрессистовъ, вызвала рядъ нововведеній: все, связывавшее ихъ внѣшнимъ образомъ со старымъ обществомъ, или было совершенно

оставлено, или сильно измѣнено. У нихъ явились новыя молитвы; отъ писанія „Брахма Дхарма“ они отказались и издали свою книгу по-англійски: „A Compilation of Theistic Texts from the Hindu, Jewish, Christian, Mahometan and Parsee Scriptures“; вмѣсто принятія четырехъ членовъ брахманической вѣры, они требовали отъ нововетупавшихъ въ ихъ общество произнесенія такой формулы: „Сегодня я (имя рекъ), имѣя полную вѣру въ основные принципы божьяго закона (Брахма Дхарма), становлюсь членомъ индійскаго Божья общества. Да поможетъ мнѣ Милосердый Богъ!“ Они завели у себя особый праздникъ подъ названіемъ Брахмотсабъ (ликованіе Господа), ходили въ этотъ день торжественными процессіями, съ пѣніемъ гимновъ, по улицамъ; выстроили особый храмъ, гдѣ совершалось богослуженіе, весьма сходное съ унитаріанскимъ. И всѣ эти начинанія предпринимались и приводились въ исполненіе по иниціативѣ К. Ч. Сена. Онъ былъ оффиціально только секретаремъ общества, но на дѣлѣ маленькимъ непогрѣшимымъ папой. Его умъ, энергія, краснорѣчіе, совершенно выходящіе изъ ряду, сдѣлали его полновластнымъ господиномъ общества; одно время члены общества, входя къ нему, падали ницъ къ его стопамъ; изъ Кешаба могло образоваться въ Индіи новое божество. Но враги узнали какъ-то о восточномъ почитаніи секретаря общества, и въ обществѣ, въ газетахъ заговорили о новомъ *культѣ Кешаба*; эти толки во-время образумили поклонниковъ новаго бога. Во всѣхъ нововведеніяхъ, во всей суетливой дѣятельности новаго индійскаго Божья общества поражаетъ странное отсутствіе всякой оригинальности; они говорятъ, пишутъ по большей части на чужомъ языкѣ; въ ихъ книгахъ и проповѣдяхъ — чужія слова и чужія мысли. Лучшіе изъ членовъ сами это чувствуютъ и потому весьма часто берутся объяснять стороннимъ зрителямъ, въ чемъ

состоитъ отличительный характеръ ихъ „Божья общества“, чѣмъ оно отличается отъ христіанства съ одной стороны и отъ индуизма съ другой.

Выясняя свои отношенія къ двумъ противоположнымъ системамъ, индійскіе теисты откровенно признаютъ, что своимъ происхожденіемъ и всѣми идеями они обязаны христіанству и индуизму. Основатель „Божья общества“ сдѣлалъ великое дѣло; общество, учрежденное имъ, могло безконечно развиваться, и въ немъ заключалась вся будущность моральная, соціальная и религіозная страны. Но это общество, по мнѣнію членовъ, отдѣлившихся отъ него, сдѣлало сначала великую ошибку, считая себя ведантическимъ, а затѣмъ, когда сознало свою ошибку, вступило въ компромиссъ съ туземцами, приписывая себѣ такой характеръ, котораго не должно было имѣть. Оно утверждало, что все его ученіе основано на индусскомъ священномъ писаніи. Говорилось это съ цѣлью польстить народу и примирить его съ собою. Цѣль была прекрасна, но не таковы были средства: называть свою религію индуизмомъ не могли тѣ, кто проповѣдывалъ о братствѣ міровомъ. Эта идея существенно противорѣчитъ духу индусской религіи. Идея братства и равенства всего человѣчества передъ Богомъ не находится въ индійскихъ книгахъ, ибо никогда не была сознана Индійцами. Эта идея чуждая, западная, христіанская (см. *The Theistic Annual* for 1873, стр. 28). Такъ говорятъ прогрессисты, и, бросая камнемъ въ старое индусское общество, они грѣшатъ противъ исторіи; утверждая западное происхожденіе идеи братства и равенства, они видимо игнорируютъ тѣхъ великихъ своихъ учителей, которые имъ предшествовали; затѣмъ перебирая всѣ свои основныя идеи, они приходятъ къ тому же выводу относительно большинства ихъ: мы взяли ихъ съ запада, отъ христіанъ;—и въ заключеніе ставится такой вопросъ: „Христіане ли мы? Нѣтъ,

мы не христіане. Если людей, не признающихъ божественность Христа, непогрѣшимость Библіи, историческое откровеніе, чудеса, пророчества, таинства, можно называть христіанами, вы можете такъ называть насъ. Да, вы можете такъ называть насъ; но сомнительно, чтобы тѣ, кто придаетъ этому имени какое-нибудь значеніе, захотѣли бы раздѣлять его съ нами! Индусы ли мы? Да, въ смыслѣ народа и общества!" (ibid. стр. 41). Брахмаисты гордятся называть себя Индусами до тѣхъ поръ, пока этимъ именемъ обозначается ихъ страна, ихъ предки или современные соотечественники. Но въ религіозномъ смыслѣ названіе Индусовъ не приложимо къ нимъ.

Коренные индійцы до сихъ поръ не примирились съ брахмаизмомъ и особенно недружелюбно относятся къ прогрессивному „Божьему обществу". Индусъ въ разговорѣ о брахмаистахъ непремѣнно осмѣетъ прогрессистовъ; они для него странны своимъ рабскимъ подражаніемъ европейскимъ порядкамъ. К. Ч. Сенъ, не удавшійся богъ, разыгрываетъ теперь роль епископа: брахмаисты толкуютъ о своей церкви, чего на индійской почвѣ никогда доселѣ не было; разсылаютъ миссіонеровъ, даже Европѣ преподносятъ сознательно выкраденное изъ европейскихъ книгъ. Но это—смѣшная сторона ихъ дѣятельности, именно та, которую любятъ выставлять ихъ враги. Въ ихъ дѣятельности есть однакожъ и другая, болѣе привлекательная сторона: они стараются о воспитаніи своихъ женщинъ, выхлопотали для себя новое законоположеніе о бракахъ, заводятъ школы. Брахма самажъ въ Калькуттѣ имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи двѣ женскія школы: 1) The Native Ladies Normal School. 2) The Bengal Ladies School. Таковая же школа есть въ Даккѣ The Dacca Female Adult School, гдѣ въ 1877 г. было 47 учениць.

Въ Барисалѣ въ 1871 г. по инииціативѣ брахманистовъ открылась The Barisal Female Improvement Association; цѣль этого учрежденія также воспитательная, и оно дѣйствуетъ такимъ образомъ: въ началѣ каждаго года обнародуется списокъ учебниковъ, время и предметы экзаменовъ. На эти экзамены могутъ являться женщины и дѣвушки всѣхъ кастъ; неизвѣстно однакоже, многія-ли пользуются этимъ правомъ. The B. F. I. Association поддерживается по подпискѣ и на правительственную субсидію въ 100 рупи или десять фунтовъ. Таковыя же ассоціаціи находятся и въ другихъ мѣстахъ Бенгаліи. Секта имѣетъ свою богословскую школу: *Brahmo Theological School* основана въ 1871. К. Ч. Сеномъ; здѣсь онъ читалъ лекціи о *сравнительномъ богословіи*. Въ школѣ изучались: Tulloch's Theism, Morell's Philosophy of Religion, Mc Cosh's Intuitions, Кузена исторія философіи, Butler's Anologie, Новый завѣтъ и т. д. *Бхаратъ-Асрамъ* и *Брахмо-Никетанъ* есть два другихъ учрежденія прогрессивной партіи: первое есть домъ для совмѣстнаго жительства единовѣрцевъ обоихъ половъ ради нравственнаго и умственнаго совершенствованія; второй есть пристанище для бѣдныхъ учениковъ коллегій. Въ томъ и другомъ мѣстѣ Брахманисты дѣятельно пропагандируютъ. О Бхаратъ-Асрамѣ въ Калькуттѣ одно время ходили очень не красивые слухи: оскорбленные Брахманисты призывали даже нѣкоторыхъ журналистовъ къ суду.

Въ 1877 г. среди прогрессистовъ явилось новое учрежденіе General Representative Council of all the Brahmo Samajes in India. Каждый провинціальный *самажъ* посылаетъ въ это учрежденіе своихъ представителей. Цѣль и занятія этого учрежденія суть слѣдующія: 1) Собраніе статистическихъ данныхъ; 2) изданіе книгъ; 3) изготовленіе кодекса обрядовъ; 4) попечительство о недостаточныхъ единовѣрцахъ.

Прогрессивные брахманисты проповѣдуютъ, что „Индусъ" не есть обозначеніе человѣка по религіи, а слово можетъ быть понимаемо въ другомъ болѣе широкомъ смыслѣ. Секта эта однакоже немногочисленна, и точное число брахманистовъ трудно узнать даже въ самой Индіи. Индусы говорятъ, что ихъ не болѣе 250 человѣкъ, сами же сектанты насчитываютъ сорокъ тысячъ и болѣе своихъ единомышленниковъ. Число всѣхъ самажей въ 1877 г. достигало 107; нѣкоторыя изъ провинціальныхъ общинъ очень незначительны, но онѣ разсѣяны по всей Индіи и въ послѣднее время бывали попытки проповѣди къ народу, къ сельскому населенію; неизвѣстно однакоже, какимъ успѣхомъ увѣнчались онѣ. Изъ отчетовъ, которые они печатаютъ ежегодно („*The Theistic Annual*") видно, что „Божье общество" Индіи не располагаетъ большими средствами; ихъ едва хватаетъ на скудное содержаніе миссіонерамъ и на изданіе небольшихъ трактатовъ. Общество имѣетъ однако же нѣсколько періодическихъ изданій на англійскомъ и на туземныхъ нарѣчіяхъ: большинство этихъ изданій очень мало распространено, а потому и очень не долговѣчно и не можетъ быть особенно вліятельно. Брахма-самажъ имѣетъ три газеты на англійскомъ языкѣ, пять на бенгальскомъ, двѣ на англійскомъ и бенгальскомъ, одну на Хинди и одну на Маратхи.

Въ одной изъ книжекъ брахманическаго ежегодника (годъ 1874, стр. 66) одинъ изъ сектантовъ нарисовалъ нѣсколько различныхъ типовъ брахманистовъ. „Есть", говоритъ онъ,— одинъ классъ брахманистовъ, не вѣрующій въ индуизмъ, но на практикѣ соблюдающій обряды и церемоніи, предписываемые этою религіей. Они поютъ и внимаютъ гимнамъ, распѣваемымъ въ „Божьемъ обществѣ", но когда купаются, скороговоркою произносятъ санскритскіе стихи. Они едва знаютъ разницу между ведантизмомъ и брахманизмомъ. Эти

люди суть немногочисленные остатки времень Рамъ-маханъ-роя; они рѣдко или никогда не присутствуютъ на богослуженіи въ „Божьемъ обществѣ". Слѣдующій классъ брахманистовъ сравнительно болѣе ученъ и не имѣетъ предразсудковъ относительно ѣды и питья; но они утверждаютъ, что брахманизмъ есть индуизмъ, и восхищаются правовѣрными обычаями и нравами Индусовъ-идолопоклонниковъ. Они объявляютъ, что вѣрятъ въ систему касты, но втайнѣ нарушаютъ ее; они удаляются отъ такихъ реформъ, какъ бракъ вдовъ и пр. Ихъ цѣль—отожествить „Божье общество" съ индусскимъ. Эти люди вѣрятъ, что идолопоклонство есть ступень къ брахманизму. Они называютъ себя „брахманистами Индусами" и поддерживаютъ то, что̀ они именуютъ „первое (Божье) общество". Есть другіе брахманисты, исполненные молитвъ и набожности; они не говорятъ, что брахманизмъ есть индуизмъ; они желаютъ общественныхъ реформъ; но равнодушны и неспособны произвести какое либо измѣненіе въ этомъ направленіи; имъ недостаетъ храбрости на это; они только присутствуютъ на богослуженіяхъ „Божьяго общества". Есть и еще брахманисты,—нѣкоторые изъ нихъ молоды и воспитаны, они не присоединяются къ общественному богослуженію и, можетъ быть, присутствуютъ только на годичномъ; они не молятся дома, но всегда находятъ удовольствіе судить характеръ другихъ людей. Ихъ вѣра, воззрѣнія, доктрины неопредѣлены. Они плывутъ по вѣтру господствующихъ мнѣній, и неизвѣстно, что̀ они могутъ сказать или сдѣлать. Иногда ихъ энтузіазмъ доводитъ до обнародованія своихъ мнѣній въ газетахъ; но они исчезаютъ, какъ скоро вопросъ касается духовнаго усовершенствованія или дѣйствительно практическаго дѣла. Они образуютъ классъ, который можетъ быть названъ классомъ брахманическихъ раціоналистовъ. Есть еще иной классъ лю-

дей, удаляющихся отъ всякаго общенія съ другими. Они высказываютъ, что ходить въ „Божье общество“ не нужно, Богу молиться можно также хорошо дома, ибо, говорятъ они религія есть предметъ внутренній, а не внѣшній. Нѣтъ необходимости выдавать міру то, что у кого въ сердцѣ. Ихъ едва ли слѣдуетъ называть брахманистами, но ихъ можно отнести къ числу сочувствующихъ. Есть нѣкоторые весьма разумные и добропорядочные; эти люди усвоили себѣ предосудительные обычаи Индусовъ и ложно объясняютъ причину, породившую эти обычаи. Они не боятся индусскаго общества, но не дѣйствуютъ вполнѣ свободно, по своему убѣжденію. Они поддерживаютъ всякое общественное совершенствованіе и даже являются на полѣ дѣйствія, но практически не смѣшиваются и не отожествляютъ себя съ движеніемъ. Они не имѣютъ предразсудковъ относительно ѣды и питья. Главная цѣль ихъ жизни—удержать общественное положеніе, заслужить благосклонность правительства и большинства общества. Брахманизмъ они считаютъ великою помощью для достиженія этихъ цѣлей. Возможно однакожъ утверждать, что они вполнѣ неискренни и только показываютъ болѣе, нежели дѣйствительно имѣютъ. Есть нѣкоторые брахманисты, весьма склонные производить общественныя реформы, и они вполнѣ нравственные люди. Но они не видятъ никакой необходимости въ духовныхъ упражненіяхъ. Иногда они приходятъ въ „Божье общество“, иногда молятся дома, но они совершенно равнодушны къ преуспѣянію благочестія и чистоты внутри души. Ихъ цѣль не спасеніе души, а упрочиваніе мірского счастья. Поэтому его именно они ищутъ и въ общественныхъ сношеніяхъ, и въ религіозныхъ упражненіяхъ. Есть наконецъ нѣкоторые истинные брахманисты; Богъ есть единственный путеводитель ихъ. Вся ихъ жизнь посвящена повиновенію ему. Ихъ—идея, что мужчины и женщины обра-

зуютъ святую семью для умственнаго, нравственнаго и духовнаго развитія; всѣ возможныя усилія они рѣшились употребить для достиженія этого. Религія для нихъ значитъ жизнь, цѣль которой достиженіе Бога. Они неравнодушны ни къ какому прогрессу и всякую истину пріемлютъ. Но они считаютъ молитву и самоочищенія единственными средствами къ достиженію совершенствованія. Они живутъ, надѣются и трудятся для спасенія".

6.

Въ заключеніе считаю не лишнимъ дать нѣсколько образцовъ изъ священнаго писанія брахманистовъ. Ихъ первая священная книга называется „Брахма Дхарма"; въ ней собраны изреченія изъ различныхъ древнихъ санскритскихъ писаній: книга раздѣляется на два отдѣла; въ первомъ отдѣлѣ сто пятьдесятъ шесть изреченій, размѣщенныхъ въ шестнадцати чтеніяхъ; во второмъ отдѣлѣ—сто тридцать восемь изреченій и шестнадцать чтеній. Книга начинается съ изложенія четырехъ коренныхъ правилъ или четырехъ членовъ вѣры:

1. „Въ началѣ единъ Богъ былъ; ничто иное не существовало. Онъ сотворилъ все сіе.

2. „Онъ вѣченъ, разуменъ, безконеченъ, благъ, всесвободенъ, безформенъ, единъ, не имѣетъ себѣ подобнаго, вездѣсущъ, правитъ надъ всѣмъ, убѣжище для всего, всевѣдущъ, всемогущъ, безусловенъ, всесовершенъ, несравненъ.

3. „Черезъ служеніе ему одному (получается) благо въ здѣшнемъ и въ томъ мірѣ.

4. „Служеніе ему есть любовь къ нему и свершеніе дѣлъ, имъ возлюбленныхъ".

Затѣмъ идетъ изложеніе „божьяго закона":

Отдѣлъ первый. Чтеніе первое:

1. „Омъ! Брахманисты говорятъ:

2. „Отъ кого эти существа рождаются, и родясь, кѣмъ живутъ, куда возвращаются, входятъ, того старайся познать: сей есть Богъ!

3. „Отъ всеблагого рождаются эти существа, и, родясь имъ живутъ. Къ всеблагому возвращаются, входятъ.

4. „Рѣчь и умъ отступаютъ, не объявъ его. Благость божью познавшій не страшится нигдѣ.

5. „Онъ есть утоленіе. Блаженъ, кто утоленіе пріялъ.

6. „Кто бы дышалъ, кто бы двигался, еслибы въ тебѣ не было всеблагого. Онъ дѣлаетъ всѣхъ счастливыми.

7. „Когда въ этомъ незримомъ, безтѣлесномъ, неописуемомъ, не поддерживаемомъ, кто обрѣтетъ неустрашимый устой, неустрашимъ тогда тотъ.

8. „Рѣчь и умъ отступаютъ, не объявъ его. Благость божью познавшій не страшится никогда.

9. „Онъ высшій путь для души, высшее счастье, высшій міръ, высшее благо. Всѣ существа живутъ этимъ благомъ.

Чтеніе второе. 10. „Сей міръ въ началѣ безусловно не существовалъ. Въ началѣ былъ сущій, прекрасный, единъ, безъ другого. Онъ великъ, не рожденъ, духъ, безъ старости и смерти, безсмертный, безъ страха.

11. „Онъ подвизался (то-есть, по толкованію, созерцалъ область творчества), и, свершивъ подвижничество, создалъ все сіе, что ни есть.

12. „Отъ него рождается дыханіе, разумъ и всѣ чувства, небо, вѣтры, свѣтъ, вода, земля, все содержащая

13. „Его страшась жжетъ огонь и солнце грѣетъ. Его страшась, индра, вѣтеръ и пятая смерть стремятся.

Чтеніе третье. 14. „Познать его грядетъ къ наставнику. Ему подошедшему, съ спокойною мыслью, успокоившемуся, мудрецъ вполнѣ выскажетъ то истинное божественное знаніе, черезъ которое онъ самъ постигъ вѣчное совершенство.

15. „Не цѣнно знаніе ведъ, фонетики, ритуала, грамматики, словаря, метрики, астрономіи. Высоко то знаніе, черезъ которое постигается превѣчный.

16. „Того, кто невидимъ, неосязаемъ, безъ потомства, безъ цвѣта, безъ зрѣнія и слуха, безъ рукъ и ногъ, вѣчнаго, всепроникающаго, вездѣсущаго, безформеннаго, не проходящаго, атомовъ начало созерцаютъ мудрые.

17. „О Гâрги! Превѣчнымъ его называютъ брахманы. Онъ не громаденъ и не атомъ; не кратокъ и не дологъ, не красенъ, не влаженъ, безъ тѣни, безъ мрака, безъ вѣтра, безъ воздуха, уединенъ, безъ вкуса, безъ запаха, безъ ока, безъ слуха, безъ рѣчи, безъ ума, безъ сіянія, безъ дыханія, безъ лица, безъ мѣры.

18. „О Гâрги! Во власти превѣчнаго подчинены пребываютъ луна и солнце.

19. „О Гâрги! Во власти превѣчнаго подчинены пребываютъ небо и земля.

20. „О Гâрги! Въ власти превѣчнаго подчинены пребываютъ мгновенія, минуты, день и ночь, полмѣсяцы, мѣсяцы, времена года.

21. „О Гâрги! Во власти превѣчнаго текутъ рѣки отъ свѣтлыхъ горъ, съ запада и иные съ востока.

22. „О Гâрги! Кто, не познавъ превѣчнаго, въ этомъ мірѣ дѣлаетъ приношенія, жертвы и многія тысячелѣтія подвизается, того выгода конечна.

23. „О Гâрги! Убогъ тотъ, кто, не познавъ превѣчнаго, уходитъ изъ этого міра. О Гâрги! Брахманъ тотъ, кто, познавъ превѣчнаго, уходитъ изъ этого міра.

24. „О Гâрги! Превѣчный незримъ и незрящъ, неслышимъ и не слышитъ, неразумѣемъ и неразуменъ, непознаваемъ и не познаетъ. Въ немъ превѣчномъ, о Гâрги, пространство заключено.

25. Страшась его вѣетъ вѣтеръ, солнце выходитъ, огонь, индра и пятая смерть стремятся.

26. „Весь трепещущій міръ, что ни есть, вышелъ отъ духа. Безсмертны познавшіе многострашный подъятый жезлъ“.

Книга заканчивается „завѣтомъ“, о которомъ было упомянуто выше:

„Омъ! Сегодня, въ такомъ-то году, въ такомъ-то мѣсяцѣ, въ такой-то день пріемлю божій законъ:

1. „Возлюбя творца, хранителя, разрушителя, спасенія подателя, премудраго, вездѣсущаго, въ полной благости счастливаго, нераздѣльнаго, единаго и себѣ подобнаго не имѣющаго, великаго бога, и свершая дѣла имъ возлюбленныя, стану чтить его.

2. „Творецъ всего—великій богъ. Не стану чтить ничего созданнаго.

3. „Безболѣзненъ и не скорбенъ, ежедневно мысленно сосредоточившись, съ вѣрою и любовію стану размышлять о великомъ богѣ.

4. „Буду стараться о нахожденіи добраго.

5. „Буду стараться о прекращеніи зла.

6. „Впавъ по неразумѣнію въ грѣхъ и спасенія желая, не согрѣшу съ-изнова.

7. „Ежегодно отъ успѣшнаго мірского дѣла полученное стану жертвовать „божью обществу“.

„О великій духъ, даруй мнѣ способность сохранить этотъ великій законъ.

„Омъ! Единъ и себѣ подобнаго не имѣющій“.

Образцомъ брахманическихъ гимновъ можетъ служить слѣдующій, взятый изъ Brahma sangîta, стр. 5:

„Богатствомъ, родомъ, молодостью не гордись. Уноситъ мгновенно время все. Отвергни все призрачное это, и, познавъ, спѣши къ стопамъ Бога.

„Трепещетъ капля на листѣ лотуса, такъ и жизнь чрезмѣрно не постоянна.

„Связь съ добрымъ, хоть бы и на мгновеніе, есть ладья для переправы черезъ океанъ бытія.

„День и ночь, вечеръ и утро, осень и весна опять и опять приходятъ. Играетъ время, и жизнь уходитъ, но всякія надежды не покидаютъ.

„Ребенокъ къ игрушкѣ привязанъ, въ красавицу юноша влюбленъ, и старецъ въ свои мысли погруженъ; а къ благу всевышнему никто не прибѣгъ“.

Гимны брахманистовъ кратки и всѣ написаны въ подражаніе болѣе древнимъ санскритскимъ образцамъ или же христіанскимъ молитвамъ. Этимъ послѣднимъ характеромъ отличается пѣснопѣніе прогрессивнаго „божья общества“.

7.

Брахманизмъ обоихъ видовъ, какъ уже не разъ было выше замѣчено, есть результатъ столкновенія Индіи съ западною цивилизаціею, хотя этотъ фактъ и не всегда признается самими брахманистами. Многіе изъ нихъ въ послѣднее время склонны отрицать западное и христіанское вліяніе, для непредубѣжденнаго ясно сказывающееся въ ихъ ученіи, книгахъ, обрядахъ, и во всѣхъ учрежденіяхъ. То, что они проповѣдуютъ, имъ кажется новостью, а между тѣмъ все это вычитано изъ европейскихъ писателей и даже не изъ лучшихъ представителей западной мысли и науки.

Но значеніе брахманизма черезъ это самое нисколько не уменьшается: явленіе это важно уже потому, что не единично въ Индіи: тотъ же духъ отрицанія старыхъ порядковъ и стремленіе къ чему-то доселѣ совершенно неизвѣстному въ Индіи сказывается не только въ религіозной сферѣ, но и въ другихъ. Въ Индіи въ нашъ вѣкъ народилась туземная прес-

са, правда, пока еще неумѣлая, и нынѣ отчасти стѣсняемая правительствомъ; явились политическія общества, изъ нихъ важнѣйшее (British Indian Association) пока строго консервативное въ англійскомъ духѣ и защищаетъ интересы землевладѣльцевъ. Неизвѣстно, однакоже, какое направленіе приметъ индійскій народный духъ вполнѣ эманципированный. А между тѣмъ понять это направленіе несомнѣнно важно для настоящихъ правителей Индіи.

Они познакомили Индію съ современною европейскою мыслью, преисполненною сомнѣнія и отрицанія, внесли туда свою цивилизацію, которая была для индійской жизни силою разрушающею. Никогда Индія не знала проявленія такого отчаяннаго радикализма, какъ всѣ начинанія англо-индійскаго правленія, расшатывающія старые порядки, предразсудки и вѣрованія.

И этотъ радикализмъ на мѣстѣ разрушеннаго не успѣлъ еще создать ничего прочнаго своего. Индія наканунѣ тревожнаго переходнаго состоянія; когда она почувствуетъ, что ей не во-что вѣрить, что все старое плохо, а до новаго она еще не додумалась и не доросла, тогда дѣйствительно эта зіяющая пропасть будетъ страшна англичанамъ.

Возвышаясь надъ управляемыми своею старою культурою и будучи ненавистны имъ гордымъ сознаніемъ своего культурнаго превосходства англичане, Богъ знаетъ, смогутъ-ли тогда руководить юнымъ отрицающимъ обществомъ...

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ:

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ И ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

—

ЧАСТЬ I.

На стр. 19, всюду вм. Rest-haus, читай Rest-house. Стр. 30, вм. святыми, читай: святынями, стр. 32 Кириндe стр. 33, читай: Кириндe Тамъ-же читай: Rest-hous'ѣ: стр 34. Кириндe. 35, читай: Гамбантоты 36 вм. не, читай: но. Тамъ-же, строка 9 снизу, послѣ и, вставь: мы. Стр. 39, вм. томильца, читай: тамильца. Тамъ-же goodness; вм. conscited, читай: conceited; стр. 40, вм. баронства, читай: баронетства. Стр. 43, Rest-house. Стр. 44, Rest house. Стр. 59, Tenants. Стр. 61, Баснаяка-ниламе. Стр. 69, 13 строка сн., послѣ: гдѣ ихъ, вставь: плохо. Стр. 81, 4 строка сверху, вм. поднялись, читай: поднимаемся. Стр. 91, вм. ввезти, читай: свезти. Стр. 121, всюду Маричхаватійская. Стр. 122, вм. морской, читай: малабарскій. Стр. 123, вм. неопріятнѣйшихъ, читай непріятнѣйшихъ. Тамъ-же, Миссака паббато; вм. городомъ, читай: горою; вм. возбудившій, читай: возвѣстившій. Стр. 125, вм. ротамъ, читай: пещерамъ. Стр. 138, вм. 1877, читай: 1874. Стр. 140, вм. Патани, читай: Патини. Стр. 143, 3 строка сн., послѣ отвѣтилъ, вставь текстомъ. Тамъ же, вм. террасу, читай: процессію. Стр. 148, вм. ихъ знаніе, читай: его знаніе Стр. 154, 7 строка снизу, вм. онъ, читай: она. Стр. 160, вм. къ тому же, читай: а потому. 161, вм. тащится, читай: тащился. Стр. 176, вм. томилецъ, читай: тамилецъ. Стр. 183, вм. Макора, читай: Макара. Стр. 191, вм. археологомъ, читай археологъ. Стр. 232, вм Герраи, читай: Тѳрраи. Стр. 239, послѣ и не опредѣляютъ, вставь: точно.

ЧАСТЬ II.

Стр. 35, вм. собираются, читай: добираются Стр. 40, строка 11 сверху вм. тамъ, читай: такъ. Стр. 48, вм. малаялитъ, читай малаялимъ Стр. 59, 12 строка, послѣ можетъ быть, вставь: не. Стр. 60, вм. Галябъ Сингхъ, читай: Гулабъ Сингхъ. Стр 66, вм. пути ихъ, читай: пути-же. Стр. 69, вм.

Хатанъ, читай: Хотянъ. Стр. 71, вм. Хазири, читай: Хазара. Стр. 73, 1 строка снизу, послѣ интересовъ, вставь: пока. Стр. 75, 2 строка снизу послѣ сосѣди, вставь: и. Стр. 84, вм. Lows, читай: Laws. Стр. 86, вм. саможиганіе, читай: самосжиганіе. Стр. 88, вм. succestion, читай: succession. Стр. 111, вм. Leutenant, читай: Lieutenant. Стр. 129, вм. хумаюна читай: Хумаюна. Стр 155, вм. Жаганнахъ, читай: Жаганнатхъ Стр. 162, вм. Ирана, читай: Ирака. Стр. 164, вм. становится, читай: становился. Стр. 165, Ражпутскаго. Стр. 175, вм. Mogna, читай: Magna Стр. 188 вм. Брахма Самаонъ, читай: Брахма Самажъ. Стр. 191, читай: scholarship. Стр. 209, вмѣсто кандитовъ, читай: пандитовъ. Стр. 211, вмѣсто свѣтлаго, читай: свѣтскаго. Стр. 218, вм. Борелли, читай: Барелли. Стр. 229, вм. Analogie, читай: Analogig.

ПРОДАЮТСЯ У ВСѢХЪ КНИГОПРОДАВЦЕВЪ ИЗДАНІЯ

Л. Ф. ПАНТЕЛѢЕВА.

1877—1878 гг.

(Невскій проспектъ, домъ № 30, кв. № 7.)

Гексли и Мартинъ. Практическія работы по Ботаникѣ и Зоологіи, пер. А. Я. Герда . . . . 1—25

Книга эта признана Уч. Ком. М. Н. Пр. «полезнымъ учебнымъ пособіемъ для реальныхъ училищъ и учительскихъ институтовъ».

А. Я. Гердъ. Учебникъ Зоологіи для среднеучебныхъ заведеній и самообразованія.

1-я часть, Безпозвоночныя; съ 239 рисунками въ текстѣ. . 2— »

Уч. Ком. М. Н. Пр. постановилъ: «одобрить оную въ качествѣ учебнаго пособія для реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарій и для основныхъ и ученическихъ библіотекъ гимназій».

Смайльсъ. Исторія Шотландскаго натуралиста Т. Эдварда, пер. С. И. Смирновой. . . . . 2— »

Уч. Ком. М. Н. Пр. постановилъ: «допустить ее въ ученическія библіотеки гимназій, прогимназій, реальныхъ училищъ и женскихъ гимназій, преимущественно для старшаго возраста».

Ф. Ф. Эрисманъ. Гигіена умственнаго и физическаго труда (Профессіональная гигіена) . . . . 2— »

Тэтъ. О новѣйшихъ успѣхахъ физическихъ знаній, пер. подъ редакціей И. М. Сѣченова; съ 24 рис. въ текстѣ. . . . . 2—50

В. А. Манассеинъ. О значеніи психическихъ вліяній (изъ курса читаннаго въ М. Х. Академіи). . . . . 1—25

Гейки. Учебникъ физической географіи, пер. А. Я. Герда; съ 78 рисун. въ текстѣ и 10 картами въ приложеніи 2— »

Ф. Ф. Эрисманъ. Общедоступная гигіена. 1—75

Тоже на веленевой бумагѣ . . . . 2— »

Общедоступный Космосъ: Роско. Изъ чего составлена земля. Локаеръ. Почему таковъ составъ земли. Уильямсонъ. Послѣдовательность жизни на землѣ; съ 50 рис. въ текстѣ. . . 1—25

И. П. Минаевъ. Путешествіе по Индіи и Цейлону. 2—50

Фостеръ. Начальный Практическій Курсъ Физіологіи, пер. С. В. Пантелѣевой . . . . 1—50

ПЕЧАТАЮТСЯ.

А. Я. Гердъ. Учебникъ Зоологіи, часть II. Позвоночныя

Топинаръ. Антропологія, перев. съ франц. изд. 1877 г. подъ ред. проф. И. И. Мечникова.

А. Я. Гердъ. Краткій курсъ Естествовѣдѣнія.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

А. Я. Гердъ. Практическія работы по Физикѣ.

Проктэръ: Популярный курсъ Астрономіи, перев. съ 4-го англ. изданія.

В. А. Манассеинъ: Лекціи Общей Терапіи . . . .

Барухъ Спиноза: Этика, пер. съ латинскаго М. А. Антоновича. . . . .

С. Джевансъ: Основы Науки. Трактатъ о Логикѣ и Научномъ методѣ. . . . .

Учебныя заведенія и другія общественныя учрежденія обращающіяся непосредственно къ издателю при требованіи на 25 р. пользуются безплатной пересылкой.
